

Armin Wagner / Matthias Uhl

BND contra Sowjetarmee

**Westdeutsche
Militärspionage in der DDR**

Ch.Links

Annotation

Основываясь на впервые опубликованных документах Федеральной разведывательной службы (БНД) и документах контрразведки Министерства государственной безопасности ГДР авторы описывают структуру, методы и повседневную работу западногерманской разведки на передовой линии фронта Холодной войны. В ней детально рассказывается о том, как агенты западногерманской разведки шпионили за советскими войсками в Германии с конца 40-х годов до падения Берлинской стены осенью 1989 года. Из книги видно, что тысячи коммивояжеров, водителей, студентов, домохозяек и пенсионеров в течение сорока лет занимались разведкой в интересах Пуллаха и нередко расплачивались за свою шпионскую деятельность многолетним тюремным заключением, а порой даже жизнью.

- [Армин Вагнер, Матиас Уль](#)
 - [От переводчика:](#)
 - [Об авторах](#)
 - [Предисловие](#)
 - [I. Введение](#)
 - [1. Тема и постановка вопроса](#)
 - [а\) Шпионы Пуллаха](#)
 - [б\) История секретной службы, рассказывающая о тайнах](#)
 - [в\) Джеймс Бонд мертв](#)
 - [2. Состояние исследований и литература](#)
 - [3. Источники](#)
 - [4. Документы](#)
 - [II. Ранний период разведывательной деятельности против советских войск в Советской оккупационной зоне](#)
 - [1. Военный шпионаж против Советского Союза и западное «разведывательное сообщество»](#)
 - [2. Новая цель — шпионаж англичан и американцев против Советов](#)
 - [3. Разведка боевого порядка и боевого расписания, проводившаяся Организацией Гелена](#)
 - [4. Экскурс: военные миссии связи западных союзников](#)
 - [III. Военный шпионаж Организации Гелена и Федеральной](#)

разведывательной службы в 1950–1970 годах

- 1. Службы
 - а) Люди из Пуллаха: Организация Гелена и БНД
 - б) Контрразведка Министерства государственной безопасности ГДР
 - в) Сотрудничество МГБ ГДР и советской военной контрразведки
- 2. Портрет объекта разведки: от оккупационных войск к наконецнику копья — ГСОВГ и ГСВГ
- 3. Объем, методы и ограничения военного шпионажа БНД
 - а) Организация Гелена и восстание 17 июня 1953 года в Берлине
 - б) Цели разведывательных действий Пуллаха
 - в) В рутинной круговерти — наблюдатели на местах
 - г) О профиле агента БНД — два примера
 - д) Разведка БНД и возведение Берлинской стены
- IV. Разведка БНД против ГСВГ и контрразведка МГБ ГДР в 1970–1989 годах
 - 1. Взгляды на оперативную работу по противнику
 - а) Стратегии Пуллаха
 - б) ГСВГ в период от постройки Берлинской стены до вывода из Германии
 - в) Второй главный отдел МГБ после 1970 года
 - г) Другие силы и средства МГБ ГДР, участвовавшие в контрразведывательной деятельности
 - д) Лицом к лицу с БНД
 - е) Профиль агентурной вербовки и ведения агента по опыту БНД
 - 2. Удачи и неудачи БНД: человеческий фактор
 -
 - а) Невероятная удача
 - б) Промах
 - 3. Проблемы государственной безопасности ГДР в аспекте контрразведывательного противодействия западногерманскому шпионажу
 -
 - а) Завышенные требования: пример военного аэродрома Кётен
 - б) «Хромая» логика безопасности: пример армейского

- полигона Ютербог
- в) Неподтверждение: пример операции «Прыжок»
 - д) Чиновничий бюрократизм: пример «линейного эгоизма»
- V. «Для других стран слишком безвредна»? Первое подведение итогов военного шпионажа БНД
-

Армин Вагнер, Матиас Уль
БНД против Советской армии:
Западногерманский военный шпионаж в
ГДР
Сокращенный перевод с немецкого

От переводчика:

Немецкими военными историками д-ром Вагнером и д-ром Улем написана книга о почти неизвестной русскоязычному читателю истории — шпионажу западногерманской разведки БНД против дислоцировавшихся в ГДР советских войск. Главы из этой книги публиковались в форме отдельных статей в Исторических чтениях на Лубянке (2007 г.) и в Четвертом томе Трудов общества изучения истории отечественных спецслужб.

Треть книги составляют оригинальные документы, в основном выдержки из карточек наблюдения за советскими гарнизонами и из созданных на их основе аналитических отчетов.

Около 20 страниц занимает список источников и литературы. Подавляющее большинство упоминавшихся в библиографии книг, естественно, выходило на Западе и никогда не переводилось на русский язык. Исключениями являются разве что «Поле битвы Берлин» Кондрашова, Бейли и Мерфи, «Мемуары разведчика» Хайнца Фельфе, «Служба» Р. Гелена и «Игра на чужом поле» Маркуса Вольфа, а также электронные переводы книг Удо Ульфкотте «Совершенно секретно — БНД» и Норберта Юрецко «Условно пригоден к службе».

Я умышленно делал сокращенный перевод, можно даже сказать — дайджест, опустив как документы и литературу, так и многочисленные сноски со ссылками на источники. Моей задачей было привлечь к этой теме заинтересованных читателей. Создание же полного, подлинно научного перевода — дело будущего и дело других людей.

Об авторах

Армин Вагнер, год рожд. 1968, д-р философии, в 1994–2003 гг. научный сотрудник Военно-исторического управления в Потсдаме, в 2003–2006 гг. доцент военной истории в Военном училище сухопутных войск в Дрездене, с 2006 г. научный сотрудник Института изучения проблем мира и безопасности в Гамбурге.

Матиас Уль, год рожд. 1970, д-р философии, 1996–2000 научный сотрудник кафедры восточно-европейской истории университета Мартина Лютера в Галле-Виттенберг, 2000–2005 гг. научный сотрудник берлинского филиала Института современной истории (Мюнхен), с 2005 г. научный сотрудник Немецкого исторического института в Москве.

Предисловие

Война и разведка связаны друг с другом неразрывно. Военным и в мирное, и в военное время требуется самая точная, самая быстрая и подробная информация, потому что только благодаря ей возможна правильная оценка ситуации. А разведывательные службы видят в вооруженных силах противника, их способностях и намерениях, их оснащении, вооружении, доктрине и боевом духе важнейшие цели для своей разведывательной деятельности.

Военная история, если рассматривать ее как часть общей истории определенной эпохи, связывает историю вооруженных сил и военных противостояний в сложный клубок политических, экономических, общественных, даже культурных взаимосвязей. Но она не может и не должна оставлять без внимания также и такой фактор, как военную и политическую разведку.

Вряд ли хоть одна «мирная» эпоха во всемирной истории была в такой же степени отмечена борьбой спецслужб, как период, известный как Холодная война, длившийся с конца Второй мировой войны до событий 1989/1990 годов. В особой степени это касается обоих немецких государств, в которых родственных связи, многолетние дружеские взаимоотношения людей, а также один язык и общность культуры создавали уникальную возможность взаимного проникновения. Конфликт при этом протекал в асимметричной форме: открытому, сравнительно свободному западногерманскому обществу противостояла озабоченная «герметизацией» своей страны жесткая структура государственной безопасности ГДР. Решение западногерманского общества не отграничивать гражданские свободы западных немцев даже в условиях постоянной шпионской угрозы из-за рубежа значительно облегчило работу разведывательных служб Восточного блока. Время от времени из-за этого складывалось даже ошибочное представление, что вся Федеративная Республика была едва ли не полностью «изъедена «кротами»» и представляла собой легкую добычу для советского КГБ и его восточногерманского филиала — Главного управления разведки Министерства государственной безопасности (МГБ) ГДР, известного как «Штази». С другой стороны, западногерманской Федеральной разведывательной службе (БНД) постоянно бросали упреки в ее неспособности и неэффективности. Тот факт, что досье БНД до

сегодняшнего дня лежали под замком, в то время как материалы «Штази» с 1990 года стали открыты общественности, еще больше усилил это впечатление. Бывшие офицеры разведки ГДР и сегодня могут хвастаться своими «успехами», тогда как сотрудникам БНД по-прежнему приходится молчать.

Авторы этой книги подполковник д-р Армин Вагнер из Института изучения проблем мира и безопасности в Гамбурге и д-р Матиас Уль из Немецкого исторического института в Москве представляют публике новый взгляд на историю этого противостояния. Ни в коем случае нельзя утверждать, что в Пуллахе, штаб-квартире западногерманской «Службы», ничего не знали о положении в ГДР. Наоборот: как показывают авторы на примере разведывательной работы БНД против дислоцированных в ГДР советских войск, разведслужба ФРГ была как раз в этой самой жаркой фазе Холодной войны великолепно информирована о месторасположении, структуре, вооружении и личном составе войск противника. Больше того: в Пуллахе были уверены и в том, что в случае вероятного советского нападения они смогут своевременно выявить признаки подготовки к нему. Это было бесценным фактором в политической и военной стабилизации обстановки в то бурное время.

За последнее время БНД передала значительную часть своих старых архивов Федеральному архиву в Кобленце, где они стали открыты для исследователей. Разумеется, еще долго не весь материал будет доступен, данная книга тоже признает существование немалого числа «белых пятен». Но сегодня уже стало возможно приблизиться еще на один шаг к исторической правде. То, что рассказывают здесь Армин Вагнер и Матиас Уль, не просто шпионский роман — это результат многолетних научных исследований, основанных на надежных исторических источниках. Конечно, хотелось бы, чтобы аналогичным образом стали бы открыты и досье в других странах, участвовавших в этом конфликте, прежде всего, хранящиеся в России архивы бывшего Советского Союза, равно как и материалы Федерального и земельных ведомств по охране конституции и Службы военной контрразведки (МАД).

Военно-историческое управление, издавая эту книгу, впервые ступает на неизведанную с точки зрения тематики землю. Постоянно выдвигается требование написать историю обоих немецких государств Холодной войне как историю их взаимодействия. На Западе не могут даже представить себе историю ГДР, где не присутствовало бы ее постоянное сравнение с Западной Германией. Точно так же восприятие ФРГ несло на себе отпечаток существования «другого немецкого государства» на Востоке. Но

шпионаж тоже форма взаимодействия — он обогащает своим свойственным только ему способом знания друг о друге, улучшая тем самым возможность взаимопонимания. Этим самым данная книга открывает новые пути для исследований.

Как руководитель Управления я благодарен обоим авторам, с одной стороны за саму по себе их выдающуюся исследовательскую деятельность, с другой — за то, что результат своих исследований они — скорее всего, из чувства старой привязанности — предложили опубликовать именно Военно-историческому управлению... Я также благодарен редакторам Управления, готовившим эту книгу к печати, чем с самого начала до конца занимался Вильфред Рэдиш, и Кароле Кинке за работу над текстом, а также сотрудникам Четвертого отдела «Военная история ГДР», помогавшими в подборе материалов для данного труда и в его редактировании.

Д-р Ганс Элерт

Полковник

Начальник Военно-исторического управления

I. Введение

1. Тема и постановка вопроса

а) Шпионы Пуллаха

В конце июня 1953 года руководитель агента под кодовым номером V-4335,8 передал из Германской Демократической Республики (ГДР) в Организацию Гелена, в те годы еще неофициальную западногерманскую службу внешней разведки, штаб-квартира которой находится в баварском городке Пуллах к югу от Мюнхена, следующее донесение:

«Так как основные погрузки войск в Темплине в это время осуществлялись в состоянии чрезвычайной активности, источник не мог охватить все погрузки. Источник, несмотря на проблемы с ногой — *он может ходить только с палкой — два раза безрезультатно отправлялся в Берлин*, чтобы войти в контакт со своим агентом-связником. Но *лишь на третий раз* источнику удалось через мост Глиникер Брюкке попасть в Западный Берлин и переслать на условленный адрес свое донесение письмом А-1».

Ежедневная разведывательная работа не делается под ярким светом софитов. Блеск и аплодисменты ей в нормальных условиях противопоказаны. Это касается, прежде всего, тех многочисленных шпионов, которые по поручению Пуллаха в годы Холодной войны работали по восточную сторону Железного занавеса. Эти мужчины и женщины, ежедневно рисковавшие жизнью, как было отмечено в одном внутреннем аналитическом документе Организации Гелена, «не будут ни одной строчкой упомянуты в анналах всемирной истории». И об агенте V-4335,8 «дети никогда не прочтут в учебнике истории».

Окончание Холодной войны и последовавшее за ним открытие архивов на Западе и на Востоке в последнее время дали нам возможность увидеть, что немцы против немцев шпионили не только в одном направлении — с Востока на Запад. Тысячи немцев — как из ГДР, так и из ФРГ, несмотря на бесчисленные опасности — и далеко не всегда ради денег — занимались разведкой в ГДР в пользу западных секретных служб. Приоритетной целью для агентов Организации Гелена («Орг») и созданной на ее базе в 1956 году Федеральной разведывательной службы (БНД) были размещенные в ГДР советские войска.

В День Св. Николая 1977 года руководитель занимавшегося контрразведкой Второго главного управления Министерства госбезопасности (МГБ) ГДР генерал-майор Гюнтер Кратч сделал в Потсдаме доклад перед коллегами из военной контрразведки КГБ СССР. Кратч предостерегал о так называемых разъездных и транзитных шпионах, которые БНД в течение целого десятилетия усиленно засылала в ГДР. Дислоцированные в ГДР войска, по словам генерала «Штази», столкнулись с «широкой, то есть многочисленной сетью военных шпионов, которые в состоянии проводить своими силами квалифицированные рекогносцировки и наблюдения». Кратч назвал два примера: гражданин ФРГ Карл Б., бывший учитель и заместитель директора гимназии, 1910 года рождения, под предлогом посещения родственников шпионил за военными объектами на северо-западе Восточной Германии. «Для наблюдения за одним советским военным объектом в Людвигслусте, — говорил Кратч, — он с 1963 по 1973 год почти 110 раз оказывался вблизи объекта. В тот же период времени он около 36 раз проводил наблюдение за объектом Советской армии у Техентина». БНД поручила Б. собрать в округе Шверина сведения о местонахождении казарм, о вооружении, строительных мероприятиях и изменениях в гарнизонах, а также о перемещениях военных автомобилей. Западногерманская служба ожидала от Б. и «наводок» на тех граждан ГДР, которых возможно было бы завербовать в качестве агентов. Кроме того, он обязан был сообщать об актуальной ситуации с контролем на пограничных переходах и вообще о внутреннем положении в Восточной Германии. В течение четырнадцати лет вплоть до своего ареста житель земли Шлезвиг-Гольштейн Б. ездил в ГДР 27 раз, под предлогом посещения проживающих в Людвигслусте родственников. До 1973 года он ездил один и пользовался железной дорогой, в дальнейшем Б. путешествовал в сопровождении своей жены Анны, которую он к этому моменту проинформировал о подоплеке своих поездок. Тогда они ездили уже на автомобиле. Благодаря частоте поездок и своей смекалке Б. удалось вскрыть местонахождение и провести разведку одиннадцати военных объектов». Когда в его распоряжении были супруга и автомобиль, пара вместе разъезжала по стране и выполняла задания Пуллаха. «Потому что машину вел Б., который частично парализован и с трудом может ходить». Наконец, в июне 1977 года шпионскую супружескую пару арестовали. Карл Б. был приговорен к двенадцати, Анна Б. к семи годам тюремного заключения — после того, как они почти полтора десятилетия поставляли Федеральной разведывательной службе ценные сведения.

«Уже осужденный шпион Й., в частности, с 1968 по 1971 год 500(!) раз

транзитом проезжал через территорию ГДР и целенаправленно использовал эти поездки для наблюдения за военными объектами и перемещениями войск» — докладывал генерал-майор Кратч в декабре 1977 года советским контрразведчикам. Во время посещения своих знакомых, проживающих к югу от Берлина, Й., сорокалетний бизнесмен, занимавшийся транспортировкой грузов, в прошлом водитель-дальнобойщик, вел наблюдение за десятью объектами Группы советских войск в Германии (ГСВГ) в четырех округах — Потсдам, Котбус, Дрезден и Лейпциг. «В этих целях он из города Даме, где останавливался, совершал под видом семейных выездов на природу с женой и детьми поездки на машине в эти районы. Всего за время своей шпионской деятельности Й. занимался наблюдением за 25 военными объектами». Помимо этого БНД использовала его для наблюдения за перемещениями войск ГСВГ и Национальной народной армии ГДР (ННА) — только один этот агент сообщал о 600 военных перевозках — а также для сбора сведений о строительстве мостов и дорог, казарм, аэродромов и радиолокационных установок. На Лейпцигских ярмарках, которые Й. посещал по долгу службы, он должен был шпионить за ведением коммерческих переговоров, а также собирать каталоги. С 1971 года он также использовался в качестве курьера в системе связи с восточногерманскими агентами БНД и устанавливал так называемые «мертвые почтовые ящики» (тайники) для передачи информации. Важную роль в этом играла его жена Рената Й., служившая связником между Хорстом Й. и БНД, доставляя собранную им информацию. Супружеская пара Й. попала в капкан МГБ тоже в 1977 году — после девяти лет работы на БНД. Хорст Й. был приговорен Первой уголовной палатой Верховного военного суда ГДР к пожизненному заключению, Рената Й., которая была двумя годами старше мужа — к 12 годам тюрьмы.

б) История секретной службы, рассказывающая о тайнах

Секретные разведывательные службы, к каковым относится и БНД, являются частью внешнеполитического аппарата государства и снабжают правительство информацией о других государствах организациях и лицах. Именно из этого в годы Холодной войны и следовала задача Федеральной разведывательной службы, которую ее бывший президент Герхард Вессель (руководил БНД с 1968 по 1978 годы) сформулировал так:

«Для вскрытия намерений других держав необходим сбор

сведений во всех областях, которые придают державе силу или на которых ее сила основывается. При этом речь идет об информации как военного, так и военно-промышленного и технического характера, о проходящих в этих сферах процессах, о сырьевой базе, источниках энергии, потенциале экономического развития и торговли, экономических и экономическо-технических тенденциях развития, а также о комбинации всех этих факторов, существующих либо потенциально возможных в сложившихся условиях, которые можно себе представить и которыми нельзя пренебречь, в том числе и о таком варианте развития ситуации, который необходимо учитывать в качестве альтернативного во внешнеполитических расчетах».

Разведывательные службы собирают и анализируют информацию, которая частично собирается против желания объекта разведки. „Intelligence“, как обычно называют разведку в англоязычных странах, определяется как «знание о противнике». Даже если сегодня специальные службы во многом превратились в огромные организации с тысячами сотрудников, многомиллионным бюджетом и бюрократическими методами работы, все равно, собственно главной целью их существования является не «дух администрирования», не дух академического аккумулирования знаний, а именно «ведение войны». С самого начала истории шпионажа в центре его стояла разведка военного потенциала неприятеля, и поэтому Герхард Вессель тоже поставил эту цель на первое место. В Холодной войне в условиях угрозы ядерной войны, однако, произошел необычный парадокс. Если подробно рассмотреть суть военного шпионажа тех лет можно прийти к выводу, что он сыграл стабилизирующую роль в пользу мира, позволив сохранить взаимный баланс сил. «Когда все знают всё обо всех, — делал вывод Вессель, — то невозможны ошибочные оценки, чреватые самыми трагичными последствиями». То, что не разразилась третья мировая война с атомным «сверхубийством» и концом человеческой цивилизации — во многом, по мнению секретных служб, результат успеха их тайной деятельности. Например, когда американские разведывательные самолеты и спутники собрали информацию, благодаря которой воинственные угрозы советского партийного и государственного вождя Никиты Хрущева были окончательно охарактеризованы как пустая риторика, что успокоило Вашингтон, доказав отсутствие как «отставания в бомбардировщиках», так и «ракетного отставания», то это стало заслугой оптического шпионажа в успокоении одного из опасных моментов

Холодной войны.

Сотрудники разведывательных служб обоих германских государств до сегодняшнего дня остаются сторонниками этой позиции, что, как ни странно, объединяет их. Однако, правильность выражения «шпионаж во имя мира» вызывает все больше вопросов и сомнений. Это касается в большой степени и вышеназванного примера с авиационной разведкой с самолетов и спутников. Вспомним, что ошибочный полет американского разведывательного самолета U-2 с Аляски в воздушное пространство над Сибирью во время Карибского кризиса оказался одним из самых опасных моментов всей Холодной войны. С американской стороны этот полет был ошибкой пилота, проводившего рутинную атмосферную разведку для снятия проб радиации в воздухе (после советских ядерных испытаний), но СССР видел в нем подготовку американцами первого ядерного удара. Ведь ни один советский командир не смог бы поверить, что такая опасная авантюра в момент огромного напряжения кризиса была всего лишь ошибкой. Результаты спутниковой разведки во время многолетних переговоров об обоюдном сокращении обычных вооружений и войск в Европе с 1973 по 1989 годы приводили к постоянным спорам о количестве присутствующих в Европе и подпадавших под действие договора войск и блокировали тем самым прогресс переговоров.

Англо-американская историография Холодной войны уже два десятилетия отмечает большое значение разведывательной конфронтации между Востоком и Западом после 1945 года, без учета которой невозможно правильное описание не только дипломатического и военного, но даже культурного и ментального характера конфликта. «Общую картину разведки порой трудно создать на этом фрагментированном ландшафте». В истории международных отношений о разведке говорят как о «потерянном измерении», упоминают и о «революции в разведке», которая оказала влияние уже на ход Второй мировой войны и в еще большей степени развивалась после нее. Английские и американские историки с 1980-х годов решительно взялись за эти «белые пятна истории». За прошедшее время были написаны бесчисленные книги и статьи, причем о таких вопросах, которые ранее вообще не упоминались в исторических трудах. Но немецкие историки, по крайней мере, университетские, очень долго опасались ступить на этот англо-американский путь исследований, по поводу которого видный американский исследователь Ричард Олдрич сказал, что больше нет никаких сомнений в том, что «секретное правительство и было «Большим правительством»». Еще в 2001 году профессор Вольфганг Кригер писал, что в Германии «до последнего

момента было очень мало проектов и публикаций, касающихся внешнеполитических аспектов деятельности секретных служб». Попытка оценки истории восточногерманского МГБ («Штази») — более научная, нежели публично-журналистская — была, пожалуй, одним из редких исключений последних лет. Но и тут основной упор делался на изучение влияния государственной безопасности на характер коммунистического правления и на общественные процессы в самой ГДР. Лишь очень постепенно, когда фокус внимания постепенно смещался с особого случая немецко-немецкого конфликта времен раздела Германии на более широкие аспекты истории Холодной войны, шпионаж и тайные разведывательные операции находили свое место в исследованиях немецких ученых, занимающихся историей международной политики.

В значительной степени малый интерес профессиональных историков Германии объясняется очень ограниченным объемом открытых источников. Особенно серьезно эта проблема до самого последнего времени стояла перед теми, кто пытался изучать историю Федеральной разведывательной службы. Помимо сравнительно недавно открытых документов о ранней истории Организации Гелена, рассекреченных американцами, до сих пор в распоряжении ученых почти нет опирающихся на архивы сведений о внутренней жизни БНД. И недавно открытые для общественности досье в Федеральном архиве в Кобленце почти ничего не сообщают об этом. Даже доклад парламентской комиссии Меркера 1969 года, которая подвергла критической оценке деятельность БНД после ухода на пенсию ее многолетнего руководителя Райнхарда Гелена, до сих пор опубликован только в виде небольших выдержек. Пуллах, городок к югу от Мюнхена, месторасположение штаб-квартиры БНД, превратившийся, по сути, в синоним самой Службы (подобно Лэнгли для ЦРУ и Лубянке для КГБ) по-прежнему остается в историографическом отношении «терра инкогнита». Небогатый выбор мемуаров лишь частично закрывает эту «дыру», так же как и небольшое количество книг о БНД, почти все из которых написаны журналистами. Причем публицистика о БНД почти всегда касалась настоящих или предполагаемых скандалов. Начиная с вербовки бывших нацистов в Организацию Гелена с согласия американцев, шпионских скандалов начала 60-х — дела Хайнца Фельфе и «аферы с журналом «Шпигель»» и вплоть до просачивания в 1982 году информации о проводившейся в 60-х годах с претензиями на мировой масштаб, но фактически ограничивавшейся Италией операции «Ева». В настоящее время внимание журналистов привлекают дискуссии вокруг деятельности БНД до и во время вторжения США в Ирак в 2002-2003 годах, а также

вокруг слежки за журналистами, осуществлявшейся Службой. Насколько важна для развития исследований история БНД, содержащая «разоблачения вместо информации»? Не следует ли ожидать от истории секретной службы, чтобы она изучала, прежде всего, собственно работу разведки, а именно сердцевину ее деятельности — шпионаж? Причем не в виде саги о знаменитых «кротах», а в форме исследования ежедневной перспективы, без погони за сенсациями.

Ренессанс военной истории внутри всей исторической науки методически обращает свое внимание на изучение этой области, ставя вопросы социальной, повседневной, ментальной и культурной истории. Но при этом не следует забывать и о чисто военном измерении проблемы. К военной истории относятся как собственно военное измерение в форме современной истории операций, так и «взгляд снизу» на «военную историю, рассказывающую о смерти». Разведывательные службы при всей своей замкнутости и автономности выполняют определенные задания, которые ставит перед ними правительство — к ним относятся, пусть не исключительно, но пользующиеся особым приоритетом шпионаж и дезинформация, а время от времени также подрывная деятельность и саботаж. История разведывательной службы как история разведывательных действий, упущений и последствий потому явно должна быть чем-то большим, нежели сборником басен о супершпионах и охотниках на шпионов. От истории БНД следует ожидать и большего, чем анализа (весьма полезного, впрочем) недостатков ее организационной структуры. С этим напрямую связан вопрос, смогут ли вообще историки заниматься историей секретных служб, не скатываясь исключительно к «тайнам».

В этой книге будет сделана именно такая попытка: на основании досье, долгое время хранившихся в тайне в Пуллахе, рассказать об оставшейся неизвестной повседневной деятельности разведчиков. Предмет рассмотрения — разведка, которую Федеральная разведывательная служба вела против расквартированных в ГДР советских войск путем массового использования агентов — «источников», как их называют в лексиконе секретных служб, и контрразведывательные мероприятия, проводившиеся против них службой государственной безопасности ГДР. В узком смысле речь пойдет о сборе информации о «составе, дислокации и степени боеготовности размещенных в Восточной Германии советских войск» — о так называемой разведке боевого порядка и боевого расписания — «order-of-battle intelligence», то есть, сборе сведений о количестве, дислокации, перемещении, структуре воинских частей, проводившейся западногерманской внешнеполитической разведкой; о характеристике

используемых ею для этой работы шпионов с Востока и с Запада и о системе связи с ними; а также о мероприятиях по противодействию этому шпионажу, в особенности осуществлявшихся Вторым главным отделом и второй линией МГБ ГДР, которые отвечали за контрразведку. В центре повествования находится отображение количественных и качественных масштабов активных разведопераций БНД по сбору информации о местах дислокации, инфраструктуре, перемещениям войск и о личном составе советских вооруженных сил в ГДР в период между 1950 и 1990 годами, а также о структурах и действующих лицах этого шпионажа, его объеме и его ограничениях.

Если временной диапазон в четыре десятилетия представляется слишком широким, то сама тема на первый взгляд кажется довольно узкой: ограничиваясь названными выше предметами, книга вовсе не представляет собой полномасштабную историю операций БНД в ГДР, поскольку политическая, экономическая и научно-техническая разведка в ней вообще не рассматриваются. Лишь «по касательной» повествование затрагивает восточногерманские вооруженные силы, то есть Главное учебное управление (НВА, 1949–1950), Казарменную народную полицию (КВР, 1950–1956) и, наконец созданную на ее основе Национальную народную армию (НВА, с 1956 г.). Почти не упоминая армию коммунистического немецкого государства, его пограничные войска и многочисленные военизированные формирования книга тем самым не дает и полной картины военного шпионажа БНД против ГДР в указанный период. Кроме того, авторы ограничили изучение разведывательной деятельности западногерманской спецслужбы в ГДР только агентурной разведкой, то есть, разведкой с использованием людей-шпионов, так называемой human intelligence (HUMINT). Мы касаемся технической разведки только в тех моментах, когда это необходимо для понимания разведывательной стратегии БНД, или когда точное разделение обоих разведывательных методов на основе имеющихся материалов не представляется возможным.

С другой стороны, книга не рассматривает усилий всех служебных подразделений («линий») службы государственной безопасности ГДР, которые среди прочего занимались (военной) контрразведкой — например, контролем транзитных путей между Западной Германией и Западным Берлином или охраной предприятий военной промышленности. В основном речь идет лишь об операциях Второго главного отдела МГБ (Hauptabteilung II), который было основной структурой в ГДР, отвечавшей за контрразведывательную деятельность, а в рамках этого управления — Четвертого отдела (Abteilung 4, HA II/4), занимавшегося именно военной

контрразведкой.

Из-за все еще скудной информации из первых рук книга рассматривает политическое руководство БНД, ее внутреннюю организацию и структуру, наконец, взаимоотношения и связи внутри службы только в том масштабе, который представляется нам необходимым для правильного размещения нашей более узкой темы в общем контексте немецко-немецкой истории. Не только наша работа, но и вообще состояние исследований по-прежнему очень далеко отстоит от того, чтобы создать полную картину пуллахского ведомства, историю западногерманской спецслужбы в контексте государственно-структурного строительства западногерманского государства, социальную историю ее персонала, ментальную историю ее руководящего звена, администраторов и чиновников, офицеров связи, технического персонала и даже ее агентов, подобно тем знаниям, которыми мы уже обладаем о Министерстве госбезопасности ГДР как главном противнике БНД.

Такое ограничение основывается, прежде всего, на необходимости пользоваться только теми архивами БНД (и других ведомств), которые на настоящий момент открыты для исследователей, и попытаться на их основе внимательно рассмотреть самую важную форму разведывательных операций западногерманской разведки, оставаясь на твердой почве подтвержденных архивными материалами сведений. Потому книга, несмотря на то, что предмет ее рассмотрения связан со многими тайнами, не стремится к поискам сенсаций и созданию ненужных эффектов. Однако этой книгой мы хотели бы вызвать научную дискуссию вокруг гипотезы, которую мы здесь выдвигаем, проверяя на основе имеющихся у нас источников. Она состоит в том, что, несмотря на распространенную в общественном сознании картину, БНД во время всей Холодной войны успешно — в разном масштабе, но всегда успешно — осуществляла разведывательную деятельность против размещенных в ГДР советских войск.

По своему содержанию книга, основываясь, в частности, на открытых для публики с 2002 года материалах БНД, хранящихся в Федеральном архиве в Кобленце, затрагивает важный аспект деятельности западногерманской внешнеполитической разведки в годы Холодной войны. С точки зрения методики она, как и требует изучение новейшей истории, рассматривает историю обеих Германий после 1945 года не изолированно, а как асимметрично взаимосвязанную историю их взаимоотношений. При этом именно история секретных служб обладает особым потенциалом, ибо БНД и МГБ сталкивались как противники, стремясь обеспечить своему

государству преимущественное положение в немецко-немецком противостоянии. Хотя книга изучает шпионаж за советскими войсками в Германии, она одновременно указывает и на международные взаимосвязи разведки. Так как обе немецкие армии могли после 1945 года рассматриваться исключительно в контексте объединенных вооруженных сил Североатлантического блока и Организации Варшавского договора, а немецкая военная история послевоенного периода в основном является частью истории этих военно-политических блоков, то и «война в сумерках» является, по сути, частью этого стратегического измерения конфронтации между Востоком и Западом. Тем самым узкая тема этой книги расширяется, обретая непосредственную связь с глобальной историей Холодной войны.

в) Джеймс Бонд мертв

Разведки получают информацию разными путями. Завербованный агент или кадровый разведчик благодаря шпионским романам и фильмам занимают основное место в общественном сознании, однако Джеймс Бонд был мертв задолго до того, как завоевал киноэкраны. Это касается не столько человека-агента как такового, поскольку он всегда был и сегодня остается незаменимым элементом разведки. Как раз в военном шпионаже Холодной войны мелкие агенты, непрерывно снабжавшие разведслужбу своими многочисленными, пусть на первый взгляд малозначащими донесениями в реальном масштабе времени, стоили порой гораздо больше, чем размещенные на важных постах профессиональные шпионы. В любом случае это справедливо по отношению к разведоперациям Организации Гелена и БНД против Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ, 1945–1954) и Группы советских войск в Германии (ГСВГ, 1954–1989, с 1989 по 1994 — Западная группа войск, ЗГВ). Несомненно, время от времени в борьбе разведок попадают и «героические фигуры, и великие мерзавцы и нежные соблазнения», «но они никоим образом не представляют собой повседневную работу разведывательных служб». Даже для шпионажа Главного управления разведки МГБ ГДР на Западе, несмотря на знаменитые случаи вербовки выдающихся агентов — таких, как Габриэле Гаст, Гюнтер Гийом, Йоахим Кразе, Урзула Лоренцен, Йоханна Ольбрих («Соня Люнебург»), Райнер Рупп, братья Альфред и Людвиг Шпулеры — главную информационную ценность для разведки все равно представляла собой совокупность сведений, полученных из всех существующих источников.

На самом деле, HUMINT, агентурная разведка — лишь одна из разновидностей шпионажа. Разведка начинается с анализа открытых материалов из стран-целей, часто очень подробно опубликованных тамошними правительствами, парламентами, партиями, группами, и не в последнюю очередь — в средствах массовой информации и в специальной литературе. Демократии представляют в этом смысле лучшую цель, нежели диктатуры и авторитарные режимы. В основном принято считать, что демократическая форма государственности с ее плюралистически организованным обществом более легкая мишень, чем жестко контролируемые полицией диктатуры. Объем работы, проводимой на Западе разведкой МГБ — где кроме обычного шпионажа имело место и размещение на важных политических постах агентов влияния, попытки манипуляции средствами массовой информации, и даже попытки подготовки диверсионных и террористических мероприятий в ФРГ — просто не поддавался воображению западногерманской политической элиты и общественности. «Для контроля всех сфер жизнедеятельности на Востоке и на Западе путем использования широкомасштабной сети информаторов контрразведывательные механизмы Федеративной Республики Германия не были созданы и не приспособлены для этого и сейчас».

Разведка при использовании открытых источников, open source intelligence (OSINT), при которой не подвергается опасности ни один агент, является основой и фоном для любых сведений, добытых тайным путем. Одновременно в ходе разведывательного анализа с ее помощью определяют, в какой сфере требуется получение дополнительных сведений, о чем необходимо узнать из секретных источников. Основную часть полученных тайным путем сведений современные разведслужбы добывают с помощью технической разведки. К разведке средствами связи, signal intelligence (SIGINT) с наступательной стороны относятся, прежде всего, разведка по получению информации с линий коммуникаций — communication intelligence (COMINT) и радиоэлектронная разведка — electronic intelligence (ELINT). COMINT — это старая добрая радиоразведка. Она определяет и идентифицирует источники излучений любого рода в электромагнитном спектре и перехватывает содержание отправляемых оттуда посланий, в особенности радиограмм. ELINT охватывает использование современных средств коммуникации и электронных приборов, например, радаров и беспроводных компьютерных сетей. В середине рассматриваемого в этой книге периода, то есть, примерно в 1970 году, авторы книги «Пуллах изнутри» Хёне и Цоллинг

определили долю HUMINT и SIGINT в общем информационном «улове» ЦРУ всего в 20 процентов. Остальные 80 процентов приходились на сведения, полученные из открытых источников (OSINT) или на донесения аппаратов военных атташе. В этом уравнении, однако, отсутствуют данные оптической разведки — *imaginery intelligence* (IMINT). Фоторазведка приобрела столь большое значение вовсе не в годы первых полетов американских высотных самолетов-шпионов U-2 (первый полет такого самолета над Восточной Европой состоялся 20 июня 1956 года) и не после появления первого американского разведывательного спутника Discoverer 14 четырьмя годами спустя. Уже с 1945 года американские и английские разведывательные самолеты действовали в воздушном пространстве за Железным занавесом. У Федеральной разведывательной службы во время Холодной войны, правда, не было собственных спутников и самолетов для дальней фоторазведки, однако в ней было создано высокопрофессиональное подразделение для анализа спутниковых снимков, которые очевидно в основном покупались у коммерческих структур.

Обзор: спектр основных разведывательных источников для военного шпионажа

- а) Радиоэлектронная разведка
- б) Фото- и оптическая разведка (с самолетов и спутников)
- в) Акустическая и гидроакустическая разведка
- г) Вербовка граждан ГДР в качестве наблюдателей на местах либо внутренних агентов
- д) Военный шпионаж, осуществлявшийся гражданами ФРГ во время их транзитных поездок, туристических и гостевых посещений ГДР
- е) Получение сведений в ходе бесед и опросов выезжавших на Запад граждан ГДР
- ж) Дипломаты, журналисты и военные атташе
- з) Опросы на западногерманской границе
- и) Военные миссии связи западных стран-союзников
- к) Военные наблюдатели в соответствии с договором о мероприятиях, способствующих взаимному доверию, безопасности и разоружению в Европе

2. Состояние исследований и литература

Труды, посвященные дуэли восточных и западных секретных служб в разделенной Германии и противостоянию БНД и МГБ, регулярно появлялись на книжных рынках еще до 1989 года. Многие такие книги были написаны журналистами, и правдивость сообщаемых в них сведений едва ли поддается проверке, ибо трудно узнать, опирались ли их авторы в своих исследованиях на настоящих или фальшивых «доверенных лиц» или просто на сообщения прессы. «Классиком» среди этих трудов является, что касается западной стороны конфликта, «Пуллах изнутри» — история БНД, написанная Германом Цоллингом и Хайнцем Хёне в 1971 году. Хотя оба автора — редакторы журнала «Шпигель» — вызвали достаточно жесткую реакцию раздраженного Райнхарда Гелена, но основные методы разведки боевого порядка и боевого расписания, осуществлявшейся его организацией против советских войск в ГДР, они отразили весьма достоверно. До сих пор никто не превзошел «Пуллах изнутри» в описании этого раннего периода деятельности Организации Гелена и БНД. Даже новое исследование истории службы, написанное Петером Ф. Мюллером и Михаэлем Мюллером, тоже двумя журналистами, не смогло добавить много нового в описании разведывательной практики БНД с конца сороковых до восьмидесятых годов.

Самым известным из немецких публицистов, который постоянно и очень резко критически пишет о Федеральной разведывательной службе, является Эрих Шмидт-Эенбоом. Его книги свидетельствуют, что он, по меньшей мере, частично обладает знаниями о внутренней жизни Службы, даже если в книгах среди своих источников он называет исключительно опубликованные в средствах массовой информации материалы. Но видимо лишь окончанием Холодной войны и надеждами на «дивиденды от мира» даже в сфере разведслужб можно объяснить то, что Шмидт-Эенбоом в своей книге о БНД «Шпики без нюха» (1993) выступил за полный роспуск немецкой службы внешней разведки. Особенно полемическим становится его книга в тех местах, где он (в 1993 году!) рассуждает о «милитаристской внешней политике» ФРГ, а место расположение одного из филиалов БНД называет «местом преступления». Точно также и в своей последней книге «БНД. Немецкая разведка на Ближнем Востоке» он мечется между «теорией глупости» и «теорией заговора» (Вильфред фон Бредов) и не может решить, то ли пуллахские агенты бестолковы и ни на что негодны, то

ли они представляют собой угрозу для демократической Германии. Но и в серьезной публицистике можно писать о секретной службе без апологетики с одной стороны и без скандалов — с другой, что доказывает книга Эрика Гуйера «Борьба на новых фронтах». После краткого описания деятельности Федеральной разведывательной службы в Холодной войне он переходит к новым задачам, стоящим перед немецкой разведкой после терактов 11 сентября 2001 года, чему и посвящает большую часть своей книги, потому она, разумеется, не может дать много нового к нашему предмету изучения.

Одним из ранних исследований противостояния западно- и восточногерманской секретных служб, вышедшим вскоре после мирного переворота 1989–1990 годов, была книга Петера-Фердинанда Коха «Враждебные братья». Но это было не столько «подведение баланса после пятидесяти лет войны между братьями», как гласил подзаголовок книги, сколько «экскурсия» по истории немецких спецслужб двадцатого века, где автор усиленно разыгрывал из себя хорошо информированного человека, но оценки его были весьма поверхностны. Более содержательной, с упором на шпионаж МГБ на Западе, была книга Петера Зибенморгена «Запад в прицеле «Штази»», вышедшая тоже вскоре после объединения Германии. Эта тема была дополнена в дальнейшем новыми исследованиями, посвященными работе восточногерманской разведки в Западной Германии. Хороший информативный обзор противостояния разведок в Германии, не ограничивающийся только борьбой БНД и МГБ, содержался в книге «Дуэль в темноте», подготовленной к выставке «Шпионаж в разделенной Германии» в 2002 году.

Более важной, соединяющей в себе материал из серьезных источников со свидетельствами участников противостояния, была книга американского журналиста Джорджа Бейли, бывшего офицера ЦРУ Дэвида Мерфи и отставного генерала КГБ Сергея Кондрашова «Поле битвы — Берлин», посвященная истории берлинских резидентур ЦРУ и КГБ в период с окончания Второй мировой войны до постройки Берлинской стены, которая, несмотря на некоторые ошибки, была первой в своем роде. «Поле битвы Берлин», как и книга Дэвида Стаффорда «Берлин под землей» о строительстве, использовании и разоблачении Берлинского туннеля (операция «Золото») не касаются военного шпионажа БНД в Восточной Германии, но освещают роль разделенного города как центра шпионажа в полтора первых послевоенных десятилетия, которым пользовался и аппарат Гелена.

Возможно, самыми новыми книгами на данную тему стали работы Пола Мэддрелла, прежде всего его книга о разведке боевого порядка и

боевого расписания британских и американских разведслужб в Германии первых послевоенных лет и труд о научно-техническом шпионаже западных секретных служб, в том числе и БНД, в ГДР вплоть до возведения Берлинской стены. Эта научно-техническая и технологическая разведка Запада в отличие от технологического шпионажа МГБ выполняла задачу не преодоления технического отставания, которым страдали страны Восточного блока, несмотря на запуск первого спутника и полет Гагарина в космос. Если восточноевропейские разведки охотились за западным «ноу-хау», то цели научно-технической разведки западных стран были намного ближе к обычному военному шпионажу, поскольку их интересовали, прежде всего, военные разработки СССР и его союзников, создание новых систем вооружения и боевой техники, поступавших в Советскую армию и армии стран Варшавского договора. В отличие от структурно разработанной научно-технической разведки, описываемый в нашей книге военный шпионаж представлял собой систему сбора донесений и наблюдений за состоянием и действиями ГСОВГ и ГСВГ, играя роль своего рода системы раннего сейсмического предупреждения на случай возможного нападения Варшавского пакта на Запад. Однако в сумме своих сведений он одновременно предоставлял Западу глубокие стратегические знания о противнике.

Стандартным трудом «с другой стороны» нужно назвать вышедшую впервые в 1969 году, а в 1980 году — уже в четвертом переиздании в Военном издательстве ГДР книгу Альбрехта Каризиуса и Юлиуса Мадера «Больше не секретно» о «развитии, системе и методах работы империалистических немецких секретных служб». Во время публикации этой книги и вплоть до 1990-х годов в Западной Германии, не считая труда Цоллинга и Хёне не было ни одной публикации, в которой в таком объеме и с такими подробностями были бы показаны секретные службы Бонна. Даже с учетом того, что авторы получали сведения из МГБ, да и сама книга была явно пропагандистской работой, то все равно западногерманский ландшафт секретных служб — который с заведомой тенденциозностью, несмотря на разделение функций и существующие противоречия, был там показан именно как единый аппарат — был там описан очень подробно и точно, благодаря информации из империи Эриха Мильке.

В часто пропагандируемой тенденциозной, полной самооправдания книге «Безопасность», написанной бывшими офицерами «Штази» и вышедшей в 2002 году, авторы, рассказывая о восточногерманской контрразведке много раз описывают методы БНД, используемые против ГДР и соответствующие контрмероприятия восточногерманских служб

контрразведки. Но, в общем и целом работу контрразведки ГДР все же приходится признать сравнительно малоизученной. Помимо главы в книге «Безопасность» ей посвящен разве что небольшой обзор, касающийся, прежде всего, организационной стороны вопроса, помещенный в публикациях «Анатомия госбезопасности», выходящих в Ведомстве федерального уполномоченного (т. н. «Ведомство Гаука» по изучению наследия «Штази»). Хотя уже вышли первые работы о сотрудничестве МГБ и КГБ, но и в них мало что сказано о совместных мероприятиях советских и восточногерманских контрразведчиков против операций западных секретных служб.

Аспекты шпионажа БНД в ГДР рассматриваются и в мемуарах бывших разведчиков. Прежде всего, из таких книг можно узнать о внутренней жизни БНД, о которой собственно очень мало известно. В меньшей степени это можно сказать о лишь изредка конкретных воспоминаниях генерала Гелена («Служба»), которые, впрочем, важны для изучения истории менталитета немецкой секретной службы. О ранней стадии развития созданной Геленом в западных оккупационных зонах разведслужбы можно узнать из недавно появившихся мемуаров Джеймса Критчфилда «Задание — Пуллах», которого сам Гелен в своей книге называл псевдонимом «Мистер М.». Под именем Кент Дж. Маршалл он с 1948 года в течение восьми лет был главным советником ЦРУ в Организации Гелена. Рихард Майер, с 1970 по 1975 годы руководитель оперативного управления БНД в своих вышедших двадцатью годами позже воспоминаниях «Разведка без маски» описывает проблемы БНД времен своей работы там. Дослужившийся до поста начальника реферата Вальдемар Марквардт в книге «Пережитое в БНД» тоже много рассказывает о действиях службы на его уровне за много лет работы в БНД, время от времени касаясь и вопросов военного шпионажа. В своих романизированных воспоминаниях о военном шпионаже «на передовой» сообщает и оперативник БНД Норберт Юрецко, прослуживший в Пуллахе с 1984 по 1998 годы («Условно пригоден к службе»). Несмотря на явно тенденциозный характер книги, где автор стремится представить себя героем-одиночкой, его произведение содержит интересные сведения о военном шпионаже БНД в ГДР против советских войск, в том числе и в последние годы пребывания ЗГВ уже в объединенной Германии — вплоть до ее вывода в 1994 году.

Супершпион КГБ и «крот» в БНД Хайнц Фельфе еще до падения Берлинской стены описал свои приключения в книге «Мемуары разведчика», вышедшей по обе стороны Железного занавеса. Во многих местах его описание событий чрезвычайно реалистично, особенно, что

касается работы БНД с агентами. Определенный «аромат» этой книге придает сравнение разведывательных методов в Главном ведомстве имперской безопасности (РСХА) Третьего Рейха и в Федеральной разведывательной службе. Причина, по которой автор, советский агент, подчеркивал схожесть методов, не вызывает вопросов, хотя изложение и отличается некоторой элегантностью. Как и Марквардт, но уже со своей стороны описывает ежедневную работу Пуллаха агент МГБ и правительственный директор БНД Габриэле Гаст в своей книге «Разведчица мира». Наконец, нужно упомянуть мемуары офицера МГБ Гельмута Вагнера «С дружеским приветом из Пуллаха», который занимался как раз контрразведывательной деятельностью против БНД. Помимо подробностей противостояния спецслужб в них высказывается и точка зрения, разделяемая до сих пор многими офицерами «Штази»: «Без излишнего хвастовства можно сказать: БНД преследовали неудача за неудачей, она попадала из одной ловушки, поставленной нами, в другую». В литературе подобного рода Федеральная разведывательная служба, Ведомство по охране конституции и Служба военной контрразведки МАД предстают в образе хронических неудачников, которым так и не удалось выполнить свои задания. Реальные и вымышленные неудачи и ошибки западногерманских противников позволяют авторам таких мемуаров чувствовать в себе профессиональную гордость, показывать безупречное мастерство МГБ. По их словам, в этой области у МГБ провалов не было, а что касается неудач в политической сфере, то, возможно, люди Мильке слишком долго игнорировали эти политические проблемы, возможно даже замечали их и обсуждали в узком кругу, но, в конце концов, все равно ничего не смогли бы сделать. Когда же ГДР, наконец, развалилась, то, по мнению авторов воспоминаний, в этом не было вины восточногерманских «чекистов».

Авторы вышедших в ФРГ книг почему-то охотно воспользовались этим образом неудачливых западногерманских спецслужб — кроме очень немногих исключений. «Описанием историй всех провалившихся шпионов БНД от водителей и речников до транзитных пассажиров в поездах можно заполнить целые тома энциклопедии». Так пишут журналисты Петер и Михаэль Мюллеры. «Результат всегда был один. Если БНД думала, что достигала цели, то почти всегда как раз у цели ее поджидали сотрудники МГБ». Если же шпионам БНД в исключительных случаях не помешала восточногерманская контрразведка, то их операции срывались по вине уставов, инструкций, бюрократии и начальников — таков, к примеру, вывод воспоминаний Юрецко. С оперативной точки зрения, как утверждается в

его не скупящейся на злые ярлыки книге, разведка БНД против ГСВГ и ЗГВ была не плоха, но чиновничья структура, чиновничий менталитет и недостаточная компетентность центра раз за разом мешали «фронтовым свиньям» добиться успеха.

В годы Холодной войны из-под пера перебежавших на Запад советских офицеров секретных служб выходило немало книг о КГБ и его внутренней жизни. Первой работой о военной контрразведке КГБ в ГДР были вышедшие в 1976 году воспоминания капитан Алексея Мягкова «Внутри КГБ» — «особиста» 6-й мотострелковой дивизии ГСВГ в Бернау. Мягков сбежал во время экскурсии в Западный Берлин, оторвавшись от сопровождения. В 1978 году в СССР вышла официальная история военной контрразведки — «Военные чекисты» Острякова. Разумеется, книга была пропагандистской и представляла собой сборник случаев разоблаченного шпионажа, ничего не говоря о структуре и методах советского контрразведывательного аппарата. Лишь после распада СССР наследник КГБ — российская ФСБ опубликовала несколько книг, где с опорой на архивы в ограниченных рамках описывалась история и методы работы общей и военной контрразведки — например, в альбомах «Лубянка,2» и «Смерш». Но так как основная часть описываемых в книгах случаев приходится на время Второй мировой войны, а в послевоенное время — на контрразведывательные мероприятия на территории самого Советского Союза, то в них лишь изредка можно встретить упоминания о работе советских органов безопасности в ГДР. Это касается и книг, выходящих не под эгидой официальных структур. Исключением тут можно назвать воспоминания высокопоставленных офицеров КГБ, служивших в годы Холодной войны в Управлении особых отделов (УОО) Группы советских войск в Германии. Иван Устинов в книге «Крепче стали», сконцентрировавшись на событиях времен войны, обмолвился о своей работе на должности начальника советской военной контрразведки в Восточной Германии с 1974 по 1981 годы всего лишь парой слов. Но ценность его книги в том, что он называет в ней множество имен советских офицеров-контрразведчиков, которые до сего момента нигде нельзя было найти. Значительно интересней «Записки военного контрразведчика» генерала Бориса Гераскина, в 1959–1964 годах начальника особого отдела 18-й гвардейской армии, а в 1972–1979 года заместителя начальника УОО. Он постарался создать разностороннюю картину контрразведывательной работы ГСВГ против западных разведок. Но, к сожалению, приходится признать, что до сих пор в России не вышло ни одного научного труда, полностью посвященного деятельности советской военной контрразведки в

ГДР.

3. Источники

На пути историков «братской войны» между БНД и МГБ стоит важное препятствие, значительно осложняющее реконструкцию этого противостояния — асинхронный доступ к источникам. Досье Министерства госбезопасности ГДР открыты для исследователей, несмотря на некоторые ограничения из-за юридических обязательств. БНД, МАД и ведомства по охране конституции со своей стороны продолжают скрывать свои архивы от ученых, мотивируя это требованиями неограниченной во времени защиты агентов и методов. «С объективной точки зрения эта мания секретности приводит к тому, что в новейшей истории, занимающейся этой тематикой, до сих пор существует монополия на объяснение событий с точки зрения «Штази». Потому тот лавровый венок триумфатора, который сплели в своих воспоминаниях пенсионеры восточногерманской госбезопасности, подвешен на тонкой нити молчания западных разведцентров.

Лишь в самое последнее время были рассекречены некоторые разведывательные досье западногерманских спецслужб. К примеру, сейчас ученые уже могут опереться на источники из архивов, изучая события ранней стадии создания земельного ведомства по охране конституции Северной Рейн-Вестфалии. В 1983 году БНД провела внутреннее мероприятие, создав у себя архивный отдел. Годом ранее Федеральный архив и БНД впервые достигли соглашения о передаче Федеральному архиву в Кобленце рассекреченных досье БНД. До этого все документы БНД о завершившихся операциях, срок хранения которых истекал, (якобы) подлежали уничтожению, что с точки зрения исторической науки равнялось полной потере информации. Но с того времени прошло почти два десятилетия, прежде чем документы БНД действительно стали открыты для исследователей.

Сначала Федеральный военный архив во Фрайбурге в Брайсгау получил документы еще из наследия Вермахта. По принятому соглашению документы, «однозначно закрытые после 1945 года», должны были передаваться Федеральному архиву в Кобленце. Среди таких бумаг помимо исследований Исторического отдела армии США находилась гора из почти двадцати шести тысяч карточек из картотеки отдела «Иностранных армий Востока» Генерального штаба сухопутных войск Вермахта со сведениями о Красной армии и — более позднего времени — об «народно-

освободительных армиях» Восточной Европы. Этот обзор, который начали вести еще в 1940 году, не был закрыт с концом войны, но служил сначала Организации Гелена, потом Федеральной разведывательной службе в качестве материала для военного анализа. Последние уточнения в нем датируются 1965 годом. Помимо частей и соединений Группы советских оккупационных войск в Германии и позднее Группы советских войск в Германии, там перечислены также учреждения советских секретных служб «Смерш» и НКВД или МВД, а также Советской военной администрации в Германии (СВАГ). Материал дополняется картотекой номеров полевой почты, насчитывающей 15 тысяч листков с регистрационными номерами полевой почты Красной армии, и с идентифицирующими признаками, характеризующими соответствующие части, учреждения и гарнизоны, которые отдел «Иностранные армии Востока» вел до 1 апреля 1945 года, а сотрудники Пуллаха продолжали до 1969 года. В этой картотеке содержатся сведения о частях Советской армии в Советской оккупационной зоне (СОЗ)/ГДР, в оккупированной Советами до 1955 года части Австрии, в Чехословакии, Болгарии и на территории СССР — в Прибалтийском, Белорусском, Киевском, Прикарпатском, Московском, Забайкальском, Туркестанском и Северокавказском военных округах, а также на Дальнем Востоке.

Именно на этом заложенном в годы Второй мировой войны фундаменте Гелен мог начать строить свою службу. Ведя разведку нового старого противника, он с выгодой пользовался накопленными заранее знаниями и соединял их с новой собранной информацией. Документы отдела «Иностранные армии Востока», которые его сотрудники спасли после окончания войны, высоко ценились также в Лондоне и в Вашингтоне. Американцы использовали их в своей разведывательной работе в разделенной Германии. Среди прочего, документы включали «очень полное досье на видных советских военных, организационные схемы, многочисленные публикации «Иностранных армий Востока» охватывали большинство аспектов советских военных мероприятий и содержали очень много материала по историческому фону развития СССР. В Вашингтон была направлена просьба заполучить эти документы назад через самые высшие командные звенья, чтобы они без промедления вернулись в распоряжение командования американских войск на европейском ТВД.

Другим важным источником из числа переданных БНД Федеральному архиву в Кобленце материалов была так называемая «картотека наблюдений за местами дислокаций гарнизонов в ГДР», содержавшая

около десяти тысяч карточек. Как вспомогательное средство для военных аналитиков Организации Гелена и Федеральной разведывательной службы она охватывала донесения о советских военных объектах в ГДР и в объединенной Германии с 1950 по 1991 год и свидетельствовала о систематических стараниях разведчиков западногерманской секретной службы по наблюдению и контролю за местами дислокации советских войск в Восточной Германии. Рассекреченный материал в 1996 году был передан внутреннему архиву БНД, а в 2002 году — Федеральному архиву.

Всего в этой картотеке перечислено 482 места дислокации советских сухопутных войск, подлежавших наблюдению, причем за каждым местом дислокации осуществлялось наблюдение в трех направлениях: воинские части, сооружения и земельные участки. Потому каждое место дислокации рассматривалось по разным рубрикам: транспортные перевозки, общие наблюдения, казармы и другие военные объекты, полигоны, проходящие учения. Здесь очевидно намерение собирать как статическую (казармы, к примеру), так и динамическую (перемещения войск) информацию.

Внесенная в карточки информация подавалась в краткой форме. В основном это сокращенные резюме сообщений соответствующих агентов. Карточка на каждое место дислокации велась в хронологическом порядке. Каждое внесение проходит под определенным внутренним номером БНД, дающим представление о том, каким образом материал попал в руки БНД. Затем указан тип источника: оперативные сообщения от собственных агентов, результаты опроса беженцев, материалы от союзных спецслужб (обобщающее кодовое слово «Флёроп», отдельные спецслужбы тоже именуется именами цветов: Франция — «Нарцисс», Великобритания — «Астра», Дания — «Бегония», США — «Гортензия»), радиоперехват БНД — кодовое обозначение «Лаус» («Вошь»)/БМ), опрос «беженцев из республики» (ГДР) (кодовое обозначение — Диана) и из особо чувствительных оперативных источников, например, от перебежчиков (кодовое обозначения — Титус, Мозель), а также из анализа открытых источников.

Собственные агенты до 1963 года обозначаются в картотеке кодовыми номерами. От офицера-оперативника информаторы получали так называемый «Фау-номер» (V-Nummer — от слова Vertrauensperson — «доверенное лицо», т. е. агент), обычно только он знал настоящее имя агента. Согласно основополагающему принципу отделения в разведке добычи информации от ее анализа в картотеке не было упомянуто ни одно настоящее имя источника. Исключением являются лишь результаты опроса

сбежавших на Запад восточных немцев, так называемых «беженцев из республики».

Все входящие донесения оценивались по степени надежности источника и правдивости содержания донесения. Эту систему БНД переняла от американской разведки. Она состоит из комбинаций букв и цифр начиная с «А» (надежный) до „F“ (в настоящее время надежность не подлежит проверке), а также с 1 (подтверждено другими источниками) до 6 (подтверждение невозможно). На основе карточек даже сегодня только изредка можно однозначно оценить, получены ли сведения путем наблюдения за казармой снаружи или внутри. Но так как иногда удавалось передавать и высказывания советских офицеров, с которыми немец не мог просто так контактировать вне советских военных объектов, можно сделать вывод, что донесения — в той или иной степени — поступали как от внешних, так и от внутренних источников. Кроме того, видно, что в карточки включены также показания советских дезертиров. Прямые выводы аналитиков по поводу отдельных сообщений встречаются в карточках редко.

Информационный объем по местам дислокации в картотеке совершенно различен. Наблюдение за местами дислокации в Потсдаме с начала 50-х по начало 70-х годов зарегистрировано на 740 карточках, а в Шверине — на 300. О 149 гарнизонах, например, в Деммине в Передней Померании, есть лишь одна карточка с результатами наблюдений, чему было несколько причин. Нередко речь идет лишь о комендатурах, небольших объектах, мастерских, складах или временных командных пунктах. Интерес БНД к таким объектам был невелик. Есть места дислокации, на которые приходится две карточки (всего их 48), три (31) или четыре (19). Лишь очень редко в этих местах стояли большие части, но если даже было и так, то — как, к примеру, 80-й танковый полк в Шпремберге в 1953 году или 350-й артиллерийский полк в Айленбурге в 1958 году — они просто передали свои казармы частям Национальной народной армии ГДР. Очевидно, после этого данные о наблюдении теперь уже за восточногерманскими военными объектами переместились в другую картотеку. Но изредка и в этой картотеке находятся карточки с наблюдениями за вооруженными силами ГДР — кроме Казарменной народной полиции и ННА, также о пограничной и транспортной полиции и о пограничных войсках.

До 1961 года в картотеке наблюдений за местами дислокации в ГДР попадают материалы союзных спецслужб, обозначенные там как «трофейные» бумаги или результаты почтовой цензуры. Зато со второй

половины 60-х годов все реже встречаются донесения собственных агентов, и в дальнейшем БНД во все большей мере пользовалась при продолжении ведения досье разведсведениями своих западных союзников. Недостаточное пополнение сведений в досье привело к потере его динамического характера. С начала 70-х годов картотека превратилась в лишь не систематически дополнявшееся средство статического наблюдения за войсками, притом постепенно устаревавшее и терявшее оперативное и аналитическое значение. Однако следует учитывать, что с конца 70-х годов БНД как одно из первых федеральных учреждений перешла к использованию компьютерных систем обработки данных, потому традиционная картотека стала анахронизмом. Были ли потеряны источники, или информация от них просто фиксировалась уже по-другому — на основе имеющихся документов однозначно на этот вопрос ответить пока нельзя.

Помимо этих материалов, дающих нам возможность рассмотреть «в разрезе» момент между получением и анализом информации, можно было воспользоваться и обобщающими аналитическими отчетами БНД, доступ к которым уже открыт. За время с 1960 по 1992 годы Отчеты о военной ситуации на Востоке, насчитывающие 298 томов, разделенных на три категории (недельные, месячные и годовые отчеты) переданы в Кобленц. В качестве окончательного результата разведки эти документы не дают информации о получении и обработке содержащихся в них сведений. Отчеты эти предназначались для ознакомления более или менее широких кругов внешних пользователей готовыми сведениями при условии отказа от упоминания источников и методов получения разведывательных сведений. Из досье БНД не видно, кто именно был адресатом отчетов, да и сама Служба в данный момент не собирается предоставлять такую информацию.

С 2004 года в Федеральном архиве находится другой важный массив документов: 139 томов из реферата «Политический анализ СОЗ/ГДР». В нем содержатся отчеты реферата о получении определенных сведений, анализов и сообщений, внутренняя корреспонденция и т. д. Первые документы датируются лишь 1961 годом. Правда, в этом случае легко определить, кому предназначались данные отчеты, ведь адресат прямо указан на самих документах. Ежедневные разведсводки из Пуллаха сначала телетайпом передавались в Ведомство Федерального канцлера, в МИД, в Федеральное министерство обороны и в Федеральное министерство по общегерманским вопросам. В некоторых случаях доступ к информационным материалам пуллахских аналитиков получали и другие ведомства. Потому

среди получателей время от времени значились Федеральное министерство экономики, посольства ФРГ, конечно, резидентуры БНД, а также спецслужбы западных союзников. Службам «Флёрп», понятно, не передавались сведения, которые сама БНД получала от союзных разведок.

Если недельные, месячные и годовые отчеты о военной ситуации не содержат сведений об источниках и о внутренней оценке информации, то ежедневные сводки дают возможность узнать кое-что о ежедневном обиходе с агентурными донесениями в рутинной практике БНД. Большую часть пересылаемых в Бонн сведений составляют данные из высших партийных кругов Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и отдельных министерств ГДР. Оценка достоверности источников, которая колеблется от «В» (надежно) до «С» (достаточно достоверно) показывает, что разведка не имела прямого доступа к высшим партийным и государственным функционерам ГДР, зато поддерживала связь с людьми из их ближайшего окружения (референтами, секретарями и т. д.). То же самое можно сказать о разведывательных каналах в советских посольствах, представительствах и консульствах, которые тоже использовались для получения информации. С другой стороны, никак нельзя с точностью сказать, не были ли содержащиеся в данных досье материалы умышленной дезинформацией служб противника (МГБ, КГБ, советской военной разведки ГРУ), особенно во время до и сразу после возведения Стены. Так как источники невозможно определить, неясно также — по меньшей мере, на основе материалов Ведомства Федерального уполномоченного по изучению материалов из наследия МГБ — не работали ли в то время эти агенты уже под контролем восточногерманской контрразведки, были ли они разоблачены. Если это было так то «Штази» могла забрасывать на Запад дезинформацию в целях психологического давления — либо для лишения мужества, либо, напротив — для успокоения. Однако аналитики БНД располагали достаточным опытом, чтобы определять послания, специально предназначенные для Запада. Потому донесения являются важным материалом, позволяющим точно оценить реальное состояние политик БНД по информированию Федерального правительства. Нет никакого повода предполагать, что сообщения не выражали также мнение самих аналитиков БНД. Документы доказывают, что БНД регулярно информировала правительство об отдельных событиях и процессах за Железным занавесом, равно как и об общей политической ситуации. В отличие от картотеки наблюдений за местами дислокации войск в ГДР и отчетов о военной ситуации на Востоке ежедневные разведсводки политического анализа не рассматривают в качестве основной своей темы

военную разведку, и помимо той части, где речь идет о том, что смогла узнать БНД о строительстве Берлинской стены, не имели большого информационного значения при написании этой книги.

Параллельно с архивами Федеральной разведывательной службы в книге использованы архивы, находящиеся в распоряжении Ведомства Федерального уполномоченного по материалам из наследия МГБ. В отличие от работы Пола Мэддрелла «Шпионаж за наукой», посвященной западному научно-техническому шпионажу против ГДР между 1945 и 1961 годами, основывающейся на следственных материалах Девятого главного отдела МГБ, изначально рассчитанных на использование в судах и в пропаганде, данная книга опирается прежде всего на материалы Второго главного отдела. Документы четвертого отдела (НА II/4) сообщают с восточногерманской точки зрения о разведывательных целях Пуллаха в 70-х и 80-х годах, а также о стратегии, контрмероприятиях, результатах и внутренних проблемах госбезопасности ГДР. Но даже среди этого материала, весьма богатого в сравнении с открытыми досье БНД, есть ограничения, ибо, органы госбезопасности ГДР, разумеется, не сообщали ничего о военном шпионаже БНД, чего «Штази» не знала.

В меньшей степени в книге используются и архивы других служб МГБ, особенно Первого главного отдела (военная контрразведка). Первый главный отдел в отличие от Второго главного отдела не отвечал за внешнюю защиту советских войск ГДР, а только за контрразведывательное обеспечение Национальной народной армии и погранвойск ГДР. Также обязательно нужно назвать досье из архивов Главного управления разведки МГБ ГДР, опубликованные в Интернете в рамках проекта «Параллельная история НАТО и Варшавского договора» (с 2007 года — «Параллельная история совместной безопасности»). Речь идет о результатах шпионажа и контршпионажа внешней разведки ГДР, агенты которой внедрились в аппарат служб безопасности Федеративной Республики и могли узнавать, что известно западным разведкам о вооруженных силах стран Варшавского договора. Благодаря этому контрразведка ГДР могла оценить эффективность собственных контрразведывательных мероприятий и находить утечки.

«Как побочный результат разведка ГДР получала из НАТО и те сведения о советском военном потенциале, которыми с ними едва ли стали бы делиться советские союзники — например, о количестве и местах дислокации ядерного оружия СССР в ГДР».

Эти документы из наследия восточногерманской разведки, кстати, довольно ясно свидетельствуют о том, что западные спецслужбы были хорошо проинформированы о военной политике и состоянии вооруженных сил восточного блока. В меморандуме Министерства национальной обороны ГДР министру госбезопасности Эриху Мильке, направленному поздней осенью 1987 года, говорится: «Материал имеет достаточно высокую информационную ценность. Большая часть изложенных и поддающихся оценке фактов в основном соответствует действительности».

Наконец, для реконструкции структуры советских войск в ГДР советской военной контрразведки мы пользовались отрывочными сведениями из Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ) и Российского государственного архива экономики (РГАЭ). На нашу просьбу получить доступ к архивам военной контрразведки ФСБ мы получили отрицательный ответ. Что касается деятельности американской разведки, то помимо ряда опубликованных источников, мы пользовались документами о втором Берлинском кризисе из Архива национальной безопасности в Вашингтоне.

4. Документы

В одном из современных и компетентных исследований деятельности восточногерманской госбезопасности сказано, что «эпоха для написания истории западного шпионажа против ГДР еще не наступила». Монография Пола Мэддрелла и эта книга, возможно, будут первыми попытками восполнить нехватку знаний в этой сфере. Ступая на неизведанную землю, авторы считают нужным в приложении представить выжимки из использованных ими источников. При этом будет видно, какой потенциал содержится в картотеке наблюдений за местами дислокаций войск в ГДР, и сколько труда стоила систематическая обработка тысяч карточек. Примеры «окончательной разведки» БНД, например, выдержки из годового отчета о военной ситуации 1975 года, содержат сведения о качестве донесений, передаваемых из южного пригорода Мюнхена в Бонн, и показывают, насколько хорошо Пуллах был проинформирован о структуре советских войск, особенно о ГСВГ, несмотря на противодействие советских и восточногерманских контрразведчиков. Представленные в приложении примеры месячного и недельного отчета доказывают, что Службе удавалось в самые критические дни (1961, 1968) в реальном масштабе времени и достаточно точно информировать политическое руководство ФРГ о развитии военной ситуации. Специальный отчет показывает усилия БНД по получению разведсведений о боевом порядке и боевом расписании, чтобы создать точную картину постоянно изменяющейся военной ситуации в ГДР. Опубликованное здесь отдельное донесение демонстрирует географическую глубину военного шпионажа БНД, достигавшего даже территорий от Зауралья до китайской границы.

Избранные для публикации документы МГБ показывают правовые основы для сотрудничества МГБ с советской секретной службой. Перепечатка протокола совещания руководителей соответствующих служб МГБ и КГБ и информации Второго главного отдела о разведывательных операциях БНД против гарнизонов ГСВГ показывают проблемы, с которыми столкнулись обе спецслужбы и доказывают, что сотрудничество между ними не всегда было безоблачным, а также то, что советские особые отделы были слишком перегружены возложенной на них задачей защиты столь многочисленных советских военных объектов в ГДР.

Мы не стремились к систематической публикации документов. В большей степени нам хотелось на примере нескольких отобранных из

архивов материалов разного вида и происхождения создать у читателя впечатление о характере архивных документов, которые сейчас доступны ученым, занимающимся изучением этой темы.

* * *

За помощь и поддержку при подготовке данного труда авторы благодарны коллегам, которые добровольно, бескорыстно и быстро предоставили в их распоряжение свои экспертные выводы. В первую очередь следует назвать д-ра Роджера Энгельманна (Берлин), д-ра Йенса Гизеке (Берлин), д-ра Эльке-Урзель Хаммер (Бонн), г-жу Ирене Шааршмидт (Берлин), Петера Фогеля (Эрфурт) и д-ра Рюдигера Венцке (Потсдам).

II. Ранний период разведывательной деятельности против советских войск в Советской оккупационной зоне

1. Военный шпионаж против Советского Союза и западное «разведывательное сообщество»

Непосредственно после окончания Второй мировой войны в Европе все недоверие и подозрительность западных союзников были обращены исключительно против Германии. Скорый распад антигитлеровской коалиции и последующий раскол международной системы на два больших противостоящих друг другу блока могли предсказать весной и осенью 1945 года лишь очень немногие западные политики, дипломаты и военные. С капитуляцией германского Вермахта военная опасность на континенте казалась полностью исчезнувшей. Одновременно с этим исчезла и необходимость продолжать сбор разведывательных сведений о гитлеровском Рейхе. Именно из-за этого новый американский президент Гарри С. Трумэн распустил Управление стратегических служб (УСС, Office of Strategic Services, OSS), главную американскую разведывательную службу военного времени, в сентябре 1945 года. В глазах американцев, особенно сторонников либеральной администрации недавно умершего президента Франклина Д. Рузвельта, Советский Союз продолжал оставаться пусть сложным союзником, но, тем не менее, именно союзником. Потому с американской стороны лишь очень немногие думали о контрразведывательных действиях против Советов и еще меньше — об активной разведке против русских. Под впечатлением успешного союза военных лет многие полагали тогда, что «единственная угроза нашим национальным интересам со стороны иностранных разведок полностью устранена после поражения Германии и Японии» — так пишет в своих мемуарах американец Джеймс Критчфилд, который в 1948 году стал советником ЦРУ и контролером Гелена в Пуллахе.

Тем не менее, американские и британские разведки в рамках так называемого проекта «Венона» уже с начала 40-х годов прилагали усилия по вскрытию советских секретных кодов и шифров, чтобы разоблачить разведывательные действия СССР против Запада. С 1943 года Федеральное бюро расследований (ФБР) приступило к активной слежке за советскими агентами в США. Уже в конце осени 1945 года, когда были разоблачены многие высокопоставленные сотрудники НКВД и военной разведки, работавшие в США и Канаде, западным секретным службам стал ясен масштаб советского шпионажа в Западном полушарии. Только между июнем 1941 года и ноябрём 1944 года Москва заслала в западные страны

более пятисот разведчиков-нелегалов, задачей которых было «курирование» 1200 агентов. Им удалось заполучить и переправить в Советский Союз свыше 41700 секретных документов. Из этих донесений три тысячи были признаны настолько важными, что руководство НКГБ докладывало их содержание непосредственно ЦК ВКП(б) или Государственному комитету обороны. Военная разведка ГРУ во время войны располагало примерно тысячей сотрудников, половина из которых была «нелегалами». После 1945 года основной целью советских разведывательных служб были Соединенные Штаты Америки. Здесь около ста офицеров советской разведки и 590 источников из числа американцев усиленно собирали сведения о будущих стратегических планах и военно-технических достижениях США, а также об американской внутренней и внешней политике. Особое значение для советского руководства имели документы из высших штабов американских вооруженных сил. Именно так летом 1950 года Сталин получил копию долговременного стратегического плана Объединенного комитета начальников штабов под кодовым названием «Дропшот». На стол советского диктатора попадали и другие результаты исследований американских военных, на основе которых Сталин старался еще больше ускорить свою программу перевооружения. Из тех же документов Сталин узнал и о военной слабости тогдашних США, демобилизовавших с окончанием войны большую часть своих вооруженных сил. Потому в глазах советского руководства было маловероятно, что США смогут использовать военную силу для решения возможных внешнеполитических проблем. Возможно, именно эта оценка послужила поводом для Кремля начать Берлинскую блокаду в 1948 году и поддержать Северную Корею в ее нападении на Южную Корею летом 1950 года.

Когда лишь через несколько недель после окончания войны генерал Вермахта Райнхард Гелен предложил американцам использовать знания и документы, собранные его бывшим отделом «Иностранные армии Востока», то натолкнулся на неприятие среди сотрудников УСС, предчувствовавших, впрочем, скорый роспуск своей организации. Кроме того, американская разведка не хотела компрометировать себя сотрудничеством со шпионским аппаратом недавнего противника, тем более, использовать его для шпионажа против союзной нации. Но в отличие от УСС армия США не захотела отказаться от услуг разведчиков-экспертов бывшего врага. Однако еще в 1947 году чиновник, отосланный в Германию Центральной разведывательной группой (ЦРГ) — предшественницей ЦРУ, полагал, что Организация Гелена — деятельность

которой проходила в армии США под кодовым обозначением «Operation Rusty» — является потенциальной группой сопротивления, которая хотя и ведет партизанскую борьбу на оккупированных Советами территориях, но сможет обратить свое оружие и против западных союзников, потому что, мол, контроль над нею со стороны американцев недостаточен. Недоверие к команде Гелена сохранялось даже тогда, когда в 1949 году контроль над нею перешел (после долгих проволочек) в руки ЦРУ. С конца 1952 по 1955 годы американская военная контрразведка сухопутных войск — Контрразведывательный корпус (CIC) действовал в Пуллахе против Организации Гелена, не уведомляя об этом ЦРУ. Эта деятельность носила кодовое наименование „Operation Campus“. Сотрудники Контрразведывательного корпуса по праву опасались, что слишком шумно действующая Организация Гелена может стать легкой целью для проникновения в нее советских агентов. Несмотря на подозрения по поводу махинаций настоящих и предполагаемых бывших нацистов в Западной Германии и связанных с этим действий, с 1947 года задача Контрразведывательного корпуса изменилась. На смену охоте за немецкими военными преступниками на первое место поднялась защита от советского шпионажа.

4 марта 1949 года ФБР арестовало Джудит Коплон — первого советского агента, раскрытого благодаря расшифрованному в рамках операции «Венона» материалу. До начала 50-х годов было раскрыто 205 советских источников и их «кураторов» в Соединенных Штатах. Если советских офицеров просто высылали из страны, то американцам угрожало тюремное заключение. Часть разоблаченных агентов была осуждена, некоторых перевербовали и сделали двойными агентами. Эти потери еще долго сказывались на шпионской активности Советов в Америке. Лишь в середине 50-х годов разоблаченных агентов постепенно сменили новые. Успехи американской контрразведки, а также создание в 1949 году блока НАТО во многом привели к тому, что Западная Европа и, прежде всего Западная Германия во все большей степени попали в прицел советских разведывательных служб. В ноябре 1952 года эту смену курса подчеркнул лично Иосиф Виссарионович Сталин, заявивший в кругу руководителей советских спецслужб: «Главный наш враг — Америка. Но основной упор надо делать не собственно на Америку. Нелегальные резидентуры надо создавать, прежде всего, в приграничных государствах. Первая база, где нужно иметь своих людей, — Западная Германия».

По словам Джеймса Критчфилда, война в Корее ускорила «приемлемость» Организации Гелена в глазах ЦРУ, так же как ранее

поступавшая от нее информация помогла Америке во время Берлинского воздушного моста. Чем больше разгоралась Корейская война, тем яснее Вашингтон осознавал необходимость получения с помощью Организации Гелена сведений о военном потенциале противника по другую сторону Железного занавеса. Разведывательные операции против нового врага — СССР и его сателлитов в Восточной Европе — привели постепенно к появлению нового поля деятельности, где при постепенной интеграции немецкой стороны сотрудничали между собой западные спецслужбы, хотя и не произошло такого их сплетения, которое было с их вооруженными силами в рамках военной структуры НАТО. В 1950 году руководители штабов видов вооруженных сил Соединенного Королевства пришли к выводу, что сейчас больше не может быть ни английской, ни какой-либо другой изолированной западноевропейской стратегии в независимой форме. Возможно лишь полное сотрудничество с США «в политике и в методах», что касалось и разведывательных аспектов. Но не только британская разведка СИС, ЦРУ и БНД сотрудничали при ведении разведки против ГДР и пусть в частичной степени, но делились с партнерами полученной информацией. Картоoteca наблюдений за местами дислокации советских войск в ГДР показывает, что происходил очень активный обмен разведданными и с французами, и с военной разведкой вооруженных сил США в Европе, а, кроме того, к примеру — и с датской разведкой.

Радикальное изменение целей французской разведки в Германии произошло в течение всего нескольких лет. В 1945 году основной целью французов была экономическая и научно-техническая «эксплуатация» Германии, буквально — «выгребание трофеев» и тщательный контроль над немецким разоружением. Но уже к концу того же года к этой задаче добавилась разведка за демаркационной линией. За последующие годы эта задача стала пользоваться приоритетом, хотя первоначальная миссия и не была забыта. Для этого французы в Берлине, Нюрнберге, Мюнхене, Баден-Бадене, Кобленце и Гамбурге — то есть за пределами своей зоны оккупации на юго-западе Германии и в бывшей столице Рейха — создали свои разведывательные отделы. Их основной задачей был сбор информации о военном потенциале советских вооруженных сил и их союзников в новых странах «народной демократии».

Помимо специальной добычи информации, где разведывательные сведения рассматривались в качестве коммерческого товара, этому сотрудничеству была свойственна еще одна функция — укрепление взаимного доверия западных разведок, распределение финансовых расходов и расширение оперативных возможностей благодаря

продвинутым вперед передовым пунктам наблюдения. Взаимная польза от этой кооперации привела к тому, что такое сотрудничество продолжалось все последующие десятилетия. По сведениям Министерства госбезопасности с конца 1960-х годов НАТО, таким образом, достигло создания фундамента для разведывательной кооперации:

«Между отдельными секретными службами империалистических государств наблюдается тенденция к достижению прямой координации их действий, особенно между разведками стран НАТО. Этим намерениям служит созданный уже в 1968 году «Разведывательный оперативный центр» (Intelligence Operations Center, ИОС) — центральный орган по проведению разведывательных операций при Верховном командовании объединенных вооруженных сил НАТО в Европе в Брюсселе — SHAPE».

Практика широкого взаимного обмена информацией между странами НАТО в Холодной войне, очевидно, оказалась удачной, позволив «закрыть» «белые пятна» на информационном ландшафте отдельных разведок. Получение и анализ информации осуществлялись отдельно в каждой службе, которые после этого сводили вместе результаты своей работы, и в оперативном центре НАТО получался актуальный отчет о ситуации с вооруженными силами стран восточного блока.

«Основные разведывательные операции как в качественном, так и в количественном аспектах по-прежнему проводят США, Великобритания и ФРГ. Франция тоже проводит подобные мероприятия очень активно и участвует в общем информационном обмене разведданными в рамках НАТО. Другие страны НАТО дополняют общую картину своими отчетами согласно договоренному разделению труда (например, Нидерланды проводят разведку против Польши) и в соответствии с их специфическими возможностями».

Значение разведывательного раннего предупреждения о возможном нападении Варшавского пакта оставалось главной задачей и в восьмидесятых годах — наряду с очевидным ухудшением политического климата и рядом предупреждений об экономическом кризисе — с точки зрения восточногерманской госбезопасности. Лишь за несколько дней до

падения Берлинской стены в аналитическом отчете МГБ снова было подчеркнуто значение разведки боевого порядка и боевого расписания (order-of-battle intelligence, Orbat), то есть получения сведений о вооруженных силах, их дислокации, структуре и передвижениях, для предсказания возможного первого удара Варшавского договора.

«Задачей разведывательных служб является получение сведений о времени, месте и силе наступления. Начало конфликта в зоне ответственности НАТО без предшествующих ему заметных изменений в политическом положении представляется маловероятным. Однако сами по себе политические признаки не могут с уверенностью являться признаками принятия решения о нападении на НАТО. Но они могут встревожить разведслужбы, которые путем проверки военных признаков получают конкретные указания о готовности Варшавского договора к проведению подобного нападения. Разведывательные службы не в состоянии точно определить продолжительность угрожающего периода, то есть время от первого предупреждения о будущей войне до ее реального начала. Они также не смогут точно определить, какой компромисс изберет советское руководство между вариантом нападения только теми силами, которые уже присутствуют в Восточной Европе, и нападением с использованием всех наличных сил и средств. Однако НАТО исходит из того, что Варшавский договор, зная о высоком уровне боеготовности войск НАТО, проведет такие изменения в боевой готовности своих объединенных вооруженных сил, которые будут заметны в короткое время. Даже в самых неблагоприятных условиях НАТО рассчитывает на угрожающий период продолжительностью не менее 48 часов».

О конкретных формах сотрудничества в рамках западного «разведывательного сообщества» известно очень мало, за исключением «специальных взаимоотношений» между англичанами и американцами. С немцами англичане вначале вообще не хотели сотрудничать. Также как и контрразведка американской армии, они долго держали Гелена и его организацию («Орг») на расстоянии. В начале существования «Орг» американская армия и ЦРГ (позднее ЦРУ) вообще не информировали британцев о существовании такой немецкой спецслужбы. Как вспоминал Гелен, «наш аппарат должен был действовать даже по эту

сторону демаркационной линии конспиративно», потому что нередко наши люди, если они вели себя неосторожно, подвергались аресту сотрудниками Контрразведывательного корпуса США или англичанами. Сотрудничество Организации Гелена с ЦРУ до передачи полного контроля на ней в руки ЦРУ летом 1949 года и даже после этого было омрачено взаимным недоверием и не всегда оказывалось простым. При некоторых операциях, например, при шпионаже за закрытым сектором в Карлсхорсте в Восточном Берлине нередко возникали проблемы с координацией и разделением обязанностей. Однако открытые на сегодняшний день документы не позволяют с уверенностью оценить уровень последующей кооперации между Лэнгли и Пуллахом. Потеряла ли новосозданная БНД свое значение в глазах американцев, потому что ее результаты не могли сравниться с результатами, достигнутыми прежней Организацией Гелена, ибо она столкнулась с намного усилившейся восточногерманской контрразведкой? Был ли баланс американской точки зрения отрицательным для американцев, если ни армия США, ни ЦРУ никогда в полной мере не контролировали деятельность немецкого аппарата, а Райнхард Гелен отнюдь не всегда играл с союзниками открытыми картами, хотя Вашингтон закрыл глаза на проникновение в «Орг» бывших нацистов (и среди них — советских агентов)? Или немцы по ту сторону Эльбы были для получения разведанных для Запада тем самым «утраченным звеном между «Ультра» и U-2», а годы между 1945 и 1961 оказались с точки зрения разведки действительно «годами немцев»?

Судя по известным сегодня данным для американской разведки против Восточного блока БНД начала терять свое значение в стратегическом смысле со времени появления систематической разведки со спутников. Но на оперативном уровне слежение за обычными советскими военными объектами и войсками в Восточной Европе, осуществлявшееся Пуллахом, продолжало играть большую роль. По словам аналитиков из ЦРУ в 1995 году во время Холодной войны самой сильной стороной БНД в сравнении с американскими разведслужбами была агентурная разведка — HUMINT, поскольку немцы, шпионя против немцев, пользовались таким явным преимуществом перед американцами, как наличие общего языка и культуры. Это преимущество в плане языка также играло большую роль при прослушивании радиопереговоров по восточную сторону Железного занавеса.

2. Новая цель — шпионаж англичан и американцев против Советов

С самого начала разведывательная деятельность американской, британской и французской разведок, равно как и Организации Гелена и позднее БНД в Восточной Германии была направлена против военного потенциала дислоцированных там советских вооруженных сил. ФРГ и Западный Берлин стали самыми крупными оперативными базами ЦРУ за пределами США и играли основную роль в качестве трамплина для ведения шпионажа против стран Восточной Европы. Разведка боевого порядка и боевого расписания была приоритетной задачей для американских спецслужб. По данным, которыми располагали американцы, в 1946 году пять шестых всех боеготовых соединений их бывшего союзника размещались в Центральной Европе, а не в самом СССР. Несмотря на официальную демобилизацию численность советских войск в Восточной Германии и Польше не уменьшилась, а в Польше даже увеличилась. «Их численность намного превышала размер, достаточный для обычной оккупации». В обзоре за январь 1947 года ЦРГ так перечисляла цели своей деятельности в Германии: на первом месте стоял сбор сведений о боевом порядке, перегнав добычу политической информации. Сама разведка боевого порядка в качестве первоочередных задач ставила перед собой сбор сведений «о русской армии в оккупированной Германии, о русской и польской армиях в Польше, а также о польских и русских войсках в оккупированной поляками части Германии», список завершали сведения о «русской армии в прибалтийских государствах и в метрополии». Кроме того, на повестке дня стояли другие вопросы: состояние инфраструктуры в Восточной Германии, особенно состояние железных дорог, снабжение населения пищевыми продуктами, земельная реформа, партии в Восточной Германии и не в последнюю очередь все, что хоть как-то было связано с созданием советской атомной бомбы. УСС создало оперативную базу в Берлине уже в июле 1945 года, причем руководили ею по очереди два последующих директора ЦРУ — Аллен Даллес и Ричард Хелмс. В начале октября управление берлинской базой взяло на себя «Подразделение стратегических служб» (Strategic Services Unit, SSU), недолговечный «обломок» распущенного УСС, который просуществовал лишь до создания ЦРГ весной 1946 года.

Очевидно, американская сторона рано уяснила необходимость

незамедлительного сбора сведений о военном потенциале Москвы, оказавшемся самым большим в мире после окончания войны. Сбор сведений вначале должен был осуществляться из Вены, в те годы, как и Берлин, тоже города, управлявшегося четырьмя оккупационными комендатурами стран-победительниц, затем во Франкфурте, где находилась штаб-квартира американских войск в Германии, или в Берлине. Главнокомандующий американскими войсками в Австрии генерал Марк Кларк смотрел на русских куда более трезвым взглядом, нежели генералы Дуайт Эйзенхауэр и Люсиус Клей, которые не хотели слишком рано списывать со счета Москву как союзника. Потому Кларк, не обращая внимания на решения Ялтинской конференции, предусматривавшие насильственную репатриацию советских граждан из оккупированных западными союзниками областей назад в СССР, и соглашение Макнарни-Соколовского, по которому американцы и русские обязаны были возвращать друг другу перебежчиков, уже в середине 1945 года отдал приказ принимать советских перебежчиков и использовать их в случае необходимости, в интересах Соединенных Штатов, а при возможности переселять их из Европы туда, где их не достала бы «рука Москвы».

Массовое использование западных агентов против СССР и его сателлитов началось с конца 1946 года. В начале февраля 1947 года Министерство государственной безопасности СССР было вынуждено усилить меры по противостоянию американским и английским секретным службам как в самом Советском Союзе, так и за его пределами. В соответствии с этой задачей МГБ уже в 1947 году арестовало 1100 агентов американской разведки, в 1948 году их число превысило уже две тысячи. Британские спецслужбы тоже все в большей степени попадали под прицел советских органов безопасности. В 1947 году чекисты арестовали 703 предполагаемых английских шпиона, в 1948 уже 939, а в 1949—1607. Например, управление контрразведки Ленинградского военного округа в октябре 1946 года арестовало американского агента «Венсберга». Он в 1944 году попал в плен к немцам и согласился участвовать в «Операции Цеппелин» — разведывательно-диверсионных действиях в русском тылу. После немецкой капитуляции он оказался в американской оккупационной зоне, где его завербовали сотрудники американских спецслужб. В качестве агента-наблюдателя его отправили в Мурманск, где, однако, он был разоблачен еще до того, как установил контакт со своим связником. Подобная участь постигла и английского агента «Малика». Этот эстонец в 1943 году сбежал в Швецию, где был завербован англичанами. Осенью 1944 года его высадили на эстонской территории, и под видом ефрейтора

118-й стрелковой дивизии РККА он до своего ареста 5 октября 1946 года снабжал своих хозяев «шпионской информацией о войсках и военных объектах».

Зато в Германии американские спецслужбы оказались не готовы к началу Холодной войны. Сначала на первом месте у американцев стояла контрразведка, сбор же информации о противнике отошел на второй план. Лишь в 1947 году (!) в Берлин прибыл единственный разведчик, знавший русский язык. Начав буквально с нуля, американцы, тем не менее, в ведении разведки боевого порядка и боевого расписания достигли некоторого успеха за последующие пять лет. В 1951 году Фрэнк Уизнер, заместитель директора ЦРУ, отвечавший за ведение разведывательных операций, утверждал, что Берлинская оперативная база (БОБ) обычно узнавала о передвижениях советских войск в течение трех дней. В середине пятидесятых годов Лэнгли располагала якобы 1500 источниками в Восточной Германии и помимо Орг, сотрудничала еще с группами сопротивления, вроде Боевой группы против бесчеловечности (основана в 1948 году, распущена в 1959 году, один из основных лидеров — Райнер Хильдебрандт). Естественно, одной из главных задач Боевой группы была разведка за размещенными в ГДР советскими войсками.

Хотя у американцев были и несколько собственных агентов в Восточном Берлине — среди них политики ХДС Эрнст Леммер и возможно также Якоб Кайзер — на сегодняшний день существуют лишь противоречивые данные о том, в какой степени им действительно удавалось собрать важные сведения о политическом ландшафте ГДР. Весьма нереалистично выглядели планы 1950 года, отражавшие дух тогдашней американской доктрины Roll-back («массированное возмездие»), и предусматривавшие массовые тайные операции в ГДР, включая саботаж, похищения людей, убийства и прочие теракты. Насколько маловероятным было бы претворение в жизнь таких радикальных идей показывает тот факт, что, столкнувшись с народным восстанием 17 июня 1953 года, совершенно ошеломленное ЦРУ не смогло предпринять ровным счетом ничего, разве что выразить свои «симпатии и восхищение». По данным восточногерманского МГБ вплоть до второй половины 80-х годов основные усилия американской разведки в Восточной Германии были направлены против советских объектов и действий, а также против совместных мероприятий Восточного блока — военного сотрудничества в рамках Варшавского договора и экономической кооперации в рамках Совета экономической взаимопомощи, но не против ГДР самой по себе.

Хотя в британской СИС (SIS, Secret Intelligence Service, Секретная

разведывательная служба, она же МИ 6) и среди руководителей видов вооруженных сил Великобритании уже во второй половине 1944 года начали рассматривать Советский Союз в качестве будущего антагониста в международной системе, «Форин Офис» (МИД Великобритании) запрещал проводить какие-либо мероприятия против Москвы, опасаясь навредить этим боевому сотрудничеству в рамках Антигитлеровской коалиции. В службе контрразведки МИ-5 отдел, занимавшийся противодействием советскому шпионажу насчитывал в конце войны меньше десяти сотрудников. В 1946 году начальники штабов видов вооруженных сил настояли наконец на том, что от Восточного блока исходит реальная новая угроза и пора на нее отреагировать соответственными методами. Но финансирование британских секретных служб оставалось очень сложной проблемой, потому что после поражения нацистской Германии и ввиду плохого состояния экономики у правительства не хватало воли, чтобы по-прежнему выделять большие деньги на аппарат служб безопасности Королевства. У МИ 5 и СИС просто не хватало сил, чтобы одновременно противостоять и распаду Империи по всему миру, и вызову со стороны Советов.

В первые послевоенные годы британские спецслужбы по поводу стратегических интересов и планов Москвы могли высказывать только свои предположения:

«У нас практически нет прямых разведывательных сведений, фактической или статистической природы, о положении в различных частях Советского Союза и мы не знаем совсем ничего о намерениях, непосредственных или отдаленных, лидеров России».

Наконец, для преодоления такого положения англичане ухватились за те же рычаги, которыми двигали и американцы. Различные ветви британской разведки изучали аэрофотоснимки западной части Советского Союза, сделанные еще немецкими Люфтваффе (операция «Дик Трейси»), проверяли доставшиеся от немцев материалы времен войны (операция «Яблочный пирог»), как и американцы, британцы опрашивали возвращавшихся из России немецких пленных, беженцев из Советской оккупационной зоны и советских перебежчиков. Перевербовка ученых и техников из СОЗ (операция «Спичечный коробок») и возвращавшихся домой специалистов, ранее депортированных в СССР (операция «Возвращение дракона») тоже вошли в британский репертуар. Хотя СИС

из-за урезания бюджета сократила свою деятельность в мировом масштабе, ее резидентура в Западном Берлине к середине 50-х годов превратилась в самую большую разведывательную базу за пределами Великобритании. Но это оказалось возможным только потому, что расходы на содержание оккупационных властей должны была нести сама Федеративная Республика, таким образом, берлинские налогоплательщики оплачивали из своего кармана и берлинскую резидентуру Секретной разведывательной службы. В первую очередь британцев интересовали ценные шпионы, сотрудничество с которыми могло бы длиться многие годы, прежде всего, в руководящих структурах СЕПГ, в правительственных учреждениях и в массовых организациях СОЗ/ГДР. Очень удачливы были англичане в технологическом шпионаже. Среди их лучших источников был начальник секции Немецкой экономической комиссии, начальники лабораторий завода Обершпреверк, где выпускались электронные трубки, и завода Карл-Цейсс-Веркен в Йене. Кроме того, британские службы вели и военный шпионаж против ГСОВГ. Занимаясь разведкой боевого порядка и боевого расписания МИ 6, как и Организация Гелена, основное внимание уделяла наблюдению за железными дорогами и узловыми станциями.

Хотя, разумеется, внедрение агентов в Советский Союз имело бы огромное значение для американских и британских спецслужб, но достичь его вышеназванными средствами можно было лишь опосредованно. Но для военного шпионажа союзников их широкие возможности по проникновению в Советскую оккупационную зону вскоре обернулись большим преимуществом, когда с конца 40-х годов ГСОВГ, самый западный форпост военной машины Москвы, оказался приоритетным объектом для операций западных разведок.

Первоначальные задачи ГСОВГ носили оборонительный характер. По крайней мере, это следует из оперативного плана, разработанного Генеральным штабом вооруженных сил СССР в ноябре 1946 года. Советская оборонительная концепция основное внимание уделяла защите Берлина. Но первый Берлинский кризис июня 1948 года способствовал тому, что этот первоначальный оборонительный план был положен под сукно. Подготовка для возможного военного решения кризиса была начата еще весной 1948 года. Вскоре после окончания Лондонской конференции шести держав, принявшей решение о создании независимого западногерманского государства в форме федеративной республики и включения его в европейскую программу реконструкции, советский Генеральный штаб получил указания по разработке плана осуществления «контрольных и ограничительных мероприятий на путях, соединяющих

Берлин и советскую зону с западными оккупационными зонами Германии». План предусматривал оказание давления на западных союзников путем постепенного ужесточения блокады сухопутных и речных путей, соединяющих Берлин с их зонами оккупации. Осуществление этих мероприятий Сталин и Генштаб возлагали на Главнокомандующего советскими оккупационными войсками в Германии и руководителя Советской военной администрации в Германии (СВАГ) маршала Василия Даниловича Соколовского.

В связи с этим 25 и 27 мая 1948 года Соколовский издал два совершенно секретных приказа за номерами 002 и 003. Согласно этим предписаниям не только до минимума должны были быть ограничены перемещения людей и грузов для западных оккупационных частей в Берлине. Одновременно охрана западной границы СОВЗ должна была быть резко усилена. Для этой цели 3-я Ударная армия и 8-я Гвардейская Армия должны были вместе переместить на демаркационную линию севернее и южнее Эльбы три стрелковых полка и шесть стрелковых батальонов, что в общей сложности было эквивалентом почти целой дивизии. Одновременно Советы плотнее сжимали кольцо вокруг Берлина. На внешних границах города советское командование разместило от пяти до шести дивизий вместе с авиацией и частями ПВО. Их задачей была полная блокада сухопутных и водных путей сообщения с Западным Берлином. Одновременно им была поставлена и задача отразить возможные попытки западных союзников силой пробиться в Западный Берлин с использованием вооруженных конвоев. Большую часть этих передвижений войск агенты «Орг» своевременно распознали и сообщили об этом американцам.

Западные разведслужбы, прежде всего ЦРУ были, не в последнюю очередь благодаря разведке боевого порядка, которую вели агенты из аппарата Гелена, вовремя предупреждены о военных мероприятиях СССР в своей оккупационной зоне. В аналитическом отчете ЦРУ за апрель 1948 года был сделан такой вывод:

«1. Советские вооруженные силы, по нашей оценке, за короткий период смогут сломить сопротивление Запада и захватить всю Западную Европу и Ближний Восток вплоть до Каира.

2. Советские вооруженные силы вдоль границ Западной Европы и Ближнего Востока находятся, по нашей оценке, в состоянии полной боевой готовности и размещены таким

образом, что смогут неожиданно перейти в наступление.

3. Советская промышленность продолжает наращивать выпуск продукции прежде всего военного, а не мирного назначения».

Одновременно эксперты западных разведок исходили из того, что Советский Союз все-таки не предпримет военных действий против США в 1948 году. Но 24 июня 1948 года Сталин воспользовался проведенной в этот день денежной реформой в Западном Берлине, чтобы начать полную блокаду сухопутных и речных транспортных путей между западными зонами и Западным Берлином. В тот же момент ГСОВГ, демонстрируя мускулы, привела все свои войска в СОЗ в состояние повышенной боевой готовности. Когда в ночь с 23 на 24 июня 1948 года было прекращено все железнодорожное и автомобильное сообщение между Берлином и Хельмштедтом и началась горячая фаза блокады, перед ГСОВГ стояла задача путем военного давления способствовать выполнению замысла Сталина о включении западной части бывшей столицы Рейха в советскую зону оккупации. Присутствие вокруг Берлина и на путях, соединяющих город с Западом, многочисленных советских войск лишало США и их союзников возможности попытаться прорваться в блокированный город силой. Когда в начале кризиса американский военный губернатор генерал Люсиус Д. Клэй настаивал на таком варианте как на вполне вероятном, причем, с перспективой успеха, то Вашингтон быстро одернул его, объяснив, что американское правительство не согласится на риск направления в Западный Берлин вооруженных конвоев, поскольку Соединенные Штаты не готовы к вероятному глобальному конфликту, который может последовать за подобными попытками. Потому западные союзники отказались от применения военной силы и установили воздушный мост для снабжения города. Воздушный мост не только обеспечил выживание союзных войск в блокированной западной части города, но и спас от голода два миллиона западных берлинцев.

За контрразведку в дислоцированных в Советской оккупационной зоне частях Красной Армии во время Второй мировой войны отвечал «Смерш». Эта контрразведывательная служба, созданная в 1943 году из особых отделов НКВД в войсках и формально подчиненная Народному комиссару обороны, возглавлялась генерал-полковником Виктором Семеновичем Абакумовым. Сотрудники «Смерш», отвечавшие за контрразведывательное обеспечение Красной Армии, флота и войск НКВД, на самом деле оставались в теснейшем контакте с НКВД. Абакумов даже не посчитал

нужным переехать из своего кабинета на Лубянке в здание Наркомата обороны.

После немецкой капитуляции в мае 1945 года группа офицеров «Смерш» устроила на вилле фон Мирбаха в Потсдаме штаб-квартиру Управления контрразведки (УКР) Народного комиссариата обороны. Даже когда штаб советских оккупационных войск в 1946 году переехал в городок Вюнсдорф к югу от Берлина, ванная контрразведка осталась в Потсдаме. Хотя такое разделение порой приводило к сложностям, военная контрразведка так и пребывала в Потсдаме до самого вывода российских войск в 1994 году. По мнению советских контрразведчиков сначала причины этого были в недостаточной инфраструктуре в Вюнсдорфе, где просто не было достаточного количества казарм и служебных зданий для большого количества войск. Позже все попытки устранить это географическое разделение, нередко вызывавшие проблемы с координацией и согласованием, сорвались из-за нехватки денежных средств.

Управление контрразведки одновременно отвечало и за защиту советских войск от иностранного шпионажа и за политическую благонадежность военнослужащих ГСОВГ, являясь главным противником западных разведок. В задачи УКР входило отслеживание вражеских шпионов с целью их ареста или перевербовки и использования как двойных агентов. Информаторов УКР вербовало из числа советских военнослужащих, а также немцев, проживавших поблизости мест дислокации советских войск.

Благодаря богатому опыту «Смерш» первые успехи не заставили себя ждать. Уже в августе 1945 года контрразведка арестовала в Эрфурте одного шпиона, работавшего на англичан и пытавшегося выведать настроения в Красной армии. Кроме того, британцы поручили ему собирать информацию о воссозданной Коммунистической партии Германии (КПГ) и о других антифашистских организациях, о взаимоотношениях русских и немцев, о реакции немцев на мероприятия СВАГ и материал о демонтированных предприятиях. В то время американская сторона располагала очень слабой информацией о структуре советской контрразведки, так как контрразведка самой американской армии тогда занималась в основном поиском нацистских военных преступников. Без систем «Ультра» и «Мэйджик», то есть радиоперехвата и дешифровки, сходных с теми, благодаря которым в годы войны удалось взломать немецкие и японские шифры, американские спецслужбы сразу после войны были почти беспомощны. Кроме того, существовала жесткая конкуренция

между Контрразведывательным корпусом с одной стороны и Подразделением стратегических служб, Центральной разведывательной группой и ЦРУ с другой.

В рамках операции „TICOM“ американцы переманили себе на службу многих немецких дешифровщиков сразу же после войны, что позволило им взломать советские шифры. До 1948 года, когда СССР благодаря своим разведчикам узнал о том, что его шифры читаются, и провел их радикальную смену, Агентство армейской безопасности (ААБ, Army Security Agency, ASA) — предшественник нынешнего Агентства национальной безопасности (АНБ, National Security Agency, NSA) — могло читать радиogramмы, которыми обменивались Советская армия и органы госбезопасности и разведки Москвы, благодаря чему ААБ удалось составить полную картину ситуации в советской национальной безопасности.

Уже в июле 1946 года состоялся первый в истории Холодной войны обмен агентами. 14 июля 1946 года американцы в Берлин-Ваннзее арестовали трех сотрудников бранденбургского оперативного сектора НКВД. СВАГ передала американцам меморандум с требованием отпустить задержанных. Так как американцы не торопились это делать, начальник НКВД в СОЗ генерал-полковник Иван Александрович Серов и маршал Соколовский решили задержать нескольких американских военных, находившихся в СОЗ без соответствующего разрешения. Спустя несколько дней сотрудники советской контрразведки арестовали в 60 километрах от Берлина американского офицера Сэмюэля Харрисона. Чуть позже были задержаны капитан Кобин и лейтенант Хэйт при попытке вести наблюдение за специальным лагерем НКВД. Последующее расследование доказало, что оба офицера являются сотрудниками американской разведки. Теперь, когда уже США просили об освобождении своих офицеров, препятствий к обмену больше не было. Сначала американцам вернули Харрисона, американцы же отпустили советских офицеров. Тогда русские освободили Кобина и Хэйта.

В 1946 году произошли важные структурные реформы в аппарате безопасности в СОЗ. В марте 1946 года прежние наркоматы были переименованы в министерства. Таким образом, НКВД стал называться Министерством внутренних дел (МВД), а НКГБ — Министерством государственной безопасности (МГБ). Одновременно Сталин попытался ограничить полномочия министра внутренних дел Лаврентия Павловича Берия и его спецслужб. Вместо Берия министром внутренних дел стал Сергей Никифорович Круглов, которому Берия не доверял. В мае 1946 года

один из самых близких Берия людей потерял свой пост. Всеволод Николаевич Меркулов, прежний министр госбезопасности, был смещен на своем посту бывшим шефом «Смерш» Абакумовым. Полномочия Абакумова были при этом существенно расширены Сталиным, когда 4 мая 1946 года входивший прежде в Министерство обороны «Смерш» был возвращен в структуру МГБ. Из «Смерша» было образовано Третье главное управление МГБ, которое, как и прежде, отвечало за военную контрразведку. В основных чертах эта структура МГБ не изменялась до его слияния с МВД в марте 1953 года.

В Советской оккупационной зоне в ноябре 1947 года руководство военной контрразведкой Группы советских оккупационных войск в Германии перешло в руки генерала Петра Ивановича Ивашутина, будущего многолетнего руководителя советской военной разведки ГРУ. Под его командованием структуры военной контрразведки получили дальнейшее развитие. Главным ее руководящим звеном оставалось, как уже упоминалось, Управление контрразведки при штабе Группы в Потсдаме. Помимо обычных административных отделов, батальона охраны и следственной тюрьмы в Управление входило четыре отдела. Первый отдел занимался штабной и административной работой, второй отдел отвечал за контрразведывательное обеспечение армий, дивизий и бригад Группы, а третий отдел проводил контрразведывательные мероприятия против западных разведок и «антисоветских элементов» и «предателей Родины», а также боролся с уголовными преступлениями военнослужащих. Четвертый отдел в качестве следственной части расследовал случаи шпионажа, доводя их до военного трибунала.

Генералу Ивашутину подчинялись также особые отделы контрразведки отдельных армий. Их начальникам, в свою очередь, тоже подчинялись пять отделов. Первый отдел занимался штабной и административной работой. Вторым — контрразведывательным обеспечением гарнизонов и объектов снабжения армии. Третий отдел координировал контрразведывательную деятельность во входящих в армию соединениях вплоть до бригадного звена. Четвертый отдел, наконец, обеспечивал внешнюю защиту, а следственный отдел расследовал конкретные случаи измены.

Только между 1945 и 1954 годами военной контрразведкой советских оккупационных войск в СОЗ/ГДР было арестовано несколько сотен шпионов западных спецслужб. Большая часть этих людей были немцами из СОЗ/ГДР, и подавляющее большинство из них, выполнявших задания своих английских или американских «кураторов», были задержаны в

непосредственной близости от гарнизонов. Чаще всего арестованные были наблюдателями за местами дислокации советских войск, собирая информацию об их боевом порядке и боевом расписании. Они следили за советскими аэродромами, гарнизонами, полигонами, штабами, складами и обычно сообщали полученные сведения своим резидентам и оперативным офицерам в зашифрованных письмах. Во всяком случае, эта масса агентов была плохо подготовлена и легко попадала в ловушку советской контрразведки. В рамках операции «Грааль», к примеру, американская военная разведка с начала 1946 года вела сбор информации о местах дислокации советских войск в СОЗ. Для этого американцы использовали около 250 наблюдателей, прошедших лишь самый минимальный инструктаж. После первоначальных успехов вся операция развалилась в конце 1946 года как карточный домик, как только советская контрразведка внедрила в среду агентов своих информаторов, после чего массово арестовала американских шпионов. Большинство агентов после короткого процесса оказались в Гулаге.

3. Разведка боевого порядка и боевого расписания, проводившаяся Организацией Гелена

Организация Гелена была изначально как бы рождена для военного шпионажа. Собственно, вся ее природа была полностью военного характера. Прежде всего, стоит заметить, что в Германии практически не было традиции гражданской политической разведки, которая могла бы послужить примером для послевоенной спецслужбы, а во-вторых «Орг» набирала свои первые послевоенные кадры из числа бывших офицеров разведки и Генерального штаба Вермахта, причем вполне возможно, что Райнхард Гелен намерено пытался перенести методы работы и дух Генерального штаба сухопутных войск Третьего Рейха в послевоенное время. Но и бывшим сотрудникам Гестапо и Службы безопасности (СД) СС, которые тоже нередко попадались среди послевоенных сотрудников в Пуллахе, военный дух отнюдь не был чужд. Кроме того, и интерес американской стороны, представленной сначала армией США, затем ЦРУ, осуществлявшей и финансирование Организации, в первую очередь был направлен на военные знания о восточной части Германии и вообще о Восточной Европе. Потому руководитель военной разведки G-2 американских вооруженных сил на европейском ТВД уже с января 1946 года использовал находившийся у него под рукой немецкий персонал против Советского Союза и контролируемых им территорий к востоку от Эльбы. «Главной целью операции „Rusty“ (она была названа именем американского полковника Расти, отвечавшего за связь с Геленом) было предоставить американским властям информацию о военной, политической и экономической мощи русских, причем именно в таком порядке приоритетности». Вначале речь шла о сведениях, основывавшихся на сохранившихся документах отдела «Иностранные армии Востока». Но уже вскоре, вероятно, в первые месяцы после июня 1945 года, бывшие офицеры Вермахта получили разрешение непосредственно осуществлять сбор новейшей информации о советских войсках в СОЗ. До сентября следующего года, как сообщал шеф G-2 генерал-майор Уизерс А. Бёррес, Организация Гелена (сам Гелен вернулся в Германию только в августе 1946 года из США, где его целый год допрашивали американцы), действия которой американцы обозначали кодовым названием «Операция „Rusty“», подготовила 69 больших аналитических отчетов, из которых 38 были посвящены непосредственно разведке боевого порядка и боевого

расписания, а еще три — советскому верховному командованию. Прочие отчеты содержали сведения о военно-политическом положении и о разведывательной деятельности Советов. Хотя G-2 не скрывала проблем, возникших в ходе операции — генерал Бёррес упомянул, что в Восточной Германии были далеко не полностью использованы все открывающиеся возможности, а из Советского Союза было получено слишком мало разведывательных данных, но он, тем не менее, рекомендовал передать Организацию под крыло Подразделения стратегических служб. На практике армия оказалась перегруженной работой, связанной с организационным строительством и, особенно, с содержанием немецкого шпионского аппарата.

В то же время Дональд Гэлловэй смотрел на Организацию Гелена куда более критическим взглядом, нежели генерал Бёррес. Гэлловэй, высокопоставленный сотрудник ЦРГ, был направлен ее директором в Германию ранней осенью 1946 года, чтобы удостовериться в ценности немецкого аппарата для американской разведки. В его отчете помимо озабоченности тем, что американцы взяли под свой флаг организацию, состоящую из бывших противников, которую так трудно контролировать, на первом месте стоял главный вопрос о сущности операции „Rusty“. А именно — Гэлловэй видел право на существование и дальнейшую деятельность «Орг» только в добыче стратегической информации. По его словам, «так как предыдущие результаты работы операции „Rusty“ могли бы быть продублированы, если даже не улучшены операциями существующих структур американских служб, то ее единственная потенциальная ценность, если она вообще есть, могла бы состоять лишь в ее способности собирать стратегическую развединформацию о Восточной Европе, и о самом Советском Союзе». Но полученные результаты убеждали Гэлловэя в том, что их использование было бы полезно только на тактическом уровне. Доклад Бёрреса слишком явно подчеркивал эффективность Организации Гелена в первый год ее существования, возможно под влиянием заинтересованности генерала в том, чтобы поскорее «сбыть ее с рук», но не ликвидировав ее при этом, и не потеряв полученный «урожай». Гэлловэй напротив был настроен весьма критически в ее адрес и не учитывал, что в тот момент и у американских спецслужб не был никакого долговременного и надежного доступа к стратегическим секретам русских. Тем не менее, генерал американских ВВС Кёртис ЛеМэй, главнокомандующий Стратегическим авиационным командованием (САК), позднее утверждал, что первые планы американской авиации по нанесению атомных ударов по Советскому Союзу и его

союзникам на 70–80 % базировались на результатах разведки, собранных Организацией Гелена. С другой стороны, неизвестно, имел ли при этом в виду генерал ЛеМэй только результаты работы «Орг» или же весь массив сведений из захваченных американцами немецких документов, например, материалов аэрофотосъемки Люфтваффе. Но, во всяком случае, в первые годы своего существования разведка из Пуллаха внесла значительный вклад в получение экономическо-географических сведений, важных для планирования американских атомных бомбардировок советской инфраструктуры. Кроме того, как раз на тактическом уровне разведка боевого порядка и боевого расписания, выполняющая функции оценки ситуации и раннего предупреждения, имела жизненно важное значение для американской армии.

Лишь полгода спустя другой сотрудник ЦРГ Сэмюель Боссард, направленный в Германию для проверки Организации Гелена, в своем отчете рисовал уже вполне позитивную картину ее деятельности. Среди прочего, он рекомендовал «эффективное использование немецкого оперативного состава для выполнения задач американской разведки». Но после отчетов Гэлловэя (1946) и Боссарда (1947) понадобилась еще одна, третья, экспертиза в 1948 году, на этот раз составленная Джеймсом Критчфилдом, пока американская внешняя разведка после долгих проволочек все-таки посчитала нужным взять под свой контроль аппарат Гелена. К этому моменту США уже располагали определенным положительным опытом, свидетельствовавшим о полезности немецкой службы, ведь «Орг» снабдила западных союзников важными сведениями о советских военных силах вокруг блокированного города в дни Берлинской блокады 1948–1949 годов. Берлинский воздушный мост может послужить классическим примером, как шпионаж позволил политикам, принимавшим решения, избежать непредсказуемого военного риска. Собранные агентами сведения помогли им решить возникшую проблему невоенным путем, причем эта стратегия оказалась успешной. Наконец, передача 1 июня 1949 года операции „Rusty“ от армии США к еще юному ЦРУ, где она теперь велась под кодовым обозначением «Операция „Zipper“», была еще и шахматным ходом во внутривнутриполитической конкуренции американских государственных учреждений. Таким путем еще молодой внешней разведке удалось несколько оттеснить Государственный департамент и Пентагон, ступив одной ногой в область внешней политики, а другой — в область, где раньше безраздельно доминировала военная разведка. В немецко-американских взаимоотношениях это была взаимовыгодная сделка: если ЦРУ получало возможность контроля и оказания влияния на важную часть

политик безопасности Бонна, то Гелен получал прямой доступ в коридоры политической власти в Вашингтоне.

Способность ранней «Орг» проводить стратегические разведывательные операции можно с полным правом оценить столь же критически, как это еще в 1946 году сделал «ревизор» ЦРГ Дональд Гэлловэй. Несмотря на очень позитивную оценку Джеймса Критчфилда, Лэнгли в середине 1949 года пришло к выводу, что из 120 осуществлявшихся проектов 90 % не имели никакой ценности, и порекомендовало прекратить их. Зато тактическую разведку Пуллаха в Восточной Германии в конце сороковых и в начале пятидесятых годов вполне можно оценить как успешную, что полностью соответствовало впечатлению второго американского контролера Сэмюеля Боссарда. Хотя как раз в это время «Орг» располагала и несколькими хорошо размещенными источниками в политической и административной сферах Восточной Германии в Берлине, именно разведка боевого порядка и боевого расписания стала показательным примером успехов Пуллаха, его самой сильной стороной. «Люди Гелена вряд ли могли разобраться в политических нюансах и идеологических мотивах, восточная сверхдержава была для них врагом, мало чем отличавшимся от самого чёрта, но азбуку военной разведки они знали великолепно». Так оценивают этот период деятельности «Орг» Цоллинг и Хёне в «Пуллахе изнутри».

Однако существовала фундаментальная разница между «Иностранными армиями Востока» и Организацией Гелена. Если отдел «Иностранные армии Востока» был чисто аналитической структурой, получавшей сведения в начале только от других военных и гражданских организаций, и до 1944 года не располагавшей никаким собственным разведывательным потенциалом, то от новой спецслужбы не позднее 1947 года уже требовали также вести активный самостоятельный сбор политической, экономической и, в первую очередь, военной информации на востоке Германии. «Иностранные армии Востока», кроме того, не могли оказывать никакого влияния на процесс принятия военных и военно-политических решений в Третьем Рейхе. А у Гелена после войны развились далеко идущие амбиции. Он надеялся оказывать немалое влияние на политиков в Бонне. Потому в 1950 году он — безуспешно — поднял вопрос о назначении его первым президентом Федерального ведомства по охране конституции (БФФ). Как талантливому мастеру плетения сетей ему после многолетних маневров удалось преобразовать «Орг» в федеральную службу и получить должность президента «единственной» национальной секретной службы. Для Гелена важное значение имела возможность влиять

на политику, и для достижения этого ему нужно было найти доступ к лицам, принимающим решения в столице. Он ведь наверняка не забыл, с каким пренебрежением относились вожди Третьего Рейха к оценкам ситуации, которые во время войны готовил его отдел «Иностранные армии Востока».

Чтобы такое пренебрежение не повторилось в новом западногерманском государстве, разведчикам необходимо было доказать, что они действительно располагают важными, точными и полными сведениями о противнике. Характерным примером трудностей Службыв том, что касалось однозначных и четких выводов, может служить замечание, которое государственный секретарь в Ведомстве федерального канцлера Отто Ленц записал в своем дневнике в середине 1951 года после конференции в Пуллахе.

«Господа, исходя из своих наблюдений, пришли к выводу, что в ближайшее время следует опасаться военного конфликта. Во всяком случае, нельзя не заметить, что русские в восточной зоне постепенно переводят свои войска в состояние постоянной боевой готовности. Но с другой стороны, Россия, как и другие восточноевропейские страны, настолько отстали в экономическом развитии, что вряд ли стоит предполагать, что они в данной ситуации пойдут на риск войны».

Как тут не заметить нерешительности в выводах: то ли русские готовы к войне и способны ее вести, то ли нет. Боевая готовность и уровень обучения войск доказывали вероятность войны, состояние промышленности и военно-промышленные ресурсы противоречили этому. И «Орг» просто предоставила Бонну самому разбираться с этим противоречием. Сбор информации, получение источников у разведываемых объектов, «азбука военной разведки», что не относилось к непосредственным задачам того же отдела «Иностранные армии Востока», это теперь в значительном масштабе удалось Пуллаху в ССРГ и в ГДР в первые годы Холодной войны.

4. Экскурс: военные миссии связи западных союзников

Помимо оптической разведки (imaginery intelligence) с самолетов и позднее со спутников, которыми не обладали в годы Холодной войны ни Организация Гелена, ни БНД, три западные державы-победительницы располагали с 1946 года (Великобритания) и 1947 года (Франция, США) по 1990 год в отличие от всех прочих западных спецслужб важным преимуществом, помогавшим им в ведении военной разведки в СОВ и в ГДР. При Группе советских оккупационных войск в Германии и позднее при Группе советских войск в Германии у англичан, американцев и французов были аккредитованы военные миссии связи (ВМС). Западные ВМС, как и учрежденные Советами в трех западных оккупационных зонах их эквиваленты, были частью четырехстороннего контроля над Германией. Юридическим основанием для их создания было Лондонское соглашение 1944 года и последовавшие после него директивы и договоренности, связанные с тем, что в июне 1945 года правительственная власть в Германии перешла в руки оккупационных держав. Правовой характер миссий был уникален: из-за своей аккредитации при советских вооруженных силах в Германии западные военные миссии связи не могли поддерживать официальных контактов с государством, на территории которого они осуществляли свою деятельность. Это положение сохранилось и после 1957 года, когда советские войска находились на территории ГДР уже не как оккупационные силы, а согласно договору о размещении советских войск, заключенным между СССР и ГДР. На примере военной миссии связи США можно увидеть, какие возникали коллизии, совершенно невозможные с точки зрения международного права при взаимоотношениях равноправных государств. «Когда она требовала от ГСВГ взаимного иммунитета, такого же противоправного, она не только постоянно нарушала этим отрицаемый Соединенными Штатами суверенитет Восточной Германии — она открыто претворяла это неуважение в жизнь».

Ниже мы рассмотрим только практический вклад военных миссий связи западных государств в осуществление западного военного шпионажа. Официальная задача Военной миссии связи Соединенных Штатов (United States Military Liaison Mission, USMLM), Миссии Британского главнокомандующего при Советских войсках в Германии (British

Commander's-in-Chief Mission to the Soviet Forces in Germany, BRIXMIS) и Французской военной миссии связи (Mission Militaire Française de Liaison, MMFL) звучала, разумеется, иначе. Они должны были решать вопросы связи, представительства и поддержки и обеспечивать надежный прямой контакт между главнокомандующими оккупационными войсками четырех держав-победительниц. В начале они следили за разоружением и демилитаризацией Германии, решали задачи репатриационных комиссий и защищали интересы своих сограждан в чужих зонах оккупации. До смерти Рудольфа Гесса в западноберлинской тюрьме Шпандау в 1987 году они, кроме того, предоставляли переводчиков этому нацистскому военному преступнику. Особенно первые два послевоенных года западные ВМС в СОЗ особенно интенсивно собирали информацию о развитии там промышленности и сельского хозяйства. В уменьшенном масштабе этой работой они занимались вплоть до своего роспуска в 1990 году. Помимо этого, они должны были помогать при уточнении географических карт Восточной Германии, потому что ни один другой представитель западных держав не мог бы собственными глазами так хорошо оценить изменения в географии и инфраструктуре ГДР, как офицеры ВМС.

Но вся эта деятельность играла де-факто только второстепенную роль в сравнении с взаимным наблюдением за военной ситуацией в соответствующей зоне оккупации. Не позднее 1949 года эта задача стала основной для западных военных миссий связи. Одним из первых поручений американской USMLM и английской BRIXMIS стала рекогносцировка восточногерманского побережья Балтийского моря, чтобы найти на берегу участки, пригодные для высадки морского десанта. Связи с советским штабом и все представительские задачи, когда западные военные встречались с советскими, тоже приобрели разведывательный характер, поскольку в ходе таких контактов можно было узнать много интересного об образе мышления высшего офицерского корпуса ГСВГ.

Офицеры, унтер-офицеры и солдаты западных военных миссий связи представляли собой в некотором смысле замену аппарата военных атташе при посольствах. Ведь западные страны не признавали ГДР до 1972 года и поэтому не располагали никакими дипломатическими представительствами в Восточном Берлине. Персонал миссий пользовался в ГДР как бы определенным дипломатическим иммунитетом и мог передвигаться сравнительно свободно по ее территории. Офицеры миссий использовали эту возможность «на полную катушку», совершая круглые сутки автомобильные поездки во все концы страны. Разумеется, тот факт, что этим военным приходилось ездить только в форме и в служебных машинах

со специальными номерами, «разоблачал» их как иностранцев, представителей вооруженных сил «вероятного противника». Но с другой стороны этот западный мундир не только обеспечивал некоторую защиту от восточногерманских органов безопасности, но часто облегчал установление связи с заинтересованным местным населением, которое тогда можно было целенаправленно опрашивать. Однако нужно исходить из того, что военные миссии связи не курировали тайных агентов и не проводили иные тайные операции, не соответствовавшие логике их задач и статуса. С другой стороны, разумеется, официальные возможности миссий связи давали западным державам прекрасную «легенду», чтобы использовать полученную тайным путем информацию и в открытой, публичной форме.

Подписанные в 1946 и 1947 годах соглашения о военных миссиях связи не были составлены единообразно и предусматривали потому обмен разным количеством военнослужащих для службы в них. Американцы могли аккредитовать 14 представителей своих войск, французы 18, англичане даже 31 человека. Но три миссии располагали не только выделенными для них домами в Потсдаме и Ной-Фарланде, но и «тылом» в Западном Берлине, позволявшим с каждым годом оказывать им все большую поддержку и насчитывавшим, в конце концов, несколько сотен сотрудников (из отделов ремонта, снабжения, обеспечения, переводчиков, географической службы, фотолаборатории, обслуживания разведывательных самолетов, радиоразведки). В британской миссии связи в Потсдаме 60 % военнослужащих представляли сухопутные войска, а 40 % — ВВС.

Насколько велик был вклад военных миссий связи в военную разведку против ГСВГ? Главнокомандующий американскими войсками в Европе в своем письме к министру иностранных дел США Джону Ф. Даллесу в середине 1958 года отмечал огромную ценность военных миссий связи. Около 90 % всех точных сведений о ГСВГ, по его словам, были добыты именно военными миссиями западных союзников.

«Ценность USMLM для нашей разведки, вероятно, превышает ту ценность, которую имеют для Советов их миссии в Западной Германии. Опыт доказывает, что разведанные, собранные нашей военной миссией, являются самым надежным и точным источником, которым располагает наше командование в плане предупреждения о признаках возможных советских намерений начать неожиданное сухопутное наступление на

Западную Европу».

По данным МГБ ГДР западные державы ясно понимали разведывательный потенциал военных миссий связи и в последующие десятилетия они даже расширили диапазон их разведывательной деятельности. Наибольшее количество одиночных поездок их служащих по ГДР было зафиксировано во время размещения в ГДР советских ракет средней дальности SS-20 во второй половине 70-х годов, причем и в последующем десятилетии постоянно возрастали также продолжительность этих поездок и количество объектов, к которым офицеры западных военных миссий связи проявляли интерес.

Зафиксированные МГБ ГДР разведывательные поездки сотрудников трех западных военных миссий связи с 1960 по 1987 годы

	1960	1978	1982	1987
Поездки	1534	3023	3000	2314
Продолжительность (часов)	14740	43427	45161	47799
Разведывательные действия	262	1197	2061	3093
Проезд мимо военных объектов или военных транспортных средств	120	1046	9190	12493

Несмотря на возможности, открывавшиеся при использовании радиоэлектронной и оптической разведки, ВМС поставляли такие сведения, которую не смогла бы добыть ни одна техническая разведка. При этом качество и количество их разведывательных операций действительно постоянно увеличивались. В конце 70-х годов только USMLM проявляла около 8000 пленок в год и делала около полумиллиона оттисков. В середине 1987 года Первый главный отдел МГБ ГДР, отвечавший за контрразведывательное обеспечение Национальной народной армии, сообщал, что 15 % всех зафиксированных с начала того года разведывательных операций только против восточногерманской армии осуществляли военные миссии связи, причем чаще всего в этих попытках «засветились» англичане. В следующем году Седьмой главный отдел (наружное наблюдение и расследование), занимавшийся слежкой за ВМС, сообщал, что каждый день по территории ГДР разъезжало от шести до десяти машин союзников с 20–25 сотрудниками. Отдельные поездки продолжались до 120 часов, особенно активны были представители сухопутных войск британской военной миссии.

Благодаря тесному сотрудничеству все три военные миссии связи разведывали территорию ГДР с частой периодичностью по времени и с большой плотностью по пространству. Они поделили для этого Восточную Германию на четыре зоны — А, В, С и так называемую «локальную зону» (Local Area) вокруг Берлина. В каждой зоне (А, В, С) действовал отдел сухопутных войск одной миссии и отдел военно-воздушных сил другой миссии. Смена зон происходила по единому плану примерно каждые 18–22 дня по направлению «против часовой стрелки». В «локальной зоне», в округе Потсдама миссии проводили так называемое краткосрочное патрулирование, целью которого было определить изменения в структуре и расположении войск восточной стороны, которые могли бы быть использованы против Западного Берлина. При этом военнослужащие сухопутных войск трех стран менялись каждые 1–2 дня. По сведениям МГБ ГДР из зафиксированных разведывательных действий военных миссий связи в 1987 году 43 % приходилось на разведку против ГСВГ, 12 % против ННА, 37 % против военных перевозок по шоссе и по железной дороге, еще по два процента против войск и учреждений Министерства внутренних дел и Министерства госбезопасности ГДР, оставшиеся 4 против экономических и политических объектов. Западным военным миссиям связи якобы удалось распознать 95 % всех располагавшихся в ГДР оружейных арсеналов. Технические сведения, полученные Западом о советском вооружении и боевой технике, на 70 % были получены благодаря военным миссиям в ГДР.

Контрразведывательные мероприятия МГБ были интенсивны и проводились с типичной для немецких контрразведчиков тщательностью. Госбезопасность была хорошо проинформирована, но столкнулась с необычными проблемами. Разведывательные зоны А, В и С не совпадали с границами округов ГДР, что мешало работе зажатых в бюрократические рамки окружных управлений госбезопасности. Потому требовалось организовать контрразведывательную работу, управляемую из центра и требующую много сотрудников. Так как все собранные о ВМС сведения необходимо было передавать ГСВГ, то Седьмой линии, отвечавшей за слежку за служащими военных миссий связи, не достались лавры триумфатора. Потому для сотрудников госбезопасности ГДР эта сфера деятельности оказалась непопулярной. Хотя Седьмой главный отдел сотрудничал с советским штабом в Вюнсдорфе, он получал оттуда далеко не всю нужную информацию и с горечью вынужден был осознавать, что западные военные миссии связи были проинформированы о процессах в ГСВГ лучше, чем сами восточные немцы.

Помимо военных миссий связи существовали еще и военные инспекции, которые совершали поездки из Западного Берлина в восточную часть города. Их военнослужащие не были аккредитованы при ГСВГ, а пользовались своим правом, непосредственно предусмотренным статусом Берлина, как города, управлявшегося четырьмя державами-победительницами, а также Лондонским соглашением 1944 года. Их разведывательные задания в Восточном Берлине не отличались от тех, которые проводили военные миссии связи в самой ГДР, не посещавшие «Столицу первого рабоче-крестьянского государства на немецкой земле». Главными целями их поездок обычно были советские объекты в берлинском районе Карлсхорст, учебный пограничный полк в Рансдорфе и здания МГБ, прежде всего центральный офис в берлинском районе Лихтенберг. Еще они не упускали возможности понаблюдать за объектами ННА и МВД в Марцане и за железнодорожными узловыми и сортировочными станциями в Бухе, Карове, Вюльхайде и Панкове.

Тем самым важное, хотя и не официальное задание военных миссий связи и военных инспекций во многом позволяло дополнять собираемые методами радиоэлектронной (SIGINT), оптической (IMINT), агентурной (HUMINT) разведки и разведки с использованием открытых источников (OSINT) данные о боевом порядке и боевом расписании всех войск Варшавского договора, а также об их вооружении, уровне подготовки и внутреннем состоянии.

«Миссии на самом деле стали своего рода системой обоюдного контроля, которая позволяла обеим сторонам быть уверенными в том, что внезапное наращивание военных сил не происходит, что большое количество войск не выдвинуто на позиции для наступления. Нигде в мире русские не позволяли подобный контроль над собой, потому напряжение и опасные недоразумения были сведены к минимуму благодаря разрешению на наблюдение за их военными объектами, чего было достаточно, чтобы понять, что они не готовятся напасть на Западную Германию».

В ходе процесса Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе официальный метод сбора информации о вооруженных силах другой стороны снова изменился. К сбору официальной информации и наблюдениям сотрудников военных миссий связи добавился официальный обмен военными наблюдателями. После Конференции о мероприятиях,

способствующих взаимному доверию, безопасности и разоружению в Европе (Стокгольм) с 1986 года о маневрах, в которых участвуют свыше 13 тысяч человек и больше 300 танков, следовало официально сообщать заранее, приглашать на них наблюдателей из стран, подписавших договор и позволять проведение контроля инспекциями по разоружению. Отправляя своих офицеров в страны Варшавского договора, Запад получал большие, лучшие и, так сказать, законные возможности для шпионажа. ВМС и военные наблюдатели, по сведениям МГБ, согласовывали свои действия. В последние годы существования ГДР поездки сотрудников военных миссий связи нацеливались не столько на сами маневры в Восточной Германии, поскольку туда и так официально приглашались делегации военных наблюдателей согласно Стокгольмскому договору, но концентрировались на фазах подготовки и возвращения участвовавших в учениях войск в места их постоянной дислокации.

При этом улучшились, наконец, и возможности западногерманской военной разведки. Направляемые Бундесвером офицеры были специалистами-разведчиками (G-2), которые давно занимались изучением войск вероятного противника и отвечали за сбор сведений о них. Перед контрразведкой МГБ встала новая задача.

«Противник прямо на месте изучает нашу военную технику в ее использовании, оперативно-тактические принципы управления войсками, уровень их обучения и т. д. Мы должны быть готовы и к этому. Наблюдатели большей частью являются хорошо подготовленными специалистами в военном деле и в разведке. Таким образом, нам необходимо в сотрудничестве с Первым главным отделом и Управлением особых отделов КГБ СССР в ГСВГ оказывать влияние на поддержание принципов сохранения военной тайны, борясь с пацифистскими тенденциями, хвастовством, болтовней и возможной неосознанной выдачей информации. Но с другой стороны нам следует учитывать то, что наши политическо-оперативные контрразведывательные мероприятия должны быть приведены в соответствии с политическим процессом разрядки и ни в коем случае не становиться препятствием на пути этого процесса».

Буквально в преддверии Дня немецкого единства, в начале октября 1990 года деятельность западных военных миссий связи в ГДР и советских миссий связи в трех бывших западных оккупационных зонах была

прекращена. Ведение разведки за оставшимися до августа 1994 года в Восточной Германии советскими (российскими) войсками взяла на себя в основном БНД, и в меньшей степени американские разведывательные службы. Вначале и Бундесвер осуществлял шпионаж за Западной группой войск. Но эту практику быстро прекратил запрет Федерального министра обороны Герхарда Штольтенберга после того, как группа из трех военных разведчиков в 1991 году, шпионя за советским объектом в районе Альтенграбова, где хранились ядерные боеприпасы, была обстреляна русским патрулем, и командир группы, майор Бундесвера, был ранен в руку.

**III. Военный шпионаж Организации
Гелена и Федеральной разведывательной
службы в 1950–1970 годах**

1. Службы

а) Люди из Пуллаха: Организация Гелена и БНД

Из трех секретных служб, созданных в Федеративной Республике Германии и существующих по сей день, Федеральная разведывательная служба (БНД) обладает исключительным правом на ведение внешней разведки. Ее предшественник, Организация Гелена, вынуждена была, однако, между 1950 и 1956 годами делиться этой привилегией с так называемой Службой Фридриха-Вильгельма Хайнца. Ведомства по охране конституции — Федеральное ведомство (БФФ) в Кёльне и земельные ведомства (ЛФФ) отвечали и отвечают (среди прочего) за контрразведку. В Бундесвере контрразведывательные функции возложены на Службу военной контрразведки (МАД), но права вести военную разведку у нее нет. Потому политическая, военная, научно-техническая и экономическая разведка в ФРГ были сконцентрированы в одних руках, что позволило избежать противоречий между различными ответственными за это институтами — подобно тому, как это происходило и до сих пор происходит в Соединенных Штатах. Служба G-2/A-2 Бундесвера — один из четырех классических отделов штабного звена — наряду с кадровым, оперативным и боевой подготовки и отделом тылового обеспечения и снабжения — отвечала за сбор, обработку и анализ военного положения противника, однако не вела активного шпионажа. Зато эта служба с успехом пользовалась данными радиоэлектронной разведки, собиравшихся специальными подразделениями Бундесвера, которые подслушивали и расшифровывали радиogramмы войск стран Варшавского договора.

С самого начала Райнхард Гелен старался сделать из созданной под американским контролем «Орг» настоящую (западно) — германскую разведывательную службу. Уже так называемое «джентльменское соглашение», якобы заключенное 30 августа 1946 года Геленом с наивысшим офицером военной разведки американских войск на европейском ТВД бригадным генералом Эдвином Л. Сибертом — предшественником генерал-майора Уизерса А. Бёрреса — показывает чувство национального самосознания, свойственное Гелену. Пусть даже это обсуждение было недоразумением, и Гелен с Сибертом просто не поняли друг друга, все равно нет никакого сомнения, что бывший шеф «Иностранных армий Востока» хотел как можно быстрее избавиться от

жесткого контроля со стороны американских властей. Если верить Гелену, тогда было решено, что немецкая служба будет работать не «для» американцев или «под» ними, а «вместе с» американцами. «Но если Организация когда-либо окажется в ситуации, при которой американский и немецкий интересы разойдутся, то Организации будет предоставлено право следовать линии, отвечающей немецким интересам». (Р. Гелен, «Служба») Однако очень трудно предположить, чтобы американский генерал (тем более, бригадный генерал — т. е. самого низшего ранга в генералитете) спустя лишь чуть больше года после окончания войны мог бы пойти на такие широкие уступки. В гораздо большей степени решающим было то обстоятельство, что Гелен сам выбрал такой путь и последовательно продвигался в запланированном направлении. Как только ему удалось провести свою организацию сквозь паутину опасностей внутриамериканских противоречий и обеспечить ей надежное будущее, он целенаправленно приступил к работе. В 1949 году он уже осторожно намекал на свои планы в разговорах с министерским директором в Федеральном министерстве внутренних дел Гансом Риттером фон Лексом, с Федеральным министром внутренних дел Густавом Хайнеманном, вице-канцлером Францем Блюхером и министерским советником в Ведомстве Федерального канцлера Гербертом Бланкенхорном. В июне 1950 года он высказал свои соображения в пользу создания западногерманской службы внешней разведки государственному секретарю в ведомстве Федерального канцлера Гансу Глобке, в сентябре того же года, наконец, и самому Федеральному канцлеру Конраду Аденауэру. Его позиция получила поддержку благодаря изменившемуся международному положению. В июне 1950 года началась война в Коре. Она ясно дала понять, что Холодная война действительно в любой момент может стать «горячей». И в разделенной Германии тоже две противостоящие общественные системы — коммунизм и демократия — стояли буквально друг напротив друга. Потому война в далекой Азии вдруг снова подчеркнула жизненную необходимость сбора информации о военном противнике и определила разведывательные приоритеты. Конъюнктура была на стороне военного шпионажа — прежде всего против войск на востоке Германии («ближняя разведка»), но также и в «стране за Одером», в Польше, ЧССР и прочих странах Восточного блока, включая Югославию и Албанию («глубокая разведка») и в самом Советском Союзе («дальняя разведка»). Интенсивные усилия по включению Организации Гелена в структуру Федерального правительства и обеспечению, таким образом, ее бюджетного финансирования увенчались успехом через пять лет, когда, наконец, 11 июля 1955 года кабинет

министров принял решение взять на себя контроль над Организацией и подчинить ее Ведомству Федерального канцлера. Нет никаких официальных цифр или научно обоснованных независимых данных о том, как изменялось количество сотрудников БНД с 1956 года. По принятым в ГДР представлениям число сотрудников удвоилось — с 1245 человек в 1956 году до 2500 в 1963 году, затем снова удвоилось до пяти тысяч в 1968 году, а в 1977 году в БНД трудилось 6500 чиновников, служащих, рабочих и направленных из Бундесвера офицеров.

В организационном плане Гелен создал сложную систему филиалов, разместив представительства БНД по всей Германии. Центр в Пуллахе (Генеральная дирекция) управляла так называемыми Генеральными представительствами, ответственными за внешнюю разведку и контршпионаж: в Штокинге под Мюнхеном (GV-C, сфера ответственности: ГДР, Австрия, Чехословакия), в Гамбурге и Бремене (GV-V, сфера ответственности — ГДР, военно-морской флот), в Дармштадте (GV-N, сфера ответственности: ГДР, Польша, СССР), в Мюнхене (GV-G, сфера ответственности: ГДР, балканские государства) и в Карлсруэ (GV-L, сфера ответственности: ГДР, активный контршпионаж в Восточном блоке). Этим Генеральным представительствам подчинялись Окружные представительства, которые были во всех крупных городах Западной Германии (например, в Западном Берлине — BV-E). Подпредставительства, иначе называемые «точками проверки», наконец, представляли собой «фронтовые штабы» для активного шпионажа, вербовки обучения и управления агентами. Кроме того, вдоль всей внутригерманской границы и в Западном Берлине были так называемые отделения — филиалы на жаргоне БНД — места, куда легко могли добраться информаторы. Эти отделения действовали под прикрытием коммерческих предприятий, страховых обществ, налоговых консультаций, бюро переводов или бюро трудоустройства, а также как филиалы каких-либо государственных учреждений. Все вместе это представляло собой весьма разветвленный каркас, который официально должен был служить целям «герметизации» и поддержания принципа „need to know“ («знать только то, что требуется знать») и защите источников. Эта непроницаемая система раз за разом подвергалась критике со стороны самих сотрудников. Она усложняла четкое управление и была мало понятна самим служащим БНД. Она была дорогой из-за большого числа необходимых офисных помещений, из которых после «расшифровки» раз за разом приходилось съезжать. Очень сложной была почтовая связь, так как курьеры не могли знать эти бюро, а желаемую конспирацию все равно не удавалось поддерживать на нужном

уровне достаточно долгое время. «Крот» КГБ в БНД Хайнц Фельфе предполагал, что сложность структуры служила не столько безопасности Службы, сколько скрывала отсутствие ясного разделения, четкой структуры и разграничения полномочий, поскольку Райнхард Гелен опасался из-за точного распределения задач утратить часть своего влияния, знаний и полномочий. Именно поэтому система филиалов, просуществовавшая до ухода генерала Гелена в отставку с поста президента БНД в 1968 году, на практике служила в большей степени единоличному правлению шефа разведки.

Как и ее противник в Восточной Германии, «Штази», Федеральная разведывательная служба неоднократно меняла свою структуру в зависимости от ситуации. Несмотря на многие детали, известные в подробностях, очень сложно четко реконструировать изменения организационной структуры БНД с ранних времен Организации Гелена до конца Холодной войны. За агентурный шпионаж отвечали два отдела — Первый отдел, собственно занимавшийся агентурной разведкой, и Третий отдел, отвечавший за анализ и оценку полученной информации. Отношения между ними порой были довольно напряженными. В 50-е годы, в разгар Холодной войны, оба отдела занимались в первую очередь военным шпионажем и анализом добытых результатов. Юлиус Мадер в книге «Серая рука» еще в 1960 году опубликовал своего рода план основных задач генерала Гелена, обязательный для выполнения всеми шпионами Службы в Восточном блоке. Из 15 разведывательных целей, названных в документе, только две задачи совсем не касались военных или военно-экономических вопросов. Все остальные требования включали: наблюдение за маршами войск и передвижениями военных грузов, за складами горючего, за ремонтными мастерскими железной дороги, железнодорожными путями, шоссейными дорогами, мостами, аэродромами, телеграфными станциями, электростанциями, гидрогенизационными заводами, предприятиями химической промышленности, военными заводами, полигонами, командными пунктами, казармами, за собственно воинскими частями противника и за настроениями в войсках. В общем, «производящий сильное впечатление документ ранней стадии Холодной войны, в котором содержится все, что определяло задачи западного шпионажа все следующее десятилетие».

В ранние годы своего существования западногерманская служба внешней разведки заработала себе хорошую славу. Самой сильной стороной деятельности «Орг» был военный шпионаж. До возведения Берлинской стены ни одна западная разведка не обладала лучшими

предпосылками для шпионажа в ГДР, нежели БНД. И в эту задачу входило также наблюдение за дислоцированными там советскими войсками.

б) Контрразведка Министерства государственной безопасности ГДР

С момента основания Министерства государственной безопасности ГДР его центральной задачей была контрразведка. Помимо служб США, Великобритании и Франции, а также Организации Гелена, оно боролось и с другими западногерманскими учреждениями и структурами, например с деятельностью Федерального министерства по общегерманским вопросам, восточными бюро западногерманских политических партий и с группировками вроде Боевой группы против бесчеловечности или Следственного комитета свободных юристов. Уже в 1953 году после слияния отвечавших за контрразведку в МГБ и в окружных управлениях Четвертых отделов и занимавшихся шпионскими действиями в Федеративной Республике Вторых отделов возник Второй главный отдел, взявший на себя борьбу с иностранными секретными службами. До 1960 года им руководил Йозеф Кифель, старый коммунист, эмигрировавший в СССР в 1931 году и с 1939 по 1945 годы служивший в Красной Армии. Во времена Кифеля на счету контрразведки МГБ только между 1953 и 1956 годами было несколько крупных успехов в противостоянии Организации Гелена и американским разведслужбам.

Четыре первоначальных отдела Второго главного отдела занимались разведками трех западных союзных держав и разведкой ФРГ. В 1955 году был создан еще один отдел, боровшийся со шпионажем спецслужб других несоциалистических стран. Два отдела отвечали за связь с социалистическими странами, один из них следил за студентами из ГДР, обучавшимися в Советском Союзе. С 1955 года к задачам Второго главного отдела относилось и наблюдение за западными военными миссиями связи, а с 1956 года — радиоперехват и наблюдение за эмигрантскими организациями. Важное изменение структуры Второго главного отдела МГБ произошло в 1958 году. Четвертый отдел, обрабатывавший доселе как «немецкая линия» западногерманские спецслужбы, был разделен на два отдела. Один из них занимался только БНД, другой — только ведомствами по охране конституции. Так появился четвертый отдел Второго главного отдела, НА II/4, специализировавшийся на борьбе с БНД.

Но не только Второй главный отдел боролся с западным шпионажем. В

своих сферах ответственности — к примеру, в контрразведывательном обеспечении государственного аппарата. Народного хозяйства, транспорта, в полиции и в армии — это было задачей всех служебных подразделений «Штази». И как раз в пятидесятые годы Девятый главный отдел и соответствующие линии в окружных управлениях, так называемые следственные органы, получили важную задачу. «Девятая линия» стала заниматься в это время (конспиративными) расследованиями в целях уголовного преследования, причем ее сфера ответственности не была точно определена ни внутри самого МГБ, ни в отношении ответственной за расследование уголовных преступлений Немецкой народной полиции. В своей расследовательной деятельности она должна была как можно быстрее предоставлять доказательства во время обысков, арестов и допросов, которые можно было бы использовать в оперативных целях. Из-за большой пропагандистской ценности особенное значение приобретали дела, связанные со шпионажем. Девятый главный отдел в МГБ в 1954 году состоял из трех отделов и до 1989 года расширился до 12 отделов и нескольких отдельных рабочих групп. За все время своего существования первый отдел Девятого главного отдела — НА IX/1 — неизменно отвечал за расследования дел, связанных с шпионажем, среди которых в семидесятых и восьмидесятых годах преобладали случаи подозрения в военном шпионаже. Кроме того, первый отдел вел и следствия по делам западногерманских нарушителей границы, а также так называемых «возвращенцев», то есть сбежавших на Запад восточных немцев, решивших снова вернуться в ГДР.

Возведение Берлинской стены укрепило изменение стратегии в центральных служебных подразделениях МГБ, занимавшихся контрразведкой. Арест шпионов и особенно рассчитанные на пропагандистский эффект их суровые наказания, вплоть до смертной казни, столь распространенные десятилетием раньше, уже перестали быть основной целью их деятельности. Все важнее становилось скрытое наблюдение за разоблаченными, но не арестованными западными агентами с целью выявления их связей. Таким путем МГБ могло выявить разведывательные намерения БНД и, по меньшей мере, не напрямую контролировать действия офицеров-агентуристов БНД. Сначала Берлинская стена нанесла ущерб оперативной работе МГБ на Западе, в том числе контршпионажу против филиалов Службы в Западном Берлине. Переход границы в теперь действительно разделенном городе внезапно оказался организационной проблемой не только для обычных немцев, но и для сотрудников МГБ.

Девятая линия по-прежнему отвечала за завершающую стадию расследования, но оперативная контрразведывательная деятельность Второй линии приобретала все больший самостоятельный вес. Изменения собственной структуры, которые тут не будут рассматриваться в подробностях, после 1961 года определили дальнейшее развитие Второго главного отдела. После небольших реорганизаций в 1962 году он состоял из шести отделов, трех самостоятельных рефератов и нескольких небольших рабочих групп. Борьба с БНД вследствие улучшившихся условий после строительства Стены была еще больше усилена после временного создания особой оперативной группы. Важным обстоятельством для будущей работы оказалось также разделение «внутренней» и «внешней» контрразведки, более четко проведенное в ходе реструктуризации 1964 года. С другой стороны осуществленное за три года до возведения Стены разделение отдела на сектор, борющийся с БНД и сектор, борющийся с ведомствами по охране конституции, было признано неэффективным и отменено. Теперь НА II/4 отвечал за «внутреннюю контрразведку» против обеих западногерманских служб в ГДР, тогда как «активная контрразведка» отдела НА II/2 использовала для контрразведывательной деятельности собственных «кротов» в Федеративной Республике. В конце шестидесятых годов борьба с военным шпионажем стала особо важным моментом в работе Главного отдела. В отличие от часто изменявшейся структуры, руководство контрразведки менялось редко, с тех пор как был образован Второй главный отдел. Йозефа Кифеля сменил бывший солдат Вермахта Вернер Грюнерт, которого в свою очередь в 1976 году сменил Гюнтер Кратч. Кратч возглавлял контрразведку вплоть до 1989 года и дослужился до генерал-лейтенанта.

Вначале Пуллах по праву больше опасался советской контрразведки, нежели МГБ. Контрразведка «Смерш» и советского МГБ была в ранней фазе Холодной войны очень эффективна в борьбе с военным и прочим шпионажем Организации Гелена. При всех успехах в защите источников это приводило к большим потерям среди агентов, карьера которых заканчивалась перед советскими военными трибуналами. Если немец арестовывался по подозрению в «военном шпионаже» или в «антисоветской деятельности», то службы МГБ ГДР и прокуратуры СОЗ/ГДР должны были передавать дело советскому МГБ. Судебные процессы и приговоры выносились по привычному для Советского Союза тех лет сценарию. Апогея советские контрразведывательные операции достигли в начале 50-х годов. С 1950 по 1953 годы (только по известным данным) в Советском Союзе были казнены 927 немцев, похороненных затем на

Донском кладбище в Москве. В 1950–1955 годах было вынесено всего 1112 смертных приговоров, причем подавляющее большинство было осуждено именно за шпионаж (1061 приговор). Но максимальное количество советских смертных приговоров немцам было вынесено в 1951 и 1952 годах. Немало из этих обвинений были необоснованны, но значительное количество имело под собой реальную основу. Сталинское правосудие было в этих случаях жестоким и беспощадным. Западные спецслужбы, вербовавшие агентов для сбора сведений о боевом порядке и боевом расписании советских войск, в те годы слишком мало уделяли внимания защите своих агентов. Мотивы, по которым восточные немцы соглашались шпионить в пользу Организации Гелена и западных разведок, были весьма разнообразны и часто диаметрально противоположны. На шпионаж против Москвы толкали с одинаковой силой и пережитки национал-социалистического сознания с его антибольшевистской направленностью, и демократические убеждения с презрением к жестокой сталинской системе. Но жадность и желание подзаработать, поиск родственников или желание переселиться на Запад тоже были распространенными мотивами людей, взявшихся за шпионаж против ГСОВГ.

Силу МГБ аппарат Гелена ощутил впервые на собственной шкуре в конце осени 1953 года, когда в ходе операции «Фейерверк» были арестованы многочисленные его агенты. С того времени, по словам Майера, «стало явным фронтовое противостояние между ГДР и ФРГ. И не окутанный мистической тайной советский КГБ, но Министерство госбезопасности в Восточном Берлине стало главным противником нашей разведки. Но в головы руководящих немецких политиков того времени просто не укладывалось, что за шепелявым Ульбрихтом стоит государство с чувством собственного достоинства».

Следует упомянуть, что в своих мемуарах Райнхард Гелен практически проигнорировал первого министра госбезопасности ГДР Вильгельма Цайссера, но много места посвятил его преемнику Эрнсту Вольвеберу, под управлением которого МГБ достигло своих первых значительных успехов, ставших известными широкой публике. Но среди этих удач были не только яркие и разрекламированные приключения, вроде побега сотрудников БНД Вольфганга Хёэра и Ганса-Йоахима Гайера из Западного в Восточный Берлин, которые затем выдали МГБ множество своих агентов. Внешне незаметные и мелкие на первый взгляд операции против обычных шпионов, занимавшихся сбором сведений о войсках, давали восточногерманской разведке немалые преимущества.

Восточногерманский контрразведчик Вагнер подчеркивал, что «самым

слабым звеном в цепи между агентами в ГДР и разведцентром в Пуллахе была связь. БНД постоянно старалась улучшить систему связи, сделать ее более скрытной, но Второму главному отделу все равно быстро удавалось распознать все изменения и варианты, чтобы принять соответствующие контрмеры».

Контрразведка МГБ исходила из того, что шпионы в пятидесятых годах в основном лично многократно встречались со своими «кураторами» в Западном Берлине, чтобы избегать почтовой или радиосвязи.

«Военные шпионы из отдаленных округов (Росток, Эрфурт, Дрезден), как правило, пользовались «ранними поездами», чтобы отправиться на встречу в Западный Берлин. В этих же поездах ездили и сотрудники наружного наблюдения МГБ, которые вели слежку за опознанными по ряду критериев лицами или за теми, на кого им указывали работники транспортной полиции, от их станции отправления до Западного Берлина».

Взросшие успехи контрразведки МГБ и тем не менее все не уменьшавшаяся активность западных шпионских операций против ГСОВГ заставили и советскую военную контрразведку укреплять сотрудничество с восточногерманской секретной службой. Ведь «военные чекисты» Москвы были слишком перегружены контрразведывательным обеспечением своих столь многочисленных гарнизонов и военных баз на территории ГДР.

в) Сотрудничество МГБ ГДР и советской военной контрразведки

С созданием в феврале 1954 Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР, Третье управление «по контрразведывательной работе в Советской армии и Военно-морском флоте», побыв короткое время в Министерстве внутренних дел, окончательно вошло в состав КГБ. Теперь оно называлось Третьим главным управлением и ему подчинялись управления военной контрразведки в военных округах, флотах и группах войск, в армиях и флотилиях, а также особые отделы КГБ в дивизиях и бригадах. В полках и вплоть до рот за контрразведку отвечали особые оперуполномоченные. Для слежки за военнослужащими военная контрразведка создала в вооруженных силах густую сеть информаторов, которые помимо возможных шпионских связей, обязаны были сообщать и о политической благонадежности и нарушениях «социалистической морали» солдат и офицеров. Так как руководство советской секретной службы было явно

недовольно предыдущими достижениями военной контрразведки, а виновные в сталинских репрессиях и массовых чистках кадры хотя бы частично требовалось заменить, то из Главного политического управления (ГПУ) вооруженных сил в военную контрразведку КГБ было направлено более полутора тысяч офицеров. Одновременно руководство КГБ уволило тех офицеров, которые были слишком «замазаны» в проведении репрессий.

Контрразведка ГСВГ в 1954 году была переименована в Управление особых отделов (УОО). Оно превратилось в самое большое по численности персонала организационное подразделение во всей советской военной контрразведке. Из бывшего третьего отдела осенью того же года был сделан отдел активного контршпионажа, организовавший работу против разведок и вооруженных сил НАТО непосредственно в западных странах. Были реструктурированы и другие отделы. Второму отделу были переданы задачи тылового обеспечения, первый отдел занимался штабной и административной работой. Заново был создан отдел информации и анализа. Преследование подозреваемых, как и прежде, оставалось задачей следственного отдела.

Деятельность Управления особых отделов в основном концентрировалась на следующих задачах:

1. Предотвращение проникновения агентурных сетей противника в войска и на объекты Советской армии, Военно-морского флота, войска КГБ и Министерства охраны общественного порядка.

2. Идентификация и разоблачение агентов, внедрившихся в вооруженные силы.

3. Поиск империалистических агентов в вооруженных силах и в непосредственном их окружении (со сведениями об обнаруженных случаях, фактах, выяснение данных о родственниках).

4. Предотвращение случаев измены Родине со стороны отдельных военнослужащих, рабочих и служащих вооруженных сил и военных объектов.

5. Защита государственной и военной тайны, предотвращение возможной утечки секретной информации за рубеж.

(...)

9. Контрразведывательная деятельность по защите специальных и особо важных сооружений и защита транспортного сообщения.

10. Подавление враждебных устремлений врагов Советской власти и националистических сил.

При выполнении этих задач Управление особых отделов находилось под жесточайшим контролем руководящих органов КГБ и

Коммунистической партии в Москве. Даже мелочи — вроде того случая, когда начальник штаба ГСВГ в качестве сувенира подарил гвардейский значок представителю одной из западных военных миссий связи — вызывали немедленное вмешательство Центра, что отражалось в донесениях, приказах, отчетах и командировках особых комиссий, что офицерами на местах частенько расценивалась как раздражающая мелочная опека.

Отделы военной контрразведки в армиях, дивизиях и бригадах должны были защищать входящие в состав этих соединений военные объекты и войска от попыток шпионажа изнутри и в максимально возможной мере обеспечивать их контрразведывательную безопасность снаружи. В сотрудничестве с МГБ они занимались также наймом на работу или увольнением восточногерманских гражданских служащих в советских военных учреждениях и объектах. Все контакты войск и учреждений ГСВГ с восточногерманским обществом тоже подвергались полному совместному контролю КГБ и МГБ. Офицеры контрразведки должны были информировать службы немецкого Министерства госбезопасности о запланированных учениях и маневрах, чтобы предотвратить возможность наблюдения за этими мероприятиями со стороны западных спецслужб. В полках, батальонах и ротах оперуполномоченные Третьего главного управления КГБ решали эти же задачи.

Хотя в феврале 1960 года Третье главное управление формально было понижено в статусе, превратившись из главного просто в Третье управление КГБ, диапазон его задач еще больше расширился. С того момента контрразведчики отвечали не только за контрразведку в вооруженных силах, включая флот, но также и за контрразведку в пограничных и внутренних войсках, а также в «Аэрофлоте». Для этого Третье управление располагало более чем одиннадцатью разными отделами, обеспечивавшими контрразведывательную работу в разных видах вооруженных сил. Например, второй отдел отвечал за сухопутные войска, третий — за ВВС, четвертый за Ракетные войска стратегического назначения, а контрразведка флота была в руках шестого отдела.

Вскоре стало абсолютно понятно, что советская военная контрразведка в ГСВГ не могла обеспечить контрразведывательную защиту всех своих многочисленных гарнизонов и военных баз в ГДР. Поэтому ей пришлось обратиться за помощью к МГБ, и аппарат Мильке не мог увернуться от этой задачи, пусть даже КГБ еще во второй половине пятидесятых годов в своих оценках утверждал, что «агентура контрразведывательных органов ГДР, внедренная в разведслужбы и подпольные организации противника

все еще очень слаба и не в состоянии своевременно раскрывать вражеские планы и намерения». В середине 1963 года Мильке издал служебную инструкцию, касающуюся деятельности, прежде всего, Второй линии и Линии F (предшественницы Третьего главного отдела, отвечавшего за радиоперехват). Внешняя защита объектов ГСВГ теперь, как и ранее внешняя защита ННА и пограничных войск ГДР теперь тоже перешла в руки Второго главного отдела и вторых отделов в окружных управлениях МГБ. Кроме того, вторая линия должна была контролировать немецких поставщиков и предприятия, оказывающие услуги войскам ГСВГ, например, пекарни и прачечные. Сведения о шпионах, «действовавших исключительно против советских объектов» должны были передаваться советской военной контрразведке, чтобы осуществлять совместные мероприятия по противодействию таким агентам. Если подозреваемые в шпионаже не были военными или гражданскими служащими ГСВГ или гражданами ГДР, имевшими доступ на советские объекты, то есть возможными внутренними источниками противника, то МГБ в одиночку продолжало вести расследование шпионажа. Это касалось как восточных немцев, использовавшихся в качестве внешних наблюдателей за гарнизонами и объектами, то есть собиравших сведения исключительно «снаружи», так и западных немцев, западных берлинцев и прочих иностранцев. Отделу F МГБ было поручено осуществлять «борьбу с использованием радиотехнических средств против радистов империалистических секретных служб в целях их выявления, расследования и ареста». Ведущим в этом тандеме оставался, однако, Второй главный отдел, которого специалисты радиоперехвата из отдела F обязаны были информировать о добытых ими результатах. Кроме того, отдел F должен был согласовывать свои действия со спецгруппой радиоперехвата и радиоразведки ГСВГ. Такое положение с одной стороны приводило к существенной перегруженности восточногерманской контрразведки и службы радиоперехвата, так как они не могли уклониться от выполнения требований советских коллег. С другой стороны его можно было интерпретировать и как в некотором смысле доказательство завоеванной самостоятельности МГБ. Офицеры связи КГБ все еще оставались в МГБ и в его окружных управлениях. Но уже было ясно, что на смену полному контролю со стороны русских пришло сотрудничество, при котором обе стороны должны были делиться с партнерами полученной информацией, если подозреваемыми не были советские граждане. В МГБ также понимали, что передаваемый им советскими органами материал был обычно довольно беден и часто исчерпывался одной фразой: «X является

агентом американской разведки». В дополнении к служебной инструкции 3/63 в 1964 году была, наконец, расшифрована действительно неясная формулировка «контрразведывательное обеспечение немецких поставщиков и предприятий обслуживания». Теперь советская военная контрразведка обязывалась самостоятельно контролировать тех восточных немцев, которые непосредственно трудились в ГСВГ. По просьбе Третьего управления КГБ при ГСВГ «эти лица перед приемом на работу и позднее с определенными интервалами должны были подвергаться проверкам со стороны вторых отделов окружных и районных управлений». При этом МГБ особенно должно было следить за «моральным и политическим поведением этих лиц по месту жительства, а также за подозрительными связями и контактами негативного рода». Помимо второй линии и радиоперехвата к защите ГСВГ была привлечена теперь и восемнадцатая линия. Она должна была оберегать от шпионов все учреждения и предприятия ГДР, связанные со снабжением советских войск: специализированные министерства, строительные управления, бюро по специальной торговле и по особому строительству, ремонтные, снабженческие и обслуживающие предприятия. Граждане ГДР, занимавшиеся шпионажем против советских военных объектов, подлежали аресту и допрашивались органами МГБ, контрразведка КГБ могла официально проводить лишь оперативную разработку подозреваемых. Но в рамки сотрудничества входила и передача источников Второго главного отдела советской военной контрразведке в ГДР.

В годовом отчете КГБ за 1967 год его председатель Юрий Владимирович Андропов сообщал генеральному секретарю Коммунистической партии Леониду Ильичу Брежневу, что «военная контрразведка КГБ вместе с органами государственной безопасности ГДР разоблачила 17 агентов западных разведок, занимавшихся шпионажем против Группы советских войск в Германии». В семидесятых и восьмидесятых годах органами контрразведки арестовывались ежегодно несколько десятков лиц по подозрению в шпионаже. Но контрразведка все равно была перегружена защитой всех казарм советских войск в Восточной Германии. В середине семидесятых годов русские заявили Второму главному отделу, что им не хватает своих сил для контроля за работающими на советских военных объектах гражданами ГДР — что согласно договоренности 1964 года только частично являлось задачей восточногерманской стороны — и попросили помощи в сборе «важных политико-оперативных сведений о внешних контактах в окружении объектов». Речь шла о примерно 35 «важных объектах». Но и МГБ ясно

дало понять, что его возможности тоже не безграничны:

«На нашей территории сконцентрировано большое количество объектов и сооружений. При определении важных объектов не следует выбирать слишком много целей. Несмотря на более тесное сотрудничество в будущем, прежнее разделение сфер ответственности должно сохраниться».

В 1982 году Третье управление КГБ вернуло себе прежний статус Главного управления. Возглавляемое своим многолетним начальником генерал-полковником Николаем Александровичем Душиным, оно с середины 80-х годов вступило в сложный период своего существования. Так как в самих воинских частях не было никаких настоящих шпионов — в отличие от попыток шпионажа «снаружи», борьба с которыми, впрочем, возлагалась на МГБ, особые отделы некоторых армий из карьеристских соображений стали фабриковать необоснованные обвинения против солдат и офицеров вооруженных сил. Когда этот факт был разоблачен, Душину пришлось в 1988 году уйти в отставку. Теперь советское руководство стало по-другому смотреть и на контрразведывательную работу в ГСВГ. В 1992 году российский правозащитник Лев Пономарев, руководитель следственной комиссии по делу о так называемом «августовском путче ГКЧП», на слушаниях, посвященных реформе российских спецслужб, сделал такой вывод, несомненно, преувеличенно критический:

«Неэффективность этих органов военной контрразведки ясно видна на примере особых отделов КГБ СССР при Группе советских войск в Германии. За свое 46-летнее существование в них служило около 5 тысяч офицеров. Однако, насколько мне известно, за весь этот период не был раскрыт ни один случай вербовки советского гражданина в качестве агента иностранной разведки».

Во всяком случае, само руководство военной контрразведкой в ГСВГ тоже не было довольны своими кадрами и достигнутыми ими результатами:

«Квалификация сотрудников советской военной контрразведки часто является недостаточной, что порой приводит к осуществлению шаблонных и неизобретательных мероприятий, а также к нарушению конспирации. Превалирует тенденция

преувеличивать возможности оперативно-технических мероприятий. Агентурная работа часто недооценивается».

Помимо этого, руководству Управления особых отделов было тяжело определить самые важные объекты, подлежащие контрразведывательной защите из-за размытости критериев приоритетов. Еще ему мешала несогласованность при сотрудничестве с особыми отделами других советских групп войск, дислоцированных в Восточной Европе. Но, несмотря на это советская военная контрразведка в ГДР вплоть до прекращения существования ГДР и до окончательного вывода Западной группы войск вела беспрестанную борьбу с агентами западных спецслужб на этом «невидимом фронте» Холодной войны. Ведь ей нужно было защищать от шпионов вероятного противника самую важную, самую большую и мощную группировку советских вооруженных сил и не дать им возможности собирать сведения о реальных планах и боевой мощи ГСВГ.

2. Портрет объекта разведки: от оккупационных войск к конечнику копья — ГСОВГ и ГСВГ

К моменту немецкой капитуляции 8 мая 1945 года на территории будущей Советской оккупационной зоны находилось свыше миллиона советских военнослужащих. Большую часть их составляли солдат и офицеры Первого Белорусского и Второго Белорусского фронтов. Кроме них, там также размещались соединения Первого Украинского фронта, части НКВД и другие советские вооруженные формирования, а также две польские армии.

Уже 29 мая 1945 года Верховное командование приказало командующему Первым Белорусским фронтом маршалу Георгию Константиновичу Жукову с 10 июня 1945 года переименовать свою оперативную группировку в Группу советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ). Одновременно в состав новосозданных оккупационных войск включались и три армии Второго белорусского фронта. Таким образом, вначале эта военная группировка состояла из семи армий, двух танковых армий и нескольких отдельных корпусов, насчитывавших в общей сложности 63 стрелковые дивизии, 20 танковых бригад, 12 механизированных бригад, три кавалерийские и девять артиллерийских дивизий. В оперативном подчинении ГСОВГ находились также две дивизии 1-й армии Войска Польского и Днепровская военная флотилия. Авиацию группировки составляла 16-я Воздушная армия. В нее входило девять истребительных, три штурмовые, шесть бомбардировочных дивизий и одна дивизия ночных бомбардировщиков — всего более двух тысяч самолетов.

Начавшаяся с июля 1945 года крупномасштабная демобилизация в Красной армии, при которой увольнению в запас подлежали военнослужащие тридцати трех возрастов, распространялась и на оккупационные войска. За один год численность личного состава ГСОВГ уменьшилась более чем на половину — до пятисот тысяч человек. Маршал Василий Данилович Соколовский, новый командующий Группой, в ноябре 1946 года имел в своем распоряжении пять армий. Это были дислоцировавшаяся на севере СОЗ 3-я Ударная армия (штаб в Магдебурге), на юго-западе 8-я Гвардейская армия (Веймар), на северо-востоке 2-я Гвардейская механизированная армия (Фюрстенберг) и 1-я Гвардейская механизированная армия (Дрезден), а также 16-я Воздушная армия

(Ввольтерсдорф). В конце 1946 года ГСОВГ, таким образом, насчитывала пять стрелковых, семь механизированных и шесть танковых дивизий. Войска поддержки состояли из четырех артиллерийских дивизий, двух танковых бригад, пяти зенитно-артиллерийских дивизий. В 1947 году Группа лишилась двух танковых дивизий — 11-я танковая дивизия вернулась в Советский Союз, а 1-я танковая дивизия была формально распущена, но три ее полка командованием ГСОВГ были распределены по другим соединениям — по одному в 39-ю и 207-ю стрелковые и в 20-ю механизированную дивизию. Общая численность ГСОВГ снова сократилась — по оценкам американской разведки в конце 1947 года она насчитывала около 300 тысяч человек.

Хотя дислоцированные в СОВЗ советские войска были значительно сокращены, и много военнослужащих и боевой техники было возвращено в СССР, боевая мощь оставшихся в Германии частей и соединений сохранялась на высочайшем уровне. Вооружение и техника распущенных частей и соединений обычно большей частью передавалась в распоряжение оставшихся в составе ГСОВГ дивизий, что способствовало улучшению комплектации и стандартизации вооружения и боевой техники войск. Если в 1945 году для советских войск в Германии все еще были типичны конные повозки и поношенная форма, то вскоре этот образ исчез бесследно. Уже в 1947 году все части ГСОВГ были полностью моторизованы. В 1944 году стрелковая дивизия располагала всего 418 автомашинами, а в 1947 году это количество более чем утроилось и достигло 1488. Ввиду большого количества боевой техники и вооружения ГСОВГ в целях улучшения боевой мощи войск одновременно переформировывала несколько своих стрелковых дивизий в моторизованные.

Боевые возможности стрелковых корпусов значительно возросли благодаря модернизации вооружения и изменению структуры в сравнении с соединениями военного времени. В стрелковые корпуса теперь включались моторизованные дивизии и новые артиллерийские части. По взглядам советского командования стрелковые корпуса должны были быть в состоянии самостоятельно прорвать оборону противника и с высоким темпом развить наступление в глубину. Такие же задачи стояли и перед общевойсковыми армиями, состоявшими из двух стрелковых корпусов и частей усиления и поддержки. К началу 50-х годов они превратились в высококомобильные оперативные объединения, насчитывавшие больше танков и самоходных артиллерийских установок, чем танковые армии в конце Второй мировой войны.

Но главной ударной силой ГСОВГ являлись ее механизированные

армии. Они были преобразованы из танковых армий. Каждая состояла из двух танковых и двух механизированных дивизий — прежних танковых и механизированных корпусов военных лет. Поставки новой техники и одновременно внедрение дивизионной структуры с дивизионными частями поддержки привели к тому, что эти соединения теперь располагали большим количеством танков, мотопехоты и артиллерии, чем прежние корпуса. Так как механизированные армии получили много полевой и зенитной артиллерии, их боевая мощь значительно превосходила мощь танковых армий времен войны. Советская военная стратегия после 1945 года главную задачу механизированных армий видела в развитии достигнутого общевойсковыми армиями тактического успеха в оперативный, а в особо благоприятных условиях — в стратегический.

Если в середине 1948 года у СССР в его оккупационной зоне было около 300 тысяч человек, то за время Берлинской блокады количество советских войск на восточногерманской территории значительно увеличилось. Между 1947 и 1948 годами из Австрии были переброшены 3-я и 4-я механизированная Гвардейская армия из состава Центральной группы войск. Они разместились соответственно к юго-востоку и к северо-востоку от Берлина. Одновременно советское командование развернуло находившиеся в Германии кадрированные части до полного состава. Благодаря этим мероприятиям в дни апогея первого Берлинского кризиса ГСОВГ получила дополнительно четыре танковые и четыре механизированные дивизии с соответствующими армейскими частями поддержки и боевого обеспечения. Крупномасштабные переброски войск из Австрии увеличили силы Группы на 95 тысяч человек, около 2450 танков, 1400 бронетранспортеров и 884 орудия и миномета. Разместив близ Берлина две дополнительные армии, русские значительно изменили соотношение сил в свою пользу, создали «угрожающий барьер», оказав этим и мощное психологическое давление на западные державы.

Но так как Сталин все же не рискнул помешать силой воздушному мосту союзников и, очевидно, не собирался начинать из-за Берлина новую войну, его политика устрашения не принесла результатов. 12 мая 1949 года он снял блокаду Западного Берлина, согласившись тем самым с проигрышем «первой большой битвы» Холодной войны. Немного позже Нью-йоркское соглашение и Заключительное коммюнике Парижской конференции четырех держав-победительниц окончательно закрепили присутствие западных союзников в Берлине и тем самым — *status quo ante*, т. е. прежнее положение. Создание Федеративной Республики Германии и позднее Германской Демократической Республики не оказало на военные

задачи ГСОВГ непосредственного влияния. Провозглашение первого рабоче-крестьянского государства на немецкой земле никак не изменило ни статус оккупационных войск, ни прежних условий их размещения. ГСОВГ, даже не сменив своего имени, как и прежде, служила важным силовым инструментом СССР для обеспечения его положения в ГДР и в Европе.

Начавшаяся в июне 1950 года Корейская война способствовала тому, что США и их союзники стали проявлять военную активность не только в Азии, но начали готовиться к возможному вооруженному конфликту и в Европе. Западную Европу следовало защищать на максимально удаленных к востоку рубежах. А это означало, что нужно было усилить размещенные в Германии американские войска. Только в 1951 году американцы перебросили из США в ФРГ три пехотные и одну бронетанковую дивизии. Но если недавно образованный блок НАТО действительно хотел бы остановить возможное советское наступление не западнее Рейна, то по расчетам Объединенного комитета начальников штабов США для этого только в Центральной Европе потребовались бы не менее 54 дивизий. А к концу 1951 года между Северным морем и Альпами размещалось всего 20 боеготовых дивизий, так что об обороне на Рейне нечего было и думать.

Усилия Запада по укреплению своего военного присутствия в Германии вызывали ответную реакцию Советов в виде еще большего усиления военного потенциала СССР в контролируемой им Восточной Европе. Это коснулось и ГСОВГ. Но так как в ГДР и так было очень много советских войск, то личный состав нельзя было увеличивать до бесконечности. Вместо этого требовалось улучшить состояние дислоцированных в Германии частей в качественном отношении. Авиация ГСОВГ сменила поршневые самолеты на реактивные машины и впервые стала массово использовать радиолокаторы. Одновременно все-таки из СССР в Германию были направлены дополнительные воинские контингенты, так что в начале 1951 года численность войск там возросла с 500 до 600 тысяч солдат офицеров. Их официальной задачей была «надежная стража на западной границе социалистического лагеря» для «вооруженной защиты немецкого рабоче-крестьянского государства от внешних врагов».

В середине июня 1953 года в Восточной Германии возникло спонтанное движение народа против диктатуры СЕПГ. Восточногерманские коммунисты смогли спасти свою власть только потому, что Москва направила на подавление народных выступлений войска из состава ГСОВГ, когда распад режима Ульбрихта был уже близок. После 17 июня 1953 года ввиду мощного усиления репрессивного аппарата

ГДР «полицейская функция» ГСОВГ снова отошла на задний план. Войска вернулись в свои военные городки и на полигоны. Несмотря на то, что в своей декларации от 25 марта 1954 года советское правительство объявило о своем полном признании суверенитета ГДР, ГСОВГ по-прежнему оставалась государством в государстве. Ничего не изменилось и со сменой ее названия на Группу советских войск в Германии (ГСВГ). Вхождение ГДР в 1955 году в Варшавский договор и подписание межгосударственного договора между СССР и ГДР тоже никак не изменило статуса ГСВГ. Лишь в марте 1957 года советское руководство решило подписать с ГДР соглашение о размещении войск. Но и этот формальный юридический шаг на практике ничего, по сути, не изменил. Главное командование ГСВГ было согласно пойти лишь на самые незначительные изменения прежнего положения.

Когда в середине пятидесятых годов обозначились некоторые признаки разрядки в Холодной войне, советское руководство летом 1955 года решило сократить свою армию на 340 тысяч человек. Это сокращение коснулось и ГСВГ. В течение года из ГДР в СССР были выведены и расформированы штабы и управления четырех все еще существовавших доселе в ГДР стрелковых корпусов из состава 3-й Ударной и 8-й Гвардейской армий. Затем были выведены два полка тяжелых самоходных артиллерийских установок и другие части. До лета 1956 года ГДР покинули в общей сложности около 7500 человек. Но вывод этих частей никак не ослабил боевую мощь советских войск, размещенных в ГДР, о чем четко сказано в послании министра обороны СССР маршала Жукова ЦК КПСС: «Чтобы избежать ослабления артиллерии Группы войск на базе корпусной артиллерии и зенитно-артиллерийских частей четырех расформировываемых корпусов были созданы две дивизии армейской и одна дивизия зенитной артиллерии».

Весной 1956 года советское руководство провело следующее сокращение вооруженных сил. 17 марта 1956 года Совет министров СССР приказал уволить из армии еще 420 тысяч человек. Так как к этому моменту в армии было 120 тысяч вакантных должностей, реальное сокращение охватывало триста тысяч человек. Чтобы добиться этого, Никита Сергеевич Хрущев на заседании Политбюро 1 марта 1956 года предложил «вывести из Германии от четырех до пяти советских дивизий». Но так как это в глазах военных и сторонников жесткой линии в партии слишком ослабило бы боевую мощь ГСВГ, Президиум ЦК КПСС решил вывести из ГДР в Советский Союз только 26 тысяч солдат. Выведены были самоходный артиллерийский полк 3-й Ударной армии и 200-я штурмовая

авиадивизия из Бранденбурга и еще несколько частей ВВС.

В настоящее время нельзя сказать с уверенностью, не планировал ли Хрущев в дни Венгерского кризиса даже полностью вывести советские войска из ГДР. Его министр обороны маршал Жуков, во всяком случае, резко возражал против этой идеи и сумел убедить Хрущева в том, что положение ГСВГ нельзя сравнивать с положением советских войск в Венгрии, Румынии или Польше. Это подтвердило и особую роль советских войск в Германии и роль ГДР как младшего партнера Советов. ГСВГ играла слишком важную роль в качестве основного советского бастиона на Западе, что подчеркивал и преемник Жукова на посту министра обороны СССР маршал Родион Яковлевич Малиновский, говоря о том, что она «оказывает влияние на наших противников». Она стала незаменимой составной частью военной политики СССР.

В то же время дальнейшая относительная разрядка международной обстановки, продлившаяся, впрочем, лишь до начала второго Берлинского кризиса, а также создание собственных восточногерманских вооруженных сил в виде Национальной народной армии ГДР позволили советскому руководству снова сократить свои войска в ГДР. Для обеспечения сокращения личного состава ГСВГ на 41700 человек, Генеральный штаб приказал вывести из ГДР до лета 1958 года две дивизии. Чтобы высвободить требующиеся для сокращения войск кадры, кроме того, семь зенитно-артиллерийских дивизий и две артиллерийские дивизии, непосредственно подчинявшиеся главнокомандованию ГСВГ, были преобразованы в бригады.

Сокращение войск повлекло за собой различные изменения организационной структуры, направленные на то чтобы при уменьшении численности личного состава избежать ослабления боевой мощи войск. С одной стороны в конце 1957 года была введена новая структура в сухопутных войсках. Все прежние стрелковые и механизированные дивизии ГСВГ были преобразованы в мотострелковые дивизии. Эти соединения значительно превосходили своих предшественников в гибкости и маневренности, что было существенно для новой военной стратегии СССР, готовившегося к ведению атомной войны. Изменилась и структура прежних механизированных объединений. 1- и 2-я гвардейские механизированные армии превратились в 1-ю и 2-ю танковые армии, 3-я и 4-я Гвардейские механизированные армии — в 18-ю и 20-ю общевойсковые армии. Эти оба объединения по-прежнему фактически оставались танковыми армиями, но в целях сохранения тайны и дезинформации противника, а также, чтобы лишний раз не пугать Запад, они получили

более безобидно звучащее наименование «общевойсковая армия».

Танковые армии всегда считались основной ударной силой советских вооруженных сил. В рассматриваемое нами время они состояли из трех танковых и одной мотострелковой дивизий. Согласно взглядам советского генералитета танковые армии обладали большой ударной мощностью, высокой маневренностью и способны были действовать в условиях применения ядерного оружия. После первых ядерных ударов по противнику они должны были мощными клиньями прорваться в оперативную глубину вражеских войск, прорвать его фронт и лишить НАТО возможности оперативного сопротивления. Со средним темпом наступления в 100 км в сутки танковые армии ГСВГ должны были наносить глубокие и мощные удары по оборонительной системе НАТО. Их целью было как можно быстрее достичь побережья Атлантики, чтобы не дать возможности американцам перебросить подкрепления в Европу. Если танковым армиям предстояло действовать на всю оперативную глубину, то общевойсковым армиям, по взглядам советских генералов, намечались цели на глубину до 400 км. Но и у них суточный темп наступления составлял бы не менее 100 км. Общевойсковые армии состояли из трех мотострелковых и одной танковой дивизий. Этих сил было достаточно для самостоятельного уничтожения больших концентраций войск противника и, по словам маршала Малиновского, «сметать все со своего пути, что мешает их продвижению вперед».

В соответствии с этой стратегией советское военное руководство укрепляло наступательный потенциал размещавшихся в ГДР советских войск. Помимо изменения организационной структуры двенадцати мотострелковых дивизий две механизированные дивизии были переформированы в танковые. Для этого была использована большая часть техники, оставшейся от выведенных в 1956 году в СССР частей и соединений. Так как эти новосозданные танковые дивизии входили в состав 3-й Ударной и 8-1 Гвардейской армии, эти объединения смогли быть переформированы в общевойсковые армии и тоже вполне «вписались» в советскую военную доктрину. В то же время в каждую из двух размещенных в ГДР советских танковых армий входило по одной так называемой тяжелой танковой дивизии. Их задачей был прорыв фронтальной обороны НАТО между Эльбой и Рейном в самых основных точках, открывая возможности дальнейшего развития прорыва для других дивизий. Для этих целей новый тип дивизии включал в себя до трех тяжелых танковых полков, вооруженных тяжелыми танками ИС-3, ИС-4 и Т-10. Толщина брони этих танков достигала 200 мм, основным

вооружением была мощная 122-мм пушка. Из-за этого советские военные считали, что эти танки значительно превосходили танки западных стран того времени. Кроме того, советское военное руководство времен министра обороны маршала Жукова полностью полагалось на опробованный в годы Второй мировой войны метод массированной концентрации войск и техники на главных направлениях, с созданием такого превосходства в силах, которое сломало бы сопротивление любого противника. Нужно заметить, что такую концепцию в те годы вряд ли можно было назвать передовой, поскольку ядерное оружие за короткое время могло смести с лица земли целые дивизии.

С середины 50-х годов советское военное руководство приступило к новой модернизации вооружения и боевой техники своих войск в ГДР. Танки времен войны Т-34 были заменены современными образцами Т-54 и Т-55. Новые колесные бронетранспортеры БТР-40 и БТР-152 и гусеничные бронетранспортеры БТР-50 с самого своего появления стали стандартным типом вооружения в мотострелковых частях. Модернизировалась и авиация. Она получала всепогодные перехватчики Як-25 и МиГ-19, а также реактивные бомбардировщики Ил-28. Ил-28 могли нести тактические атомные бомбы. Таким образом, ГСВГ впервые получила в свое распоряжение ядерное оружие. Одновременно 24-я воздушная армия получила вертолеты Ми-1 и Ми-4. Новые средства связи улучшали управление войсками, артиллерийские части и части ПВО получали новые орудия, с большей точностью и дальностью стрельбы. На вооружение поступали новые минометы и реактивные системы залпового огня. Обновлялся автомобильный парк, что улучшало тыловое снабжение.

Эти изменения структуры и модернизации с конца войны до начала семидесятых годов — времени, с которого соответствующие досье с отчетами о ситуации, сделанные БНД, доступны в Федеральном архиве в Кобленце — значительно изменили облик и задачи советских войск в СОЗ/ГДР. Из в некоторой степени недостаточно хорошо вооруженных и малоподвижных оккупационных войск они превратились в мощную, высококомобильную, явно нацеленную на наступление группировку, занимавшую ключевое положение в системе защиты советских интересов в сфере безопасности и в военной сфере в Западной Европе. ГСВГ должна была не только, как прежняя ГСОВГ, защищать советские интересы в ГДР и коммунистическое правление СЕПГ в Восточной Германии. Одновременно она стала мощным инструментом давления на НАТО, прежде всего, на ФРГ. Военная разведка американской армии в Европе в конце 1959 года так описывала военный потенциал ГСВГ:

«Кульминация недавней реорганизации в ГСВГ привела к значительному росту ее наступательного потенциала, поскольку Советы, осуществив «моторизацию» своих стрелковых дивизий, располагают теперь мощными мобильными бронированными силами для эффективного использования в условиях современной войны. Армейское и дивизионное звено были подвергнуты структурным изменениям, выразившихся в стандартизации подразделений, механизации и модернизации их вооружения и техники. В результате этих перемен ГСВГ из отсталой, плохо обеспеченной транспортом группировки превратилась в мобильную, обильно насыщенную бронетехникой силу, в которой все элементы — пехота — танки — артиллерия способны к быстрому передвижению и согласованному четкому взаимодействию».

В глазах военного руководства в Москве ГСВГ была самой мощной группировкой, которая служила «бронированным кулаком» советской армии на одном из самых важных стратегических направлений, или, как выразился министр обороны маршал Малиновский в 1961 году на партийной конференции ГСВГ, сравнивая Группу со стрелой: «Если возникновение угрозы войны заставит метнуть стрелу, то остановить ее сможет только пролив Ла-Манш, и то на время».

Потому необходимость для западных разведок, и, прежде всего, БНД, внимательно следить за этой огромной военной машиной, разместившейся на границе двух противостоящих друг другу военно-политических блоков, была очевидна.

3. Объем, методы и ограничения военного шпионажа БНД

а) Организация Гелена и восстание 17 июня 1953 года в Берлине

Постоянное наблюдение за мощной и готовой к наступлению Группой советских войск в Германии было в жизненных интересах западного союза. Если западные союзники шпионили за советскими гарнизонами с воздуха, используя для этого полеты своих самолетов тремя воздушными коридорами, а с августа 1960 года к этому добавилось и наблюдение со спутников, то Организация Гелена (с 1956 года — уже Федеральная разведывательная служба) не располагала подобными средствами оптической разведки. Вместо этого немецкая внешняя разведка полагалась на радиоперехват и, самое главное, на своих агентов, количество которых, как минимум до 1961 года, было почти безграничным. После того, как агентурная разведка Пуллаха в полной мере оправдала свое существование во время первого Берлинского кризиса 1948/1949 годов, в начале лета 1953 года аппарату Гелена пришлось выдержать второй экзамен на эффективность. Во время подавления советскими оккупационными войсками народного восстания 17 июня 1953 года содержащиеся в донесениях агентов Гелена факты оказались даже единственной основой для обобщающих отчетов.

Первое боевое использование Группы советских войск в Германии произошло не против воображаемого внешнего врага, а как раз против тех рабочих и крестьян, для защиты которых официально и были размещены советские войска в ГДР. В середине июня 1953 года широкие массы восточногерманского населения спонтанно выступили против диктатуры СЕПГ. Она смогла спасти свою власть только потому, что Москва решительно и беспощадно использовала свои оккупационные войска, как только стало видно, что военный и полицейский аппарат, а также органы госбезопасности ГДР совершенно не могут справиться с народным возмущением, и крах режима Ульбрихта был уже близок. Уполномоченный МГБ СССР в Германии Иван Фадейкин сообщал 17 июня 1953 года Лаврентию Берия: «Верховным комиссаром тов. Семеновым с согласия тов. Гротевоя, Ульбрихта и других членов Политбюро ЦК СЕПГ было принято

решение передать власть командованию советских вооруженных сил».

Советские войска подавили восстание, прежде всего массовым запугиванием. С утра 17 июня 1953 года все 22 дивизии ГСОВГ по приказу командующего генерала (в будущем маршала) Андрея Антоновича Гречко и в соответствии с заранее разработанным на такой случай планом были использованы для борьбы с восстанием. В ГДР в то время было 217 городских и сельских районов. В 167 из них советские военные коменданты ввели чрезвычайное положение. Только в Берлин 2-я Гвардейская механизированная армия ввела свои 1-ю и 14-ю механизированную и 12-ю танковую дивизии, насчитывавшие в общей сложности свыше 600 танков. Если использование войск в Восточном Берлине и предусмотренное планом блокирование его от западной части города прошло без особых трудностей, то в других местах ГДР войска действовали не с такой легкостью. Из-за того, что ГСОВГ до 1953 года перевела значительную часть гарнизонов из городов и больших деревень в военные городки в сельской местности, а также, потому что многочисленные воинские контингенты находились на летних учениях, ей потребовалось значительно больше времени (до позднего вечера 17 июня), пока советские войска смогли провести мероприятия по запугиванию восточногерманского населения во всей своей мощи. Если тактика угроз не срабатывала, то солдатам порой приходилось использовать против демонстрантов ручное огнестрельное оружие и танки. Организация Гелена так обобщила полученные ею от агентов сведения:

«Операция представляла собой зачистку главных улиц с использованием двигавшихся клином танковых подразделений, за которыми следовала мотопехота, оттеснявшая население в боковые переулки. Важные строения и перекрестки дорог охранялись как танками, так и установленными на позициях 76-мм полевыми пушками и 57-мм противотанковыми пушками. Вблизи всех мест расквартирования советских войск были дополнительно установлены 12,7-мм зенитные пулеметы. Кормовые вентиляционные люки танков часто были прикрыты брезентом, вероятно, для защиты от возможного использования зажигательных средств или горящих обломков. По наблюдениям в районе Потсдама все советские семьи после сигнала тревоги были собраны в казармы — иногда слишком быстро. В общем и целом советские части произвели впечатление дисциплинированных и хорошо обученных войск».

По данным советских спецслужб, в Магдебурге советскими войсками пришлось вести перестрелку с восставшими, в которой было убито или ранено свыше 50 человек. В Лейпциге в ходе разгона демонстраций в руки советских военнослужащих попали «шесть активных зачинщиков», которые были расстреляны на месте. Всего по советским данным в ходе июньского восстания были убиты 29 демонстрантов, казнены шесть вышеупомянутых «зачинщиков», еще 35 человек были ранены. Потери органов безопасности ГДР составляли 11 погибших и 83 раненых. По самым последним немецким данным точно подтвержден факт смерти 55 человек, из них 34 демонстранта, прохожих и «зеваки», а также 5 сотрудников аппарата госбезопасности ГДР.

Для «Орг» и ее агентов в ГДР 17 июня 1953 года стало экзаменом, который, как и все прочие кризисы, выявил сильные и слабые стороны Службы. Прежде всего, можно с уверенностью заявить, что службе Гелена заранее было известно о том, что социально-экономическая ситуация в ГДР постоянно обостряется. Уже в середине 1952 года топ-источник V-3000, один из 15 человек, разрабатывавших народнохозяйственный план на 1953 год, сообщил в Пуллах, «что этот план приведет к огромным трудностям и является совершенно невыполнимым». В середине апреля 1953 года пришли первые сообщения о забастовках в районе Мансфельда и в Хеннигсдорфе. Эти сведения передал один местный наблюдатель за тамошними военными объектами, у которого, судя по всему, было политическое чутье. А 10 июня 1953 года Гелен упустил большую удачу. За два дня до того новый субагент — источник под номером V-8126,11 — по всей вероятности чиновник в министерстве металлургии и горнорудной промышленности — сообщил своему «куратору»-агентуристу: «8 июня Политбюро СЕПГ приняло решение сократить строительство и развитие предприятий металлургии и тяжелого машиностроения. Вместо этого увеличить производство товаров народного потребления. Цель этого — максимально быстрое улучшение уровня жизни в СОЗ. План на 1953–1955 годы должен быть изменен и представлен Политбюро до 10 июня».

Хотя ответственный за сбор сведений об экономике сотрудник генерального представительства БНД в Дармштадте (GV-H), которое вело агента, случайно пребывавшего в Берлине, настаивал на том, чтобы передать это важное сообщение в Центр не курьером, а немедленно по радио, эта информация застряла там в инстанциях. Отдел экономического анализа в Висбадене посчитал сообщение важным, но не стал передать его дальше, так как источник был новый. Он еще не получил оценки и его информация еще не была подтверждена. Вследствие этой задержки Бонну

пришлось узнать о «новом курсе» из газет.

Но в любом случае Пуллах и на основе данных из других источников быстро понял, что для разведывательных операций в ГДР появляются совсем новые возможности. Ведь все возрастающая беспомощность руководства СЕПГ открывала, как отмечала «Орг» в своем внутреннем анализе, «идеальные возможности для задействования собственного разведывательного аппарата». Тем не менее, сначала Организация Гелена действовала по привычке, из-за чего последующие события в Берлине и в ГДР оказались для Службы сюрпризом.

16 июня около 8 часов вечера, уже после того, как Баварское радио передало в выпуске новостей соответствующую информацию, в Пуллах поступили первые донесения о демонстрациях в Восточном Берлине. Но так как за четыре часа до того последние радиogramмы этого дня не содержали ничего подобного, а рабочий день закончился, то на службе большинства работников уже не было, и необходимые решения были перенесены на следующий день. Из-за этого разведчикам на местах пришлось полагаться на собственные силы. Лишь во второй половине дня 17 июня «Орг» постепенно «разогрелась». Но, несмотря на все усилия, сообщения из ГДР были редки и малосодержательны. Главной причиной этого было, скорее всего, блокирование Восточного Берлина, отрезанного советскими войсками от западной части города. Из-за этого 18 июня американцы жаловались на Организацию Гелена: «Где были ваши сообщения? Мы ведь инвестировали так много денег». После этого Гелен 19 июня в полдень принял решение активировать агентурную радиосеть, задуманную на случай войны, в которую входили тогда 23 источника, проходящие в досье Службы как „Afu´s“ (агенты-радисты).

Только почти через неделю Служба получила первые письменные донесения от источников. В аналитическом отделе был создан специальный рабочий штаб «Восстание». В основном его стоит благодарить за то, что до своего отпуска 5 июля 1953 года ему удалось составить мозаику из отдельных агентурных сообщений и тем самым выработать задним числом «выводы и оценки возможных намерений».

То, что на первый взгляд кажется разочаровывающим, выглядит иначе при детальном рассмотрении. 17 июня было с самого начала спонтанным событием, оказавшимся неожиданностью также и для вождей СЕПГ и для Москвы. Шансы любой секретной службы заранее предсказать стихийные демонстрации равнялись нулю. Тем не менее, Пуллаху удалось с 17 июня по 5 июля 1953 года мобилизовать для сбора информации не менее 548 источников в ГДР, составивших в общей сложности 1288 донесений. За тот

же период времени Служба Гелена для быстрой передачи важных сообщений около 100 часов осуществляла радиосвязь между Западным Берлином и ФРГ. В ГДР 17 агентов-радиостов отослали в свои центры 41 радиограмму и получили от них 23 радиограммы с новыми инструкциями. Только аналитики, занимавшиеся сухопутными войсками, обработали 320 полученных из ГДР агентурных сообщений.

Этот широкий информационный поток виден при рассмотрении данных, содержащихся в картотеке наблюдений за местами дислокации войск на 17 июня 1953 года. Конечно, одновременно следует сделать и вывод, что в архивах БНД должны храниться и большие обобщающие отчеты о событиях в ГДР, которые картотека наблюдений передает лишь в маленьких отрывках. Только доклад В-17598 содержит информацию от трех агентов, сообщавших из Альтенбурга, Эрфурта, Йены, Веймара и Нойруппина. Другие донесения сообщали обычно сведения лишь о каком-то одном определенном гарнизоне. К примеру, агент V-3456 информировал: «16.6.53 в Гёрлице штурмовали тюрьму, финансовое управление и районный комитет СЕПГ. Субагент сообщал, что 17 и 18 июня около 100 танков проследовали через Мускау в направлении Ниски и Гёрлица со стороны Котбуса». Так как в карточках наблюдений содержатся почти исключительно важные с военной точки зрения сведения, например, донесения об использовании воинских частей, перемещениях войск, направлении подкреплений и т. д., то действия советских войск при подавлении восстания задокументированы тут очень точно и подробно. Так как к приоритетным заданиям информаторов Организации Гелена относилась, среди прочего, идентификация использованных воинских частей, иногда им удавалось распознать участвовавшие в подавлении народных выступлений войска вплоть до батальонного звена и узнать их номера:

«24 и 26 июня 1953 года в Старом лагере было только около 700 человек с нарукавными знаками различия танковых войск и артиллерии, а также со знаками с перекрещенными балками и с похожими на лопатки треугольниками на обоих нижних концах. До 23 июня солдаты носили каски, с 24 июня — уже нет. 26 июня 20 замаскированных минометов (калибром 12 см), на прицепе к грузовикам, находились между зданиями 7, 36 и 84. 24 июня между двумя зданиями 2 ракетные установки М-13 под тентом. Номера автомобилей: 1-я мех. див., 1382-й зенитно-арт., 294-й гаубичный полк, 41-й дивизион реактивной арт.».

В общей сложности объем собранных агентами сведений, документирующих использование советских войск для подавления народных выступлений 17 июня 1953 года, поражает. «Орг» надеялась использованием многочисленных наблюдателей на местах восполнить нехватку топ-агентов на высоких должностях в ГДР или прерванную связь с ними. По внутриведомственной оценке в Организации Гелена, агента в политической области в определенной мере заменяла «центральная картина из камешков информационной мозаики, собранных разведчиками во всех сферах». Это удавалось лишь с некоторой задержкой, объяснимой в первую очередь трудностями со связью — первые сообщения с агентурных встреч и от курьеров из ГДР о событиях 17 июня достигли Центра лишь 21 июня. Письма с тайнописью пришли еще днем позже — большей частью. Потому было признано необходимым, особенно в связи с возможностью блокирования Западного Берлина, в те годы главного узла агентурной связи и основной базы для ведения любой разведывательной работы против ГДР и размещенных там советских войск, обязательно создать независимую надежную сеть агентов-радиостов. Каждый важный источник в министерствах и в дирекциях государственной железной дороги потому должен был быть связан с такой агентурной радиосетью. Но эта система связи была чрезвычайно опасной, что показывает пример двух агентов, которые во время восстания работали на американскую разведку в ГДР и были задержаны советской военной контрразведкой при передаче ими шпионских донесений.

17 июня преподало много важных уроков на будущее. Впоследствии Организация Гелена и ее правопреемница БНД, начиная с 1953 года, тщательно готовилась к угрозе, которая становилась все более явной — невозможности в будущем для агента встречаться со своим оперативным офицером в Западном Берлине, что было тогда самым важным видом агентурной связи.

Одновременно перед Службой встала проблема, связанная с тем, что она слишком сильно сконцентрировалась на добыче военных сведений и пренебрегала сбором информации в политической области.

«Только важный политический источник может принести пользу в такой ситуации, так как «обычный потребитель» (обыватель), каковыми являются большинство наших топ-агентов за пределами сфер их специализации, не может собирать сведения и оценивать их, так как при процессах, вроде нынешних, он не может заглянуть за кулисы. Политический

высокопоставленный источник уже потому необходим, что анонимное пребывание западноберлинских оперативных офицеров-групповодов и сложности с курьерской связью делают весьма сложным сосредоточение всех сил в момент слишком быстрого развития событий. Как только, создавая из отдельных камешков мозаику, мы успеваем собрать полную картину, как она уже потеряла всякую актуальность».

В общем и целом западногерманская разведка по горячим следам вынуждена была признать, что хорошо скоординированное и очевидно проходящее по заранее разработанному плану использование советских войск не оставляло движению протеста 17 июня 1953 года никаких шансов перерасти из массовых выражений недовольства в настоящее политическое восстание.

б) Цели разведывательных действий Пуллаха

Благодаря помощи многочисленных агентов Организация Гелена была способна следить за местами дислокации войск ГСОВГ и ГСВГ на всей территории ГДР. Начиная с 1951 года эти ее действия легко и подробно можно проследить, воспользовавшись картотекой наблюдений за местами дислокаций. Несмотря на потери и неудачи, особенно в середине пятидесятых годов, Службе вплоть до возведения Берлинской стены с достаточным успехом удавалось действовать от Ростока до Зуля и от Мюльхаузена до Франкфурта-на-Одере. Из американских документов известно, что в середине пятидесятых годов Пуллах располагал за Железным занавесом и в самом Советском Союзе более чем четырьмя тысячами агентов. В центре разведывательных интересов западногерманской спецслужбы, прежде всего, находились места дислокации войсковых контингентов, начиная с полкового звена и выше. Столь же важным было наблюдение за путями сообщения, в пятидесятых годах особенно за железной дорогой — «безошибочным барометром передвижений советских войск» и за военными транспортом как индикаторами возможного нападения войск ГСОВГ и ГСВГ. Рекогносцировка таких объектов инфраструктуры позволяла наблюдателям и аналитикам с военным опытом своевременно распознать переход от мирного к военному боевому расписанию войск противника. Наконец, Пуллах собирал все документы, которые только мог заполучить, содержащие данные о боевом потенциале Восточного блока:

«официальное иди полуофициальное получение опубликованных материалов о психологических аспектах армий Варшавского договора, особенно ННА и ГСВГ, уставов, инструкций, справочников различных родов войск и командных уровней, публикаций и материалов об ядерном, биологическом и химическом оружии».

Слежка за Главкомандованием ГСОВГ и ГСВГ в Вюнсдорфе и за штабами шести входивших в нее армий оказалось очень сложной из-за контрразведывательных мероприятий советских и восточногерманских секретных служб. Тем не менее, во время строительства Берлинской стены агентам БНД удалось получить важные сведения из штаба Группы в Вюнсдорфе:

«15.8.61. По приказу маршала (Ивана Степановича) Конева подготовлены следующие мероприятия: 1. Усиление советских войск путем переброски 8 дивизий из Белоруссии и Украины. 2. Создание мобильного боевого соединения из частей ННА общей численностью 50 тысяч человек. 3. Подготовка вооружения к зимней кампании во всех советских гарнизонах в СОЗ».

Но те девять картотек, которые содержат карточки о наблюдении за Вюнсдорфом, свидетельствуют, что постоянное и глубокое агентурное наблюдение за этим важным объектом все же не удалось. как видно из нижеприведенной таблицы, то же самое можно сказать и о штабах всех армий ГСВГ в ГДР, за исключением штаба в Эберсвальде.

Наблюдение БНД за штабами армий ГСВГ в 1951–1975 годах

Номер объекта	Место дислокации	Объект	Армия	Количество карточек	Период времени
1306	Дрезден	Гренадерская казарма	1-я Гвардейская танковая армия	8	1951–1962
2086	Фюрстенберг	Закрытая зона Рёблин-Зее	2-я Гвардейская танковая армия	8	1951–1964
5281	Мадебург	Казарма Энке	3-я Ударная армия	14	1951–1975
3207	Ютербог	Форст Цинна	3-я Гвардейская танковая армия/18-я армия	15	1952–1972
4342	Эберсвальде	Стрелковая казарма	4-я Гвардейская танковая армия/20-я армия	27	1951–1972
8401	Нора	Флигерхорст	8-я Гвардейская армия	12	1951–1965

Уже спустя короткое время после постройки Берлинской стены пришлось отказаться от наблюдения за половиной армейских штабов. Причиной был сравнительно небольшой размер командно-штабных структур главнокомандования Группы и штабов армий, что позволяло органам военной контрразведки КГБ и контрразведчикам МГБ сравнительно легко обеспечивать их защиту. Кроме того, весь немецкий персонал, занятый на какой-либо работе в таких штабах, подвергался особенно строгим проверкам.

Но дивизионные штабы ГСВГ нельзя было так эффективно защитить от наблюдений со стороны вражеских разведчиков. Для этого у советской военной контрразведки и у органов МГБ, которым, к тому же, приходилось постоянно следить за разъезжавшими по всей ГДР сотрудниками военных миссий связи западных держав, просто не хватало сил.

Наблюдение БНД за штабами дивизий ГСВГ в 1951–1976 годах

Номер объекта	Место дислокации	Объект	Дивизия	Количество карточек	Период времени
8421	Ордруф	Армейский лагерь	39-я гв.мсд	5	1951–1971
2226	Нойштрелиц	Закрытая зона Глэмбеккер Зее	9-я гв.тд	5	1951–1967
1303	Дрезден	Напола	11-я гв.тд	7	1951–1970
3083	Котбус	Казарма Герман Лёнс	9-я мд/82-я мсд (выведена 1958)	7	1951–1959
5181	Хиллерслебен	Казарма Вестаусанг	19-я гв. мд/26-я гв.тд/47-я гв.тд	8	1951–1975
3581	Виттенберг	Казарма Тауэнцин	6-я гв.тд	10	1951–1973
5583	Штендаль	Казарма Альбрехт дер Бэр	207-я мсд	10	1951–1969
2202	Нойруппин	Гарнизонный лазарет	12-я гв.тд	10	1951–1970
8383	Наумбург	Казарма Гинденбург	57-я гв.мсд	13	1951–1965
2289	Потсдам	Казарма Делиус	34-я артд	19	1951–1970
1801	Риза	Казарма Мудра	9-я тд	21	1951–1968
1401	Гримма	Нагема	8-я гв.мсд	21	1952–1967
5342	Перлеберг	Аэродром	18-я мсд	22	1951–1971
5544	Шверин	Казарма Фритч	94-я мсд	26	1952–1972
2234	Нойштрелиц	Закрытая зона Герхард-Гауптман-штрассе	9-я гв.тд	26	1951–1973
4502	Фюрстенвальде	Казарма инженерных войск	7-я мд/11-я мсд (выведена 1958)	26	1951–1964
4823	Темплин	Казарма Фогельзанг	25-я тд	37	1951–1970
8201	Галле	Казарма войск связи ВВС	21-я гв.мсд	341	1951–1972
3401	Дессау	Казарма Росслау	7-я гв.тд	42	1951–1971
8221	Йена	Казарма Цвэтцен	20-я гв.мсд	53	1951–1975
2061	Дёбериц	Старый лагерь	1-я мсд	61	1951–1976
4241	Бернау	Казарма войск связи ВВС	6-я гв.мсд	100	1951–1973
2161	Крампиц	Кавалерийс-кая школа	10-я тд	103	1951–1974

(Пояснения. БНД часто называло объекты их старыми названиями, принятыми в Вермахте, или по именам расквартированных там прежде частей Вермахта. Сокращения: гв. — гвардейская, мсд — мотострелковая дивизия, мд — механизированная дивизия, тд — танковая дивизия, артд — артиллерийская дивизия.)

Как следует из таблицы, возведение Стены уменьшило общую

«добычу» наблюдателей за гарнизонами, но действительно сильный ущерб оно причинило наблюдению лишь за 57-й гвардейской мотострелковой дивизией (штаб в Наумбурге). Наблюдение за ней было совсем прекращено в 1965 году. О 16 из 21 оставшихся дивизий информационный поток, хотя и уменьшился, но продолжал надежно поступать вплоть до начала 70-х годов.

Военный шпионаж БНД не упускал из виду и размещенные в ГДР бригады сухопутных войск ГСВГ. В основном это были артиллерийские и инженерные бригады. Всего было 21 место дислокации штабов бригад, и на 15 из них было заведено по десять и больше карточек, что свидетельствует о постоянстве наблюдения, на 7 штабов было заведено больше чем по 20 карточек, что означало интенсивность шпионажа. Из шести оставшихся гарнизонов четыре были распущены в ходе сокращения войск в пятидесятых годах, а сами объекты частично передавались ГДР.

Наблюдение БНД за штабами бригад ГСВГ в 1951–1976 годах

Номер объекта	Место дислокации	Объект	Бригада	Количество карточек	Период времени
5001	Альтенграбов	Северный лагерь/южная часть	3-я гв. ИПТбр/3-я Ударная армия	1	1951–1952
5001	Альтенграбов	Северный лагерь	44-я пушечная артбр/3-я Ударная армия	2	1951–1954
2141	Гросс-Глиннике	Казарма танкистов	133-я отдельная инжбр	4	1951–1963
5482	Росток	Казарма Путлиц	5-я ИПТбр	5	1951–1958
8443	Плауэн	Казарма Кёниг Георг	87-я пушечная артбр (в 1955 вернулась в СССР, городок передан ННА)	5	1951–1960
2341	Прора	Казарма	13-я ИПТбр (выведена 1956)	6	1952–1956
3381	Куммерсдорф	Казарма железнодорожных инженеров	199-я артбр/3-я Гвардейская армия	11	1951–1955
8321	Мерзебург	Казарма зенитной артиллерии	76-я артбр	12	1951–1970
3441	Куммерсдорф	Казарма Шумке-Зее	19-я инжбр	13	1951–1955
4762	Рюдерсдорф	Казарма	Ракетная бр	13	1951–1970
2292	Потсдам	Казарма Людендорф	148-я артбр	14	1951–1969

3561	Вердер	Аэродром	304-я артбр	16	1956–1974
8002	Альтенбург	Казарма пехотинцев	38-я ИПТбр/8-я Гвардейская армия	16	1951–1970
8001	Альтенбург	Казарма артиллеристов	43-я артбр/8-я Гвардейская армия	19	1951–1974
5286	Мадебург	Казарма связистов	7-я понтонно- мостовая бр (позднее 36-й понтонный полк)	21	1951–1975
5287	Мадебург	Казарма Сект	7-я понтонно- мостовая бр (позднее 36-й понтонный полк)	27	1951–1974
5443	Ратенов	Лесная казарма 1	10-я пушечная артбр	37	1951–1973
2002	Бранденбург	Казарма зенитной артиллерии	3я гв. ИПТбр	38	1951–1971
5442	Ратенов	Лесная казарма 2 Казарма саперов	18-я гаубичная артбр	40	1951–1976
2001	Бранденбург	Казарма генерального фельдцейхмейстера	18-я гаубичная артбр	50	1951–1972
4244	Бернау	Склад военного обмундирования	71-я артбр/20-я Гвардейская армия	89	1951–1972

(артбр — артиллерийская бригада, ИПТбр — истребительно-противотанковая артиллерийская бригада)

Но самым важным для военной разведки БНД было слежение за местами дислокации полков ГСВГ. В общей сложности агенты вели наблюдение за 162 гарнизонами сухопутных войск, в которых размещались 215 советских танковых, мотострелковых, артиллерийских, инженерных частей, частей войск связи и ПВО сухопутных войск. Лишь на 20 таких гарнизонах заведено меньше шести карточек, причем из четырех военных городков русские ушли до 1958 года. На 62 гарнизона военные аналитики БНД завели по 20 карточек и больше, за 18 гарнизонами следили еще тщательнее — по 40 карточек и больше. «Чемпионами» можно признать размещенные в бывшей кавалерийской школе в Крампнице 219-й зенитно-артиллерийский и 29-й мотострелковый полки, на которые в 1951–1974 было заведено в общей сложности 102 карточки т. н. общих наблюдений.

Такое интенсивное наблюдение за «скелетом» войсковой структуры ГСВГ позволяло Федеральной разведывательной службе создать целостную и подробную картину численности, дислокации, вооружения и состояния советских войск в ГДР. Изменения в субординации, поступление нового оружия и техники, а также реструктуризация быстро и точно подмечались многочисленными агентами и сведения об этом передавались

в соответствующие аналитические отделы. Из этого потока информации Пуллах извлекал нужные сведения для составления квалифицированных и содержательных докладов для боннских политиков. Содержащимся в них знаниям обладали далеко не все даже высокопоставленные советские офицеры. Это доказывают отчеты о военной ситуации в форме окончательных разведывательных данных (finished intelligence) БНД. Например, аналитики Службы в 1960 году отметили уже упоминавшееся выше создание двух тяжелых танковых дивизий в ГСВГ, а также ускоренное вооружение Группы оперативными и тактическими ядерными ракетами. Интенсивность летной подготовки и даже время, выделяемое на полеты — 120 летных часов на каждого летчика в год не прошли мимо внимания пуллахских аналитиков. Годовой отчет о военной ситуации за 1962 год, в подробностях и на высоком разведывательном уровне описывающий вооруженные силы, доказывает, что постройка Берлинской стены не перекрыла этот информационный поток.

Но наблюдение за местами дислокации было важным не только для составления такого рода отчетов. В моменты кризисов они поставляли также информацию о передвижениях войск новом вооружении или о крупномасштабных маневрах, которые становились теми самыми камешками в мозаике актуальных отчетов о ситуации, которые дополнялись сведениями из других источников и превращались в важные недельные или месячные отчеты. Как минимум, однажды наблюдателям за местами дислокации удалось добиться впечатляющего успеха. В 1958–1959 годах они собрали полную информацию о первом в истории размещении вне территории СССР советских ракет средней дальности типа SS-3 „Shyster“ (P-5M). Аналитики в Пуллахе оценили эту информацию как настолько важную, что в апреле 1959 года БНД передала ее американским секретным службам.

Когда на смену кульминации кризиса приходил его спад, наблюдатели БНД сообщали в Центр и о признаках разрядки. Примером может служить следующее агентурное донесение, датированное концом ноября 1962 года, лишь через несколько часов после того, как Москва отменила состояние полной боевой готовности для своих войск, вызванное Карибским кризисом: «22.11.62, 17.30–17.55, отдельно или маленькими группами выходящие с объекта солдаты и офицеры, производят впечатление довольных людей, видимо, это первые их увольнительные с начала Карибского кризиса».

в) В рутинной круговерти — наблюдатели на местах

В пятидесятых годах Организация Гелена и Федеральная разведывательная службы добились ряда успехов в вербовке граждан ГДР, которые потом вызвали общественный резонанс. При этом лишь в очень редких случаях речь шла о высокопоставленных функционерах. Особенно известным был случай Германа Кастнера (1886–1957), бывшего недолгое время сопредседателем Либерально-демократической партии Германии и заместителем премьер-министра Отто Гротевояля. Кастнер, проходивший в Организации Гелена под агентурным псевдонимом «Хельвиг», уже с 1948 года шпионил на ЦРУ, а с начала 50-х — также и на Пуллах, причем до сих пор нельзя сказать с уверенностью, не служил ли он при этом еще и Советам. Старшая секретарша Гротевояля Хелене «Элли» Барчатис (1912–1955) тоже была завербована Организацией Гелена не позднее 1952 года и до своего ареста и казни в 1955 году выполняла задания Пуллаха. Кстати, в отличие от Кастнера, ее вполне можно назвать типичным примером агента БНД. Она занимала такое положение в центре, которое позволяло ей узнавать многое из-за кулис восточногерманской политики, но не обладала никакой самостоятельной политической значимостью, и, как обычная служащая, не игравшая важной роли и не привлекавшая к себе большого внимания в государственной администрации. Точно по такой же схеме и ЦРУ с 1955 по 1966 годы курировало небольшую агентурную группу из двух женщин, работавших в качестве технического персонала в здании ЦК СЕПГ на площади Вердершер Маркт в Восточном Берлине. Положение Вальтера Грамша на различных руководящих должностях в транспортных учреждениях Восточного Берлина можно назвать средним между Кастнером и Барчатис. Грамш (1897-?) был, возможно, самым ценным источником в ранний период истории западногерманской разведки. Примерно такое же положение занимал и Гюнтер Кифер (1911–1966), начальник отдела в Центральном статистическом управлении при Совете министров ГДР. Он шпионил для БНД с начала пятидесятых годов до своего ареста в 1962 году.

Но заполучить подобных топ-агентов в военной области было намного труднее. Правда, нельзя сказать, что это было совсем невозможно, и это доказывает ЦРУ, внедрившее в 50-х годах женщину-агента в качестве экономки к руководителю военной разведки ННА. Кстати, ранее та же женщина служила у Евгения Петровича Питовранова, резидента МГБ/КГБ в Карлсхорсте, и, разумеется, шпионила за ним. Перебежчиков из ННА,

впрочем, всегда хватало, в том числе из самых секретных сфер, и они много рассказывали о внутренней жизни восточногерманских вооруженных сил. Дезертиры из ГСВГ тоже сообщали много интересного.

Но у наблюдения за военными объектами на местах была одна важная задача, которую не смогли бы самостоятельно решать отдельные топ-агенты. С одной стороны оно служило составлению полной картины общего стратегического положения. Но особенно в кризисные моменты Холодной войны главной целью слежения за военными объектами было раннее предупреждение о возможной угрозе военного нападения. Таким образом, наблюдение за военными объектами означало массивную разведку и массивный анализ в максимально быстром режиме времени, с быстрой передачей полученных сведений. Большое количество советских военных объектов в ГДР, столь же значительное количество восточногерманских гарнизонов и дополнительная необходимость ведения наблюдения за автомобильным и железнодорожным движением и за перемещениями войск означали необходимость задействования тысяч наблюдателей, которые вплоть до постройки Стены шпионили «извне» за казармами ГСОВГ и ГСВГ. Другим направлением разведывательной работы было приобретение внутренних агентов в советских казармах, причем БНД в первую очередь уделяла внимание вербовке не советских офицеров и солдат, а граждан ГДР. На долгое или на короткое время пребывавших на советских военных объектах: машинисток, телефонисток, переводчиков, ремесленников, кочегаров, уборщиц, работников прачечных, поставщиков топлива и провизии. Эта проблема сохраняла свою остроту для Второго главного отдела МГБ и после постройки Стены, так как именно восточногерманская сторона отвечала за контрразведывательное обеспечение инфраструктуры используемых русскими объектов. Пусть количество попыток вербовки уменьшилось ввиду ухудшения условий после закрытия границы, однако потенциальные кандидаты на вербовку из числа восточных немцев по-прежнему посещали казармы ГСВГ.

В 1960-х годах Федеральная разведывательная служба использовала для агентурной вербовки граждан ГДР в некотором смысле новую тактику. Вопреки распространенному среди широкой публики представлению, ни МГБ, ни БНД не делали свою ставку на шпионские сети, объединявшие большое количество агентов и курьеров, ибо такие разветвленные структуры не могли обеспечить нужной скрытности уже из-за большого числа связанных с ними людей. Вместо этого Пуллах попытался вербовать так называемые шпионские ячейки. С их помощью БНД хотела по принципу снежного кома заполучать новых информаторов, которые в

наилучшем случае были бы связаны друг с другом семейными узами. В таком случае гарантировалась скрытность, к тому же агенту легче было бы завербовать своего родственника, нежели человека со стороны. В идеальном варианте в такой семейной шпионской ячейке один из членов был западным немцем, который в ходе своих поездок на Восток регулярно собирал бы и доставлял информацию. Восточногерманская разведка тоже полагалась на «тандемы» из супружеских пар — в качестве как резидентов-«нелегалов», так и курьеров.

Очевидно, такой подход принес западногерманской спецслужбе некоторый успех. Ведь не зря масштаб всех попыток шпионажа в общей сложности был расценен органами контрразведки МГБ ГДР так высоко, что в начале 60-х годов там уже заговорили даже о «тотальном шпионаже». Из-за мощного военного потенциала ГСВГ (и постоянно возрастающей силы ННА) советские войска в Германии обоснованно рассматривались как ударный клин первого наступательного эшелона Варшавского договора, потому и следить за ними нужно было по возможности повсеместно, непрерывно и очень внимательно. Ежедневный сбор сведений о боевом порядке и боевом расписании войск, т. н. «order-of-battle-intelligence», для самих агентов-наблюдателей выглядел обычной рутинной, ничем не примечательной, которая, тем не менее, в случае их разоблачения грозила весьма строгими наказаниями. Единичный внешний источник или даже внутренний источник из числа восточногерманского технического персонала, наблюдая за своим крохотным кусочком всей гигантской военной машины Советов, только в редких случаях — например, в упомянутом случае с увольнительными для солдат в ноябре 1962 года — мог сообщить сенсационную информацию, имеющую большое самостоятельное значение. И только благодаря труду аналитиков БНД собранные множеством информаторов кусочки головоломки приводились в единую систему. Как писал в своих мемуарах Хайнц Фельфе: «Из многочисленных цветных камешков получалась красивая картина». Анализ результатов военной разведки от сырого донесения агента до окончательных выводов („finished intelligence“) всегда был тщательным, требующим большого внимания и скрупулезности делом, хотя, конечно, во много раз менее опасным, чем сама добыча информации. Подсчитывать танки, пушки и самолеты, идентифицировать погоны и нашивки военнослужащих, подглядывать за учениями и, основываясь на солидных военных знаниях, делать выводы о структуре, боеготовности и общем военном потенциале ГСОВГ и ГСВГ, равно как и других армий Варшавского договора — вот что было повседневным занятием военных

аналитиков.

Давайте рассмотрим примеры двух «мозаичных камешков» из 1950-х и 1960-х годов, чтобы узнать, что, как, и в каком объеме узнавали наблюдатели на местах для составления своих донесений. Для этого анализа выберем места дислокации Бернау и Веймар, бранденбургский и тюрингский окружные города, с населением в те годы примерно 13 тысяч и 65 тысяч человек соответственно. Бернау, городок в примерно двадцати километрах к северо-востоку от Берлина, из-за своей близости к этому центру шпионских операций обладал хорошими предпосылками для установления удобной связи агентов с действовавшими в Западном Берлине связниками и быстрой передачи собранных сведений. Веймар, с другой стороны, был очень интересен потому, что вблизи него размещался штаб и некоторые части 8-й Гвардейской армии, которая считалась самой мощной.

В Бернау Федеральная разведывательная службы помимо наблюдения за перемещениями войск и маневрами следила за 18 военными объектами: казармами, позициями зенитной артиллерии, военными городками и другими сооружениями. При рассмотрении разведывательных результатов общих наблюдений с 1951 по 1961 год получится следующая схема. Много и часто сообщалось о передвижениях войск. БНД обучала своих агентов с помощью наглядных таблиц, рисунков или образцов наносившихся на машины тактических знаков, чтобы те могли определять типы вооружения и боевой техники. Из таких сообщений аналитики БНД делали выводы о виде, размере, роде войск и пр. передвигающихся частей. Для получения сведений о военно-техническом прогрессе в войсках, аналитики интересовались также детальными описаниями образцов вооружения и техники:

«15.5.1957 года источник заметил на объекте у ангаров 4 и 16а и 16б 12 бронемашин нового типа, экипажи нескольких из них занимались их техническим обслуживанием. Описание: база как у Т-34 с 5 ребристыми катками. На базе бронированная надстройка в форме ящика, немного сужающегося кверху. В середине надстройки справа круглая башня, лишь немного выдающаяся вверх и в сторону».

Помимо казарм, следили и за другими военными сооружениями:

«На дороге в Лобеталь, севернее объекта, стоят 4 мачты из

проволочной сетки и 4 мачты из дерева, соединенные между собой (антенны). Кроме того, на одной из металлических мачт установлено два СВЧ-рефлектора.

На одной вилле в объекте Ладебург живет генерал, а в других домах офицеры его штаба».

Не только инфраструктура и материальная часть вызывали интерес, но и советские солдаты. Прежде всего, изменения в обычном внешнем виде войск. Идентификация советских офицеров по фамилиям тоже была важна. Наконец, интересовали и все события, и даже предположения, связанные с советскими военными. «14.5.53. По слухам склад военного обмундирования II уже в этом году должен снова расширяться для нужд оккупационной армии». «17.9.1954 один генерал посетил клубный зал (новостройка), бывшее здание финансового управления, тут же приказал остановить все строительные работы из-за возможности обвала. Строительные работы на подобных новостройках в Фюрстенвальде и в Эберсвальде тоже были немедленно остановлены».

Если большинству объектов в Бернау были посвящены только немногочисленные наблюдения, то за бывшей казармой войск связи ВВС, складом военного обмундирования/I и бывшим питомником почтовых голубей СС велась очень интенсивная слежка. На сотне заполненных мелким почерком карточек Пуллах регистрировал донесения о казарме войск связи ВВС с октября 1951 по апрель 1973 года. Согласно обзору мест дислокаций советских войск в Восточной Германии, который вела БНД под названием «Справочник о войсках противника», в этой казарме размещались: штаб 6-й гвардейской механизированной дивизии (с 1957 года — 6-й гвардейской мотострелковой дивизии), 35-й гвардейский механизированный полк, гаубичный артдивизион, гвардейский инженерно-саперный батальон, учебный танковый батальон, гвардейский дивизион реактивной артиллерии и гвардейский батальон связи. Донесения о происходящем в казарме поступали примерно один раз в неделю, среди них было много сообщений о заполненности объекта людьми, сделанных явно по виду. «12–23.11.1956. Объект теперь кажется переполненным, потому что построенная для казармы насосная станция больше не справляется с канализацией объекта, так что фекальные воды заполняют кюветы вдоль шоссе». «20.2.1958 один трубочист рассказывал, что он, получая плату за выполненную работу по очистке дымоходов, каждый раз должен предоставить в знак подтверждения восемь подписей (из восьми различных мест расквартирования), потому можно предположить, что на объекте

размещаются восемь отдельных подразделений». Что касается количества сообщений, то октябрь 1959 года можно назвать типичным примером: в этом месяце, не отличавшимся значительно ни в большую, ни в меньшую сторону от других, БНД получила о казарме войск связи ВВС семь донесений от четырех разных агентов.

Как изменилась ситуация с поступлением сообщений в 1961 году, когда постройка Берлинской стены создала во втором полугодии совсем другие условия для агентурной связи, нежели в первом? Учитывая повторы (шпионы со своими сообщениями не придерживались ни начала, ни конца месяца), с января по июль выходило от пяти до восьми донесений в месяц, только июнь несколько выделяется. Но уже через несколько месяцев после августовского закрытия границы — в ноябре и декабре — снова были достигнуты июньские показатели.

Количество поступивших отчетов из Бернау/казарма войск связи ВВС за январь-декабрь 1961 года

Месяц	Количество отчетов
Январь	5
Февраль	7
Март	7
Апрель	8
Май	8
Июнь	13
Июль	6
Август	10
Сентябрь	6
Октябрь	7
Ноябрь	12
Декабрь	13
Всего (с повторами)	93

Удивительное постоянство поступления информации, к концу года даже возрастание, что можно было бы объяснить лишь тем, что агенты БНД заранее получили инструкции о новых каналах связи на случай невозможности личных встреч, при более подробном рассмотрении, однако, выглядит иначе. До 13 августа 1961 года (дня постройки Стены) все

сообщения кроме одного (опрос беженца) исходили от собственных источников в ГДР, затем до конца года поступили еще 34 донесения от источников БНД, но еще восемь или девять пришли уже от союзных спецслужб, четыре от американской армии и одно — снова опрос беженца. Это смещение, правда, еще не означало полного провала. Это видно в сравнении с поступлением донесений за 1960 год. За год, предшествовавший году постройки Стены, БНД получила 105 донесений о казарме войск связи ВВС, из которых 101 сообщение было послано собственными источниками. В 1961 году аналитики БНД получили 93 донесения, из них 45 после 13 августа. Из общего числа донесений 79 были присланы собственными источниками, 11 были от союзных служб и от американской армии, три — опросы беженцев. Очевидно, что и в «огражденной» ГДР собственные связи БНД продолжали работу. После 13 августа до конца 1961 года семь разных наблюдателей по-прежнему информировали западногерманскую разведку о наблюдениях за казармой войск связи ВВС. Информация, приходящая от союзных спецслужб не принималась на веру и вначале вовсе не заменяла собственную агентурную сеть. Однако постепенно начало происходить разрушение агентурных связей БНД. Из 95 сообщений за 1962 год, только две трети (62) были от всего шести собственных источников, одна треть (33) от союзников. После этого общее количество поступавших от всех источников сообщений сначала резко уменьшилось наполовину, а с 1965 года вовсе начало катастрофически падать.

Количество поступивших отчетов из Бернау/казарма войск связи ВВС в 1962–1973 годах

Год	Количество отчетов
1962	95
1963	44
1964	49
1965	4
1966	1
1967	0
1968	3
1969	4
1970	8
1971	17
1972	7
1973	4

С весны 1963 года в карточках отсутствует отметка о том, что сведения поступили от собственного источника БНД, но встречаются указания о сообщениях иного происхождения. Потому уже невозможно точно определить количество военных шпионов и объем донесений, поступавших от отдельных агентов Пуллаха. Из 49 сообщений за 1964 год 25 получены от «Нарцисса», то есть, от французской разведки, два — от англичан, десять — от беженцев. Но девять сообщений все-таки исходили от сети БНД. Все четыре сообщения 1965 года пришли от «Нарцисса», как и единственное сообщение за весь 1966 года. Это означало катастрофически резкое падение не только частоты поступления, но и объема, точности и качества донесений — об отчетах уже не приходилось и говорить. Единственное донесение за 1966 год звучит удивительно кратко: «7/66. На объекте есть авторемонтная мастерская /гарнизона 6-й гв мсд». В 1968 и 1969 годах снова появилось по одному собственному агентурному сообщению, в 1969 году, кроме того, еще три донесения после опроса беженцев. Но этот круг лиц не был подготовлен к опросам, в большинстве своем не акцентировал внимания на военных вопросах и, собственно, и не обучался никогда разведке боевого порядка и боевого расписания, „order-of-battle intelligence“. Увеличение числа донесений в 1970 и 1971 годах произошло не благодаря вербовке новых наблюдателей на местах, а только благодаря поступлению информации от союзных спецслужб, получивших ее от своих военных миссий связи, а также от опросов беженцев. Три источника БНД с 1972 по 1973 год получили от аналитиков самую низкую оценку достоверности „F 6“, что было связано, очевидно, с тем, что это

были новые агенты и их сообщения с трудом поддавались проверке. Из всего этого можно сделать вывод, что в середине 1960-х годов Федеральная разведывательная служба лишилась собственных источников информации о казарме войск связи ВВС в Бернау.

В Веймаре наблюдение осуществлялось в общей сложности за 17 советскими объектами среди них несколько казарм, позиции ракет и зенитной артиллерии, госпиталь, клуб и даже школа для советских детей, причем гражданские сооружения не представляли для БНД большого интереса, и потому о них поступало существенно меньше донесений. В Веймаре помимо штаба входившей в 8-ю Гвардейскую армию 13-й зенитно-артиллерийской дивизии и 1173-го зенитно-артиллерийского полка, дислоцировались также 91-й полк связи, 65-й гвардейский механизированный полк, 581-й гвардейский полк реактивной артиллерии, а также три батальона (связи, инженерный, транспортный) и центральный госпиталь 8-й Гвардейской армии. БНД вела в общей сложности 69 карточек о наблюдениях за этим местом дислокации. Штаб армии располагался на авиабазе Нора за пределами самого Веймара, потому карточки наблюдений за ним подлежали отдельной регистрации.

Наблюдение за бывшей казармой Танненберг в Веймаре было не таким интенсивным, как в случае с казармой войск связи ВВС. Для этого было, вероятно, несколько причин: в казарме в Бернау среди прочих частей находился и штаб важной в военном отношении мотострелковой дивизии. А главное, Бернау был намного ближе к Берлину, что создавало замечательные возможности для агентурной связи, которых не было в Веймаре. То же самое можно сказать и о важном месте дислокации Нора, сведения о котором хоть и поступали к аналитикам БНД с постоянством, однако, они заняли всего 12 карточек. Еще больше затруднял деятельность наблюдателей тот факт, что в казарме размещался сборно-пересыльный пункт армии.

«11–21.11.1957. Как и в предыдущем, так и в этом году казарма Танненберг служит местом для приема и размещения демобилизованных солдат, прибывших сюда из других военных городов армии, собранных тут для дальнейшей отправки домой. Дать обзор ситуации в настоящий момент невозможно. Объект сейчас похож на муравейник».

Отчеты о месте дислокации Веймар начинаются с общих наблюдений и с наблюдения за казармой Танненберг в октябре 1951 года. В сравнении с

Бернау этот объект тоже представлял интерес для разведки, но донесений о нем поступало значительно меньше.

Количество поступивших отчетов из Веймара /казарма Танненберг в 1951–1964 годах

Год	Количество отчетов
1951 (с октября)	7
1952	24
1953	40
1954	32
1955	35
1956	16
1957	27
1958	10
1959	11
1960	10
1961	11
1962	6
1963	1
1964	2

Значительное уменьшение объема поступающих разведанных произошло в Веймаре еще до постройки Берлинской стены. По сравнению с четырехлетним периодом 1952–1955 годов объем направленных в БНД донесений за четыре года (1958–1961) уменьшился на две трети. Самое раннее донесение 1958 года охватывало лишь период с 27 марта по 12 апреля этого года. За июнь и июль было сделано лишь одно донесение сборного характера. Тем самым наблюдение за веймарской казармой Танненберг — в отличие от шпионажа против казармы войск связи в Бернау — может, по меньшей мере, считаться признаком начавшегося в 1958 году кризиса в работе БНД, о чем пишут в литературе, и что особенно выразилось в деятельности БНД в ГДР.

Появление Берлинской стены нанесло агентурному наблюдению в Веймаре значительно больший ущерб, чем в случае с Бернау. Например, агент V-4549 до июля 1961 года четыре раза сообщал о происходящем на объекте, затем он замолк до мая 1962 года. Из пяти сообщений БНД за 1962 год, опиравшихся на источники, одно исходило от американцев, а четыре

— от упомянутого агента. Донесение этого источника за 29 июля 1962 года было последней конкретной информацией о казарме Танненберг до начала 70-х годов, начиная с которых заканчиваются доступные на сегодня карточки из картотеки наблюдений БНД за местами дислокации. Параллельно со сведениями о казарме Танненберг агент V-4549 сообщал и о казарме Лютцендорф, тоже в Веймаре. Но и здесь донесения от него перестали поступать в БНД в первой половине февраля 1962 года. Связь с источником V-4549 очевидно не прерывалась, что вначале можно предположить исходя из долгого перерыва вплоть до возобновления составления отчетов о казарме Танненберг. Уже 27 октября 1961 года этот шпион БНД сообщал о казарме зенитной артиллерии в Веймаре. Но то ли установление связи было слишком осложнено, что часто происходило из-за радикально изменившихся 13 августа 1961 года обстоятельств, то ли информатор уже не мог передвигаться так свободно, как прежде, и следить за военными объектами с прежней регулярностью, что можно предположить в случае с агентом V-4549.

В случае с казармой Лютцендорф поступление донесений тоже прервалось в 1961 году. Четыре сообщения за этот год поступили уже не от агентов-наблюдателей БНД, а одно — от союзной спецслужбы «Астра» (англичане), одно от советского дезертира и два от так называемых чувствительных источников, в том числе один из них принадлежал к ННА. Но донесений о казарме зенитной артиллерии приходило все же довольно мало: всего 21 сообщение зарегистрировано с 1962 по 1970 годы, двенадцать из них — от собственных источников, четыре — от союзных разведок, четыре — составлены на основании опросов беженцев, одно от «чувствительного» источника. Это не было полной потерей, как в случае с казармами Танненберг и Лютцендорф, но положение, в общем, было схожим. Ведь, как и в случае с Бернау, для ведения наблюдения за дислокациями всех советских воинских частей в Восточной Германии самым главным была частота отправляемых донесений, их актуальность, объем и широта географического охвата, без чего слежка за действиями советских военных не могла играть своей роли индикатора раннего предупреждения о подготовке возможного нападения Востока на Запад.

Пусть даже опытный базис подробно рассмотренных здесь примеров Бернау и Веймара довольно узок, достаточно лишь одного взгляда на обширную, сложную в использовании картотеку БНД, чтобы понять, что если бы мы и расширили количество рассматриваемых мест дислокации, это не изменило бы существенным образом сделанные нами выводы. Федеральной разведывательной службе после 1961 года пришлось

научиться опираться на использование в качестве военных шпионов уже не восточных, а западных немцев и разработать стратегию своих действий в условиях снижения возможностей разведки. К каким результатам привел этот процесс переучивания, мы рассмотрим в четвертой главе.

г) О профиле агента БНД — два примера

До дела Гюнтера Гийома, пожалуй, самым известным шпионом восточной спецслужбы в ФРГ был Хайнц Фельфе, целое десятилетие шпионивший для КГБ в Пуллахе. Позднее сам Фельфе так описывал получение информации от агентурных источников:

«Массу военной информации не так тяжело, особенно в мирное время, получить от так называемых наблюдателей на местах, то есть агентов, живущих вблизи какого-либо военного объекта, которые способны без большого труда узнавать о любых происходящих там изменениях, к примеру, о расквартировании войск в казармах, о размещении аэродромов, о времени и масштабах учений, о составе офицерского корпуса, о сменах командования и о многом другом. Конечно, наблюдатель на месте может вести наблюдение только снаружи, тогда как разведке необходимо знать и то, какие планы составляет иностранная или, тем более, вражеская армия, как устроены и как снабжаются, например, ее оборонительные сооружения и т. д. Для этого разведке нужно найти источники, имеющие доступ к особо защищенным объектам и самым секретным документам. Здесь получить подходящую информацию было уже очень сложно, но все же возможно».

Федеральной разведывательной службе это очевидно удалось. Для примера рассмотрим два источника из тех, кто занимался уже упомянутым выше наблюдением за местами дислокации в Бернау и Веймаре.

V-13870 впервые упоминался в карточках с данными о так называемом общем наблюдении в Бернау за 21 февраля 1952 года. Его информация была тогда оценена как «F 3». Но надежность нового источника — был ли он мужчиной или женщиной, нам выяснить не удалось — уже с его вторым сообщением в октябре того же года поднялась до степени «С», а осенью 1954 года — даже до «В». Такая высокая оценка встречается нечасто. До прекращения регистрации карточек общего наблюдения в 1961 году

источник V-13870 отправил 18 отчетов, но это было самой незначительной частью поступавшего от него потока донесений. Ведь с февраля 1953 года информатор шпионил за казармой войск связи ВВС и послал об этом 129 донесений до марта 1963 года, когда его номер перестал упоминаться в картотеке наблюдений за местами дислокации БНД. «Второе место» по интенсивности наблюдения в Бернау занял склад военного обмундирования I, о котором с февраля 1953 по март 1963 года агент V-13870 послал в Пуллах 109 донесений. Это не было единичным случаем. Сравнив общее количество донесений, мы находим еще четыре источника с аналогичной частотой передачи сведений. В условиях открытой границы эти шпионы могли на протяжении очень длительного времени заниматься шпионажем и передавать сообщения, не подвергаясь при этом арестам со стороны органов государственной безопасности. Были ли они отключены после 1963 года, перешли ли к отправке собранных сведений по радио, что регистрировалось уже в другой картотеке БНД, или даже попали в руки восточногерманской контрразведки — этот вопрос пока остается открытым.

Если в отношении топ-агента в Бернау можно предположить, что ему только потому удавалось так интенсивно заниматься шпионажем сразу на нескольких военных объектах, что у него был доступ к ним, то в случае с уже упоминавшимся источником V-4549 в Веймаре это можно сказать с уже большей уверенностью. Этого агента впервые зарегистрировали в картотеке наблюдений после сообщения о казарме Лютцендорф в конце октября 1953 года. Из всех 193 сообщений об этой казарме, поступивших в БНД до октября 1964 95, т. е. почти половина были составлены на основе его наблюдений, а остальные были на счету нескольких других военных шпионов. Из 212 сообщений о казарме Танненберг с 1951 по 1960 годы 103 исходили от V-4549, из 266 донесений о казарме зенитной артиллерии с ноября 1951 по март 1963 года этот же агент составил тоже 103. Только между октябрем 1951 и серединой августа 1955 года из 133 донесений об общих наблюдениях в Веймаре 46 были на счету информатора V-4549. Но этот агент БНД действовал не только в Веймаре. В картотеке есть также полученные от этого источника сведения о советских гарнизонах в Эрфурте и в Йене.

Таким образом, можно говорить о ядре особо упорных, действовавших долгое время и хорошо размещенных источников, значительно превосходивших своими достижениями других агентов, посылавших свои отчеты лишь время от времени. Многого говорит в пользу того, что агент V-4549 в Веймаре и агент V-13870 в Бернау не были стационарными

внешними источниками, которые, к примеру, могли просто наблюдать за событиями во дворах советских казарм из окна своей квартиры на верхнем этаже стоявшего напротив объекта дома. Ведь эти агенты отмечали процессы, происходившие в нескольких казармах, как и на других военных объектах Советов в обоих городах, в таком объеме, что они обязаны были очень часто соприкасаться с ними по роду своей деятельности. Можно предположить, что эти плодотворные источники были завербованы по классическому образцу, часто используемому и стороной противника, из числа немецкого технического персонала, находившегося на временной или постоянной работе при советских объектах. Хотя такой метод не ускользнул от внимания МГБ. Второй главный отдел и советская военная контрразведка осознавали, что это сизифов труд, с которым им вряд ли удастся справиться. Пока граница в Берлине оставалась открытой, сведения утекали, и не только потому, что разоблаченные шпионы тут же заменялись новыми. Гораздо важнее было то, что немало информаторов БНД смогли проработать, не будучи разоблаченными, свыше дюжины лет и все это время с прежним энтузиазмом поставляли информацию. Проблема эффективности разведывательной работы до и после строительства Стены была для БНД поставлена совершенно по-разному. Перед 1961 годом это было, прежде всего, проблемой аналитиков, которые должны были с тем же усердием, что и агенты, из множества различных камешков мозаики своевременно составлять точную картину ситуации. После 1961 года тем же аналитикам пришлось более чем целое десятилетие с большим трудом справляться с составлением своих отчетов на основе все более оскудевавшего потока поступавшим от агентов донесений.

д) Разведка БНД и возведение Берлинской стены

В первой половине 1961 года американские спецслужбы предположили, что Советский Союз, после того как ему пришлось в 1959 году во время второго Берлинского кризиса отказаться от своего ультиматума, не добившись никаких результатов, наконец, попытается выгнать западные державы из Берлина, чтобы укрепить режим Ульбрихта и не дать ГДР развалиться, что представлялось уже вполне вероятной перспективой ввиду продолжавшегося массового бегства восточных немцев на Запад. Прежде всего, ЦРУ интересовало, будет ли по желанию Хрущева осуществлена попытка блокирования допуска западных союзников в Берлин — потому что только это могло бы побудить президента США

Джона Ф. Кеннеди пойти на решительное противостояние этим советским планам, в том числе и с использованием силы. Для аналитиков в Лэнгли, таким образом, на первом месте в повестке дня стояли не прогнозы о времени осуществления акции по отгораживанию Восточного Берлина от Западного, а «изолированно и искусственно» разыгрываемые сценарии реагирования на те или иные варианты действий Советов. Конечно, западными союзниками еще в 50-е годы был разработан план военного решения на тот случай, если права западных держав-победительниц в Берлине будут нарушены. Во фронтовом городе Берлине, однако, события 13 августа 1961 года в разной степени оказались сюрпризом для всех сторон. Возмущенный Правящий бургомистр Западного Берлина ввиду невозможности немедленно прибегнуть к эффективным контрмерам, потребовал от западных комендантов заявить русским решительный протест. Лишь много позже Вилли Брандт признал: «Если бы я в то воскресное утро 13 августа не был так взволнован, то заметил бы, что уважаемые господа коменданты сами вели себя беспомощно, были обескуражены и не располагали никакими инструкциями».

Райнхард Гелен всегда настаивал на том, что за исключением точного дня, его Служба заранее сообщала о «предстоящем герметичном закрытии границы между зонами, особенно в Берлине», информируя, в том числе, о «складировании легких материалов для устройства заграждений». БНД якобы еще в январе 1961 года информировала Ведомство Федерального канцлера о перепланировке улиц вблизи границы секторов в центральной части Восточного Берлина. С приближением дня постройки Стены появлялись все более точные признаки. 19 июля БНД установила, что руководство СЕПГ подготовило специальные подразделения и разработало чрезвычайные планы по блокированию всех основных точек в центре Восточного Берлина. А 1 августа Служба даже сообщила о предстоящем блокировании границы секторов в Берлине и о прекращении движения метро и городской электрички.

Только по прошествии лет закрытие лазейки в Западный Берлин путем насильственного «ограждения» представляется само собой разумеющейся мерой. Западногерманские политики рассматривали три возможных варианта максимального обострения во время второго Берлинского кризиса, «основываясь на сообщениях собственной разведки и разведок союзников»: первый — тотальная блокада, как в 1948-49 годах; второй — требование Москвы передать контроль над западноберлинскими аэропортами в руки Советов или ГДР и третий — заграждение границы между секторами. Четвертая альтернатива — военная оккупация русскими

Западного Берлина — полностью исключалась. Согласно Францу Йозефу Штраусу, Федеральному министру обороны в 1961 году, больше всего тогда опасались именно первого варианта, считавшегося наихудшим — повторения сталинской блокады 1948–1949 годов. При этом наблюдатели БНД на местах — «у нас было полное представление о противнике» — летом 1961 года интенсивно сообщали о маневрах и о передвижениях войск в ГДР. Но ведущих западногерманских политиков подстегивало не только это опасение. Через несколько недель после постройки Стены Федеральный канцлер Конрад Аденауэр в беседе с журналистами заявил, что «в зоне чувствовалось, что там готовится какой-то удар». Но, по словам Аденауэра, Бонн не рассчитывал на закрытие границы: «У нас были сведения, что в Зоне может вспыхнуть восстание».

Таким же драматичным, как страх перед блокадой или восстанием, было опасение того, что Хрущев теперь всерьез сможет пойти на претворение в жизнь той угрозы, которую западные державы со времени ультиматума советского партийного вождя в 1958 году в политическом плане боялись больше всего. Если западные страны не соглашаются на статус «свободного» и демилитаризованного города Берлина, то Хрущев может пойти на заключение сепаратного мирного договора с ГДР. В таком случае советские суверенные права на управление советским сектором Берлина могли бы быть переданы ослабевавшему режиму Ульбрихта. Потому можно сказать, что не западные спецслужбы работали неэффективно, а что сами союзники, по словам Брандта, «боялись не того кризиса».

Впрочем, существуют и другие объяснения. Западные державы уже много лет ожидали от ГДР и СССР шагов по физической изоляции Западного Берлина в качестве реакции на особую ситуацию, сложившуюся в разделенном городе. В последней декаде января 1953 года, например, Организация Гелена предсказывала полную «герметизацию» Берлина еще в том же месяце. В 1957 году ЦРУ рассуждало о возможности перекрытия границы секторов. В Восточном Берлине на самом деле уже с 1952–1953 годов рассматривались такие меры. Со временем сообщения такого рода стали привычными, превратившись в рутинную информацию для западных политиков. Драматическое обострение Берлинского кризиса летом 1961 года было воспринято в Бонне и в Западном Берлине всерьез, но вот постройка Стены для западногерманской стороны представлялась маловероятным вариантом развития событий. То, что отчеты БНД, как явствует из известных на сегодня документов, подчеркивали именно такой вариант, возможно, не встретило должного понимания со стороны многих

западногерманских политиков. Разведывательный анализ собранных в Пуллахе сведений подчеркивал, в конце концов, именно узкое поле для игры западногерманских политиков в случае подобных действий Ульбрихта и Хрущева в Берлине.

Отчет БНД о военной ситуации за июль 1961 показывает, что разведка была хорошо проинформирована. В отчете точно и подробно описаны советские задачи и планы на тот случай, если будет заключен сепаратный мирный договор с Восточным Берлином: политическая и экономическая изоляция Западного Берлина, преграждение потока беженцев туда и в Западную Германию, тем самым «консолидация режима СОЗ» и «признание де-факто режима в Панкове»; вследствие этого прекращение влияния свободного Западного Берлина на «территорию СОЗ» и смена статуса восточной части Берлина как города, управляемого четырьмя державами, «с полной окончательной интеграцией Восточного Берлина в СОЗ». С точки зрения БНД руководство СЕПГ уже готово к тому, чтобы претворить в жизнь «давно и систематически подготавливавшиеся планы по преграждению или контролю за доступом из Восточного Берлина или СОЗ в Западный Берлин», либо при заключении сепаратного мирного договора между СССР и ГДР либо даже до этого. «При дальнейшем увеличении потока беженцев в Западный Берлин нельзя исключать возможность того, что советский режим еще до этого срока решится провести блокирующие мероприятия». Одновременно в Федеральную разведывательную службу поступало все больше сообщений от ее военных шпионов о многочисленных перевозках войск и техники из СССР в ГДР и в западные области Польши. Больше всего Пуллах обеспокоила переброска новых танков в район Берлина и в приграничные с ФРГ районы.

1 августа в Пуллах поступило сообщение, датированное последними числами июля, о том, что «бегство из Республики» превратилось в первоочередную проблему для ГДР. Цитировавшийся в донесении «высокопоставленный функционер» СЕПГ подчеркивал, что планы по прекращению потока беженцев были разработаны уже давно, но Советы не давали своего разрешения на их осуществление. Аналитик БНД констатировал, что со стороны руководства СЕПГ предпринимались решительные шаги, чтобы получить согласие русских на «закрытие границы секторов в Берлине и прекращение движения метро и городской электрички». Это сообщение сначала было зарегистрировано с пометкой «срочно», но затем было отправлено как обычное телетайпное сообщение в Ведомство Федерального канцлера, в МИД и в Федеральное министерство обороны — то есть главным органам, принимавшим решения в

Федеративной Республике. О предстоящих «действительно полномасштабных действиях по перекрытию границы» было сообщено также Министерству по общегерманским вопросам и секретным службам западных союзников.

9 августа в Пуллах пришло сообщение о состоявшемся с 3 по 5 августа в Москве заседании руководителей стран Варшавского договора. Федеральная разведывательная служба сделала на основе имевшейся информации вывод, вошедший в ее недельный отчет, что усилия Ульбрихта по закрытию границы между секторами вполне могут воплотиться в жизнь, но дополнила этот вывод пометкой, что следует подождать, сможет ли Ульбрихт в Москве добиться разрешения на такие меры. В Пуллахе тогда так и не узнали, что Хрущев уже принял решение по этому поводу. Это естественно — очень немногие высокопоставленные советские и восточногерманские партийные функционеры заранее знали об этом решении, тем более о точной дате закрытия границы. Судя по всему, БНД ничего не узнала и о беседе между начальником штаба ГСВГ генерал-лейтенантом Григорием И. Арико и начальником Главного штаба ННА генерал-майором Зигфридом Риделем 25 июля 1961 года, на которой обсуждались подробности мероприятий по закрытию границы секторов и координации действий по созданию так называемого кольца вокруг Берлина. Зато военные шпионы БНД и действующие в ГДР агенты других западных служб в преддверии строительства Стены продолжали интенсивно сообщать о крупномасштабных перемещениях войск ГСВГ и Национальной народной армии в окрестностях Большого Берлина. Только 4 и 5 августа 1961 года туда прибыло около 4600 советских солдат. Кроме того, продолжались отмеченные еще в июле переброски войск из Советского Союза в ГДР и на западные польские территории. По информации БНД, подтвержденной также в досье Бундесвера, Советский Союз с мая по август 1961 года увеличил численность своих войск в Восточной Германии на 37500 человек — до 380 тысяч человек. Параллельно к этому на вооружение ГСВГ поступили более 700 новых танков. Эти пополнения соответствовали примерно двум-трем танковым дивизиям. В то же время на западной границе Польши были дополнительно размещены 70 тысяч советских солдат, переброшенных туда из военных округов Советского Союза. Военное руководство СССР усилило и свою группировку в Венгрии на 10 тысяч человек. Тем самым общая численность личного состава советских войск в Центральной Европе перед днем возведения Берлинской стены увеличилась примерно на 25 % и превысила 545 тысяч человек. Таким образом, Советский Союз

мобилизовал почти треть всех своих сухопутных войск для военного обеспечения закрытия границы в Берлине.

Другим демонстративным шагом с советской стороны было назначение маршала Ивана Степановича Конева главнокомандующим ГСВГ. Заслуженный полководец Второй мировой войны был специально отозван из запаса ради назначения на эту должность. Назначение Конева, что прекрасно понимал Хрущев, имело, прежде всего, важное символическое значение с точки зрения внешнеполитического и военного влияния. Именно так воспринимали этот факт и в БНД. Менее известно, правда, что в те же дни для руководства войсками на чувствительных западных границах Варшавского пакта были назначены два других выдающихся полководца времен войны — маршал Константин Константинович Рокоссовский и маршал Кирилл Афанасьевич Мерецков. Новоназначенные главнокомандующие (стратегических направлений) были непосредственными представителями Верховного главнокомандования (Ставки), в отличие от прежних командующих, отвечавших за свой «географический» участок территории. Они могли при необходимости даже управлять своими войсками прямо из Москвы и располагали куда большими полномочиями, чем их предшественники. Но важнее всего было то, что они подчинялись только напрямую Хрущеву. Сам Хрущев добивался этим с одной стороны, что в самых горячих точках кризиса находились самые опытные боевые генералы, с другой — что они поддерживали самый тесный контакт с политическим руководством государства.

Но в западные и юго-западные военные округа СССР не только направлялись самые опытные и заслуженные военные. Одновременно советское командование в начале лета 1961 года систематически увеличивало количество находившихся тут воинских частей и соединений. Закарпатский военный округ получил дополнительно около 30000 человек, Одесский — 15000, Киевский — 22000, Прибалтийский — 8500, Закавказский — 4300 и Белорусский 16500 человек. Северный флот получил две тысячи дополнительных военнослужащих, Черноморский флот — одиннадцать тысяч. Внутренние военные округа тоже были усилены — Туркестанский на 3300, Сибирский на 3500, Уральский на 2200 человек. В общем и целом, вместе с уже упомянутыми перебросками советских войск в ГДР, Польшу и Венгрию советские вооруженные силы возросли к концу июля 1961 года примерно на 280 тысяч человек. Это соответствовало увеличению общей численности войск приблизительно на 10 %. Стоит заметить, что

Федеральная разведывательная служба обладала информацией и об этих фактах.

Когда 13 августа, в день строительства Берлинской стены, в руки аналитиков попало сообщение о решениях заседания Народной палаты от 11 августа, точность сообщения была блестящим образом подтверждена, хотя в качестве прогноза оно слишком опоздало. Расплывчатое решение парламента ГДР, которое тремя днями раньше было в куда более четкой и обязательной форме принято Политбюро, «передавало Совету министров все полномочия» по борьбе «с незаконным переходом границы» и «торговлей людьми». Источник Федеральной разведывательной службы сообщал, что в решениях Народной палаты именно потому не было уточнения времени и характера мероприятий, «чтобы правительство СОЗ обеспечило для себя эффект внезапности». По информации с одной конференции при ЦК СЕПГ, закрытия границы восточного сектора Берлина следует ожидать в ближайшие дни. Но точную дату выяснить не удалось. В день возведения Стены Федеральная разведывательная службы сообщила в Бонн, как уже говорилось, о назначении маршала Конева главнокомандующим ГСВГ и в своих выводах подчеркнула драматичную серьезность положения, складывавшегося в и вокруг Берлина. Федеральному правительству снова были предоставлены доказательства того, что советские войска на возможные военные меры Запада тоже отреагируют с применением военной силы.

Строительство Берлинской стены для западных спецслужб перевернуло «оперативный мир с ног на голову», как сказано в книге Бейли, Мерфи и Кондрашова «Поле битвы Берлин». Через месяц после физического разделения города ЦРУ сообщало в Вашингтон:

«Уникальные возможности для связи в Берлине теперь ушли в прошлое. Но важно запомнить два момента: движение все еще пересекает границу в обоих направлениях; ... и уникальная природа границы между секторами до 13 августа означает, что ни в Западной Германии, ни где-либо еще нет никакой замены для этого метода получения доступа к Восточной Германии».

В качестве установок для продолжения шпионажа меморандум содержал ряд рекомендаций: реактивацию тех агентов, контакт с которыми был за это время потерян, вербовка новых источников особенно из среды коммерсантов и студентов, поддерживающих контакты между востоком и западом, начало активных мероприятий по «запугиванию

восточногерманского режима», действия для «драматизации берлинского вопроса во всем мире», для «поддержания морального духа Западного Берлина». Последняя идея была совсем новой в истории противостояния разведок в разделенном Берлине, ибо честно признавала, что произошедшее в Берлине нельзя повернуть вспять. «Мы все в Берлине, сами западные берлинцы, армия США, Государственный департамент вполне понимаем, что ни самая мощная пропаганда, ни самые талантливые дезинформационные операции, никак не смогут реально изменить положение в Берлине».

Но нельзя сказать, что западные разведки были совсем не подготовлены к закрытию границы. Они еще с 50-х годов считались с возможностью новой блокады и с прекращением непосредственного доступа к их источникам по берлинским каналам. Уже в начале пятидесятых годов Пуллах снабдил своих агентов-радиостов радиостанциями, не в последнюю очередь на случай советского военного нападения, которое прервало бы все контакты по системе обычной агентурной связи, вынудив перейти к радиопередачам. Теперь этих радиостов можно было активировать. С начала пятидесятых в течение больше чем десятилетия шпионил в пользу Пуллаха работник «народного предприятия «Функверк Берлин» Франц Панкрац. Еще до постройки Стены он с энтузиазмом использовал рацию для передачи информации на Запад. На своем радиозаводе Панкрац, представший перед судом в 1966 году, поднялся до командира Боевой группы рабочего класса. Считается, что среди поставленных перед ним Пуллахом заданий была и вербовка новых агентов-радиостов из числа бывших радиостов Вермахта. По данным МГБ основные задачи, которые получали агенты-радиосты, касались военного шпионажа. Благодаря аресту в 1957 году одного рабочего после пяти лет его шпионской деятельности восточногерманская контрразведка в деталях узнала и о другом методе передачи сведений — о так называемых «мертвых почтовых ящиках». Тайниковая система связи защищала агентов, ибо курьеры, доставлявшие или забиравшие донесения, не знали ни имени, ни внешних примет агента. Но, как показали еще события 17 июня, во время кризисов такая система оказывалась очень уязвимой, потому что многочисленные «мертвые почтовые ящики» размещались обычно неподалеку от военных объектов, где именно в кризисные моменты концентрировались войска, и риск использования тайниковой связи был слишком велик. Потому после постройки Стены основным средством связи между источниками и их «кураторами» однозначно стал использовавшийся и ранее метод почтовой связи с использованием невидимых чернил,

который, правда, при долгосрочном использовании тоже был чреват большим риском разоблачения. 94 % всех пойманных в Потсдамском округе военных шпионов использовали этот вид связи. Тем не менее, по оценкам МГБ ГДР после закрытия границ, из всех западных служб к продолжению шпионажа в новых условиях БНД была подготовлена лучше всего.

С уверенностью можно сказать, что Федеральная разведывательная службы в преддверии произошедшего 13 августа 1961 года закрытия границы секторов, корректно передала боннским политикам, по меньшей мере, «форму произошедшего» (по выражению Вилли Брандта). Одновременно нужно оценить и активную агентурную деятельность западногерманской разведки, источники которой сообщали информацию, очевидно, даже из высших кругов СЕПГ. Эти действия и тот факт, что информационный поток поступавших в БНД сведений продолжался и после 13 августа, показывают, что физическое разделение Берлина не прервало мгновенно связь Федеральной разведывательной службы с ее собственными агентами. Однако в последовавшие за этим недели Службе было очень тяжело предсказать дальнейший курс Москвы и Восточного Берлина. Хотя основные оперативные предпосылки для ведения разведывательной деятельности в Восточном Берлине продолжали существовать, у экспертов возникли огромные проблемы с точной интерпретацией происходивших там процессов. И основной причиной этих трудностей были не сами противоречивые поступавшие «оттуда» сообщения, а укоренившаяся в их головах идея-фикс, приписывавшая восточным противникам прямолинейное выполнение их мастерски продуманного плана по заключению сепаратного мирного договора и передаче суверенных прав на Восточную Германию от Москвы «режиму в Панкове».

В среднесрочной перспективе впервые после операций МГБ против Организации Гелена во времена Эрнста Вольвебера для восточногерманской контрразведки снова наступило время успехов. Уже в 1962 году она арестовала в два с половиной раз больше агентов западных спецслужб, чем за предыдущий год. В 1963 году — даже в семь с половиной раз больше! И еще в 1964 году этот показатель оставался вчетверо большим. Из 258 агентов, о которых упомянул отвечавший за проведение расследований Девятый главный отдел МГБ с августа 1961 по декабрь 1965 года, 156 человек, почти 60 %, работали на БНД, еще 27, т. е. 10 % на Федеральное ведомство по охране конституции. Но при всем этом восточногерманским охотникам на шпионов нужно было учитывать

следующее: успех настоящего выдает много о неудачах прошлого. Она вовсе не была всемогущей, контрразведка «Штази». Иначе как могло случиться так, что одному арестованному в феврале 1965 года восточноберлинскому главному инженеру удалось беспрепятственно работать на Гелена с 1947 года?

**IV. Разведка БНД против ГСВГ и
контрразведка МГБ ГДР в 1970–1989 годах**

1. Взгляды на оперативную работу по противнику

а) Стратегии Пуллаха

Строительство Берлинской стены заставило Федеральную разведывательную службу предпринять новые шаги для продолжения ведения разведки за советскими гарнизонами и воинскими частями в ГДР. Однако из-за того, что постоянно увеличивающиеся потери старых агентурных ячеек нельзя было мгновенно восполнять новыми источниками, Пуллах сделал большую ставку на радиотехническую и радиоэлектронную разведку (SIGINT). Гелен лично проявлял значительный интерес к техническим возможностям получения информации о противнике таким путем, который не грозил бы опасностью ни собственному персоналу, ни завербованным агентам. Техническая разведка позволяла избежать риска ареста и возможной ликвидации шпионов и курьеров или пропагандисткой шумихи вокруг неудач БНД, которую так любило раздувать руководство госбезопасности с той поры, когда ее в 1953 году возглавил Эрнст Вольвебер. Но с другой стороны технические виды разведки — SIGINT и IMINT, несмотря на свою полезность в плане «профилактической» защиты источников агентурной разведки (HUMINT), обладают и существенными недостатками. Когда эта техника «скрупулезно производит потоки фотографий и радиоперехватов без критериев разделения на важное и маловажное», она оказывается «структурно глупой». У радиоперехвата, подслушивания, дешифровки, радиолокационной разведки, радиопеленгации и снимков со спутников для актуализации оперативных сводок о положении противника были в Холодной войне свои жесткие ограничения.

«Техника фиксирует лишь то, что есть. Но только человек может узнать, что будет! Только человек, сам получивший доступ к секретной информации, то ли взломав сейф, то ли изготовив запасной ключ к нему, то ли сделав на одну копию больше, получив в свои руки письмо, чертеж, план, может заглянуть в будущее. Только человек, который в разговоре с собеседником, обладающим знаниями или принимающим решение, сможет умело заставить того сказать больше, чем тому следовало бы, убирает занавес, скрывающий сценарий будущего».

На усложнившийся доступ в Восточную Германию и постепенное «отмирание» своих старых связей с агентами-наблюдателями БНД со второй половины 60-х годов и еще больше в следующем десятилетии отреагировала новой стратегией шпионажа за советскими войсками. Место граждан ГДР, наблюдателей на местах, живших поблизости советских военных городков, все чаще занимали граждане ФРГ или западные берлинцы. Либо во время своих гостевых поездок в ГДР либо при транзитных путешествиях они должны собрать как можно больше информации об инфраструктуре и передвижениях войск ГСВГ. Помимо этого, БНД усиленно занялась созданием уже упоминавшихся семейных шпионских ячеек.

Целью транзитного шпионажа было ежедневное наблюдение о самых актуальных событиях и процессах в военной сфере в ГДР с информированием о них, по возможности, в масштабе реального времени.

«Благодаря системе точно скоординированных мероприятий, например, ежедневному использованию, как минимум, одного шпиона (установлено, что на различных маршрутах ежедневно действуют до трех шпионов) на одном из девяти транзитных транспортных коридоров ФРГ — Западный Берлин (железнодорожных и автомобильных), и немедленной передаче донесений путем надиктовывания их на автоответчики, БНД постоянно и непрерывно получает актуальные сведения о военных объектах, которые видны при движении по транзитным коридорам, а также о военных перемещениях по этим трассам или в непосредственной близости от них».

Разъездной шпионаж был направлен в большей степени на получение или на актуализацию базовых знаний о советских гарнизонах, инфраструктуре, полигонах, личном составе, сооружениях, военной технике. Легендой для таких шпионских вылазок часто становились различные хобби. Эти шпионы, прозванные в МГБ «хобби-путешественники», «проявляли явный интерес к вокзалам, мостам, портовым сооружениям и т. д. и старались сделать фотографии таких объектов. Другие хобби-путешественники интересовались старыми замками и крепостями. С этих, часто размещенных на возвышенности строений, открывался действительно хороший обзор окружающей местности и располагавшихся вокруг военных объектов и сооружений».

По данным МГБ Федеральная разведывательная служба полностью

использовала возможности путешествий своих источников: «Если в начале сотрудничества с БНД задания касались лишь отдельных объектов, то по мере того, как шпион набирался опыта, диапазон поставленных перед ним задач, как правило, становился намного шире».

Основываясь на собиравшихся еще с конца сороковых годов сведениях, разведке не пришлось начинать с нуля, и она с выгодой пользовалась накопленными ранее знаниями. Несмотря на Стену, Западный Берлин по-прежнему оставался важной базой для шпионажа. Оттуда Пуллах отправлял транзитных шпионов по железной дороге, по шоссе или речным транспортом через территорию ГДР. Из военных шпионов БНД, арестованных с 13 августа 1961 года по август 1965 года 91 % были завербованы в Западном Берлине, лишь оставшиеся 9 % в самой ГДР.

Источники из архивов БНД, в которых содержатся детали о получении информации путем использования транзитных и разъездных шпионов (т. н. «маршрутников»), в настоящее время еще не открыты для ученых. Только на основании открытых политических и военных недельных и месячных отчетов, то есть посредством „finished intelligence“, можно попробовать установить, какой объем информации утекал на Запад после закрытия границы — хотя в таких документах нельзя отделить информацию, полученную от собственных агентов, от информации, полученной от SIGINT, от союзных служб или из открытых источников.

Исходя из имеющихся на сегодняшний день сведений, можно сделать вывод, что БНД, перейдя в ведении военной разведки в ГДР на использование западногерманских и западноберлинских граждан, не удалось собираемыми ими сведениями в полной мере заменить в количественном и качественном плане информацию, получаемую ранее от агентурных сетей постоянных наблюдателей на местах. В своих мемуарах Рихард Майер пишет, что в момент его вступления в должность начальника оперативного отдела (агентурной разведки) в 1970 году, БНД располагала «лишь несколькими настоящими секретными источниками за границей» — транзитные шпионы и «маршрутники» к таким агентам не относились. Это было связано не только с собственно оперативной работой по противнику, в которой действительно были достигнуты успехи — показанные в этой книге примеры новой методики шпионажа начались именно в семидесятых годах. Но самой Федеральной разведывательной службе как учреждению независимо от трудностей в полевой работе с массой агентов, задействованных против ГСВГ, пришлось преодолевать серьезнейшие внутриведомственные проблемы. Среди этих проблем самые серьезные последствия для внутренней жизни Службы имело предательство Хайнца

Фельфе. Конечно, арест и тюремное заключение Фельфе, после чего советская и восточногерманская контрразведки спокойно могли разоблачать шпионов БНД, без прежних опасений «засветить» своего «крота» в Пуллахе, не оказали немедленного, непосредственного и существенного для крупномасштабной массовой агентурной разведки влияния на HUMINT в ГДР. Разоблачение Фельфе, тем не менее, привело к деморализации в Пуллахе, последствия которого ощущались даже спустя десятилетие. Штаб-квартира БНД и особенно оперативное управление, очевидно, попали в состояние некоей «самоблокады», причиной которой были не столько практические последствия потери информации от агентов и «кротов», сколько, прежде всего, состояние шока в умах многих сотрудников. Оценка Майера подтверждается и другими описаниями, как исходящих из среды самой БНД, так и в книгах, посвященных общей истории западногерманской разведки. Так, президентство Герхарда Весселя (1968–1978) представляется эпохой ломки закостеневших структур Службы, которая, по крайней мере, в интерпретации авторов «со стороны», как в идеологии, так и в кадрах представляла собой вплоть до последних лет правления Гелена продолжение старого отдела Вермахта «Иностранные армии Востока». Рихард Майер, возглавивший оперативное управление, был разведчиком-профессионалом, который перестроил пусть полностью конспиративную внутри самой Службы, но неэффективную работу на новых основах. Поимом воодушевления и порыва, которые принесли Службе новые руководители, на БНД повлияли и перемены в западногерманском обществе, выразившиеся в частности, в крупномасштабной реформе образования 60-х годов. Эту «академизацию», к примеру, можно увидеть на примере обязательного с 1973 года обучения офицеров Бундесвера в собственных высших учебных заведениях. Министр Ведомства федерального канцлера Эмке настаивал на открытом найме на работу в БНД пополнения из числа молодых ученых. Потому многие молодые люди с высшим образованием смогли сделать быструю карьеру, что с одной стороны повысило уровень аналитической работы Службы, но с другой привнесло в нее открытую политизацию и негативно повлияло на кадровую политику Пуллаха. Но не только политические условия, вызванные «новой восточной политикой», но и технический прогресс в БНД, к примеру, внедрение электронной обработки данных, которая среди всех федеральных учреждений ФРГ впервые была в крупном масштабе внедрена в Федеральном ведомстве уголовной полиции, Федеральном ведомстве по охране конституции и в Федеральной разведывательной службе, не оставляли в кадровой области никакого выхода, кроме

постепенного увольнения бывших офицеров Вермахта геленовской закалки.

Что касается агентурной разведки в ГДР, то вторая половина шестидесятых годов представляется на фоне произошедших событий периодом застоя — справедлива такая оценка или нет, на нынешнем уровне знаний нельзя сказать однозначно. Лишь частично этот упадок компенсировали начавшееся еще при Гелене и форсированное Весселем развитие технической разведки и расширение деятельности БНД в некоторых других регионах мира. Это новое направление, как представляется сегодня, пошло в ущерб разведке БНД в ГДР, которая после строительства Стены, предательства Фельфе и «аферы с журналом «Шпигель»» на некоторое время отошла на второй план. Гелен в своих мемуарах подчеркивает, что состояние мировой политики в большой степени повлияло на оперативные возможности его Службы: «ведь и от соответствующих внешнеполитических условий зависит, нужно ли проявлять в первую очередь большую активность или же большую осторожность, иными словами, как говорят в армии, когда нужно сначала атаковать, а потом окапываться, а когда наоборот».

В общем и целом эта стратегическая зависимость Пуллаха от политического главенства Бонна описана Геленом верно. Этот аргумент нельзя толковать только лишь как снятие с себя вины за собственные ошибки, упущенные возможности и провалы. Но с точки зрения оперативной работы по противнику нельзя не заметить, что в высказывании Гелена желание снять с себя вину все-таки занимает немалое место.

«К сожалению после первых неудач и казавшейся нам почти непроницаемой плотной контрразведывательной сети в Восточном блоке у нас привыкли стремиться лишь к тому, что можно сделать, чего можно достичь. Мы стали уклоняться от сложных задач. Если на пути к вербовке внутреннего источника, к «проникновению» на важный объект оказывались серьезные препятствия, то вокруг объекта просто размещалось несколько внешних наблюдателей, которые — пусть не с такой же точностью — следили за объектом. Для самоуспокоения мы тогда говорили себе, что задание, мол, выполнено». (Марквардт, «Пережитое в БНД»)

Вальдемар Марквардт, в настоящий момент самый подробный

источник о времени, когда агентурной разведкой БНД руководил Рихард Майер (кроме мемуаров самого Майера), сообщает, что методичное претворение в жизнь директивы социал-демократического министра Ведомства Федерального канцлера Хорста Эмке о новом усилении разведки в ГДР можно назвать первоначальным достижением Майера. При этом и Майер в основном ориентировался на использование «маршрутников» и транзитных шпионов, но настаивал и на заполучении внутренних источников — прежде всего, путем вербовки тех граждан ГДР, которые выезжали из своей страны в третьи страны.

Эта стратегия БНД сохранялась с некоторыми изменениями и даже интенсифицировалась и в годы президентства Клауса Кинкеля (1979–1982), Эберхарда Блума (1983–1985) и Ганса-Георга Вика (1985–1990). Хотя информация об этом открыта только в общих чертах, мы знаем, что в восьмидесятых годах состоялось несколько структурных реформ в БНД, которые не только — как в свое время сложная сеть «филиалов» Гелена — служили конспирации, но и представляли собой гибкий ответ на изменения положения в мире, в политике и в разведке. В конце десятилетия один из пяти подотделов Первого отдела БНД (оперативная агентурная разведка) отвечал за «Советский блок». А в нем из двенадцати рефератов три занимались в основном ГДР:

Реферат 12 В — ГДР: политика, экономика, наука и техника

Реферат 12 С — ГДР: вооруженные силы на юге

Реферат 12 D — ГДР: вооруженные силы на севере.

По сведениям МГБ, по поручению этих находившихся в штаб-квартире рефератов были созданы отделения по управлению агентурной работой в Бремене, Мюнхене и Гамбурге. В каждом из отделений работало от 30 до 40 человек. Бремен подчинялся реферату 12 D, управлявшему военным шпионажем на севере ГДР. Это отделение в 80-е годы специализировалось на массовой вербовке водителей — дальнобойщиков из ГДР.

Мюнхен обрабатывал войска ГСВГ и ННА, дислоцированные на юге. Помимо сбора сведений с помощью завербованных «маршрутников» и транзитных шпионов, это отделение специализировалось на получении информации в ходе целенаправленных опросов. Гамбургское отделение подчинялось не подотделу «Советский блок», а подотделу центральных заданий и межрегиональной разведки, в который входил реферат морской разведки. Это реферат помимо сбора сведений о судоходстве ГДР, собирал также данные о польском и советском судоходстве, а также о верфях, портовых сооружениях, пароходствах и прочих подобных предприятиях и

организациях социалистических стран, имевших выход к Балтийскому морю. При этом МГБ, видимо, ничего не знало о «структурной и организационной системе» отделений БНД, поскольку ему не удалось внедрить туда своих разведчиков или завербовать информаторов.

В Третьем, аналитическом отделе БНД был в то время специальный подраздел «Военный анализ», в котором несколько рефератов обрабатывали сведения о разных аспектах военной ситуации в Восточной Германии: о военной стратегии и об Объединенных вооруженных силах Варшавского договора, о сухопутных войсках, военно-воздушных силах и о военно-морском флоте. Разведка и анализ полученных разведкой сведений из ГДР в семидесятых годах переживали свой ренессанс, во многом благодаря результатам успешного радиоперехвата. В «разведывательном сообществе» НАТО БНД снова считалась разведкой, располагавшей самыми лучшими знаниями о ГДР. И именно работа аналитиков пользовалась там заслуженной славой.

Несмотря на улучшившиеся возможности радиоразведки (SIGINT), в 1970-е годы особенно в плане подслушивания восточногерманского государственного аппарата, для особых условий превентивной разведки боевого порядка и боевого расписания против ГСВГ по-прежнему основное значение играло агентурное слежение за этой мощной военной машиной. «Внешнее слежение за военными объектами путем визуального наблюдения и в настоящее время играет большую роль в разведывательной деятельности империалистических спецслужб». Так было сказано в 1984 году в отчете отдела НА II/4 восточногерманского МГБ. Такое непосредственное наблюдение за гарнизонами перемещениями войск обеспечивало Пуллаху, по оценкам «Штази», «в основном точное определение оснащения и численности войск на военных объектах на основании собранных внешними шпионами данных». До собственного конца «Штази» фиксировала непрерывно возрастающие «усилия БНД по качественному и количественному улучшению своей агентурной работы, несмотря на постоянно развивающиеся возможности технической разведки». Этим самым «снова подтверждалось, что объекты ГСВГ находятся в центре внимания БНД».

б) ГСВГ в период от постройки Берлинской стены до вывода из Германии

После постройки Берлинской стены и постепенного затихания второго

Берлинского кризиса советское военное руководство вернуло в СССР значительную часть тех воинских контингентов, которые были летом 1961 года переброшены в ГДР для военного прикрытия закрытия границы. До 1964 года численность советских войск в ГДР уменьшилась до 331 тысячи человек. Это сокращение соответствовало тогдашней стратегии Хрущева, считавшего, что военный конфликт с НАТО возможен лишь в форме «неограниченной атомной войны» и потому стремившегося усилить стратегические ядерные силы СССР за счет сухопутных войск.

Когда в 1964 году Хрущев лишился власти и на его место пришел новый Генеральный секретарь Леонид Ильич Брежнев, в военном руководстве СССР снова начали прорабатывать вероятность того, что конфликт между НАТО и Варшавским договором, по крайней мере, в своей начальной стадии может носить и обычный, неядерный характер. Потому в конце шестидесятых годов ГСВГ снова была усилена. В этот раз, правда, усиление происходило не за счет переброски новых частей и соединений в Германию, а путем увеличения личного состава уже размещенных там войск и оснащения их большим количеством новой, более мощной боевой техники — артиллерией, танками и т. д. В 1969 году, к примеру, ЦК КПСС принял решение увеличить личный состав советских дивизий с 8000 до 12000 человек и значительно усилить их артиллерией.

Это вовсе не означало, что советские маршалы отказались от доминирующей идеи использования в войне ядерного оружия. Как и раньше, планируемые наступательные операции характеризовались «высоким темпом наступления, быстрыми глубокими прорывами, внезапностью, комбинированием движения и атомной, биологической и обычной огневой мощи, использованием воздушных и морских десантов и массированным использованием авиации». Поэтому увеличивалась и ядерная мощь Группы, достигнутая введением в ее состав дополнительных ракетных бригад и увеличением уже существующих частей в ее составе, оснащенных ядерным оружием.

В конце 60-х годов по оценкам Федеральной разведывательной службы, ГСВГ вместе с войсками Варшавского договора была в состоянии без предварительной мобилизации осуществить наступление в качестве первого эшелона в рамках «стратегической наступательной операции» на западном ТВД и, пройдя территорию ФРГ, за 20 дней достичь французского, испанского и португальского побережья Атлантики, а также французского и испанского побережья Средиземного моря. БНД пришла к выводу, что из-за все большего насыщения существующих войск Варшавского договора и особенно советских войск в ГДР современным

обычным вооружением, «своевременное распознавание признаков подготовки к наступлению становится очень трудным».

Личный состав и вооружение ГСВГ в 1961–1975 годах (по данным БНД)

Год	Личн. состав, чел.	Из них 16-я Возд. армия	Танки	Опер.-такт. ракеты	Истреб.	Истр.-бомбард.	Разведч.	Бомбард.	Трансп. самолеты	Вертолеты
1961	417000	42000	7700	н/д	575	12	н/д	122	н/д	н/д
1961	380000	46000	н/д	42	624	60	133	178	62	75
1963	386000	46000	7500	100	537	108	108	142	46	75
1964	331000	46000	н/д	100	484	146	101	122	46	80
1965	347000	46000	н/д	н/д	456	168	95	122	40	80
1966	347000	46000	6200	114	474	166	90	122	42	80
1967	347000	46000	6100	114	469	162	2	122	42	80
1968	347000	45000	6200	114	466	162	91	40	42	95
1969	355000	45000	5600	139	375	258	97	40	42	102
1970	348000	38100	5850	134	360	250	110	-	60	90
1971	349000	38500	6000	134	380	270	140	-	60	85
1972	356000	38500	6288	134	380	270	130	-	40	90
1973	399375	46313	6700	146	400	270	145	-	35	180
1974	423040	46000	7700	152	410	290	120	-	25	200
1975	429000	45475	7900	152	436	276	99	-	20	261

(н/д — нет данных)

Эту оценку подтвердило участие двух армий ГСВГ в операции по оккупации Чехословакии в августе 1968 года. Федеральная разведывательная службы с середины мая 1968 года фиксировала прибытие подкреплений в ГДР из военных округов Советского Союза, а с 19 июля наблюдала развертывание готовившихся к вторжению войск. Уже непосредственно после начала вторжения БНД сделала следующий вывод из большой численности оккупационных войск: «Советские войска в ЧССР готовятся там к долговременному размещению и снабжению». СССР этой рискованной военной операцией не только подавил «Пражскую весну», но и кардинально изменил «стратегическую ситуацию в Центральной Европе». Войскам НАТО теперь непосредственно по всему фронту от Альп до Балтики противостояли советские войска первого стратегического

эшелона Варшавского договора.

В семидесятых и в начале восьмидесятых годов продолжалось усиление боевой мощи ГСВГ за счет перевооружения как ядерным, так и обычными видами вооружений. В частности, наступательные возможности группировки значительно возросли после дислокации в ГДР десантно-штурмовой бригады и поступления на вооружение большого числа боевых вертолетов. Этой цели служила и передислокация 10- танковой дивизии из Крампница под Потсдамом в городок Альтенграбов, находящийся в 100 километрах западнее.

В сравнении с 1968 годом советская танковая дивизия в 1981 году насчитывала на 2 тысячи человек больше. Она получила дополнительно 150 боевых машин пехоты, количество артиллерийских орудий возросло с 36 до 126. За тот же период советское военное руководство усилило каждую мотострелковую дивизию на 76 танков, 100 БМП, 21 орудие и 2000 солдат.

В 1980 году из-за советского вторжения в Афганистан из Виттенберга была выведена 6-я гвардейская танковая дивизия. Для компенсации этой потери боевой мощи в 1982 году две мотострелковые дивизии были преобразованы в танковые. Теперь их общее количество в Группе достигло одиннадцати. Одновременно изменилась структура подчиненности некоторых дивизий. После этого, к примеру, 3-я Ударная армия, дислоцированная в районе Магдебурга, превратилась в «чистую» танковую армию. Но, несмотря на постоянное увеличение обычных вооружений, советские военные стратеги и в середине восьмидесятых годов видели войну в Европе в первую очередь атомной. Именно поэтому в 1979 году в ГДР были размещены две ракетные бригады и два отдельных ракетных полка, оснащенные ракетами средней дальности (900 км) SS-12/22 (ТР-1). В кульминационный момент претворения в жизнь т. н. «двойного решения НАТО» и дебатов о довооружении советские войска в ГДР насчитывали более 400 тысяч человек, около 7000 танков, 10000 бронемашин, 5000 орудий и минометов, 700 боевых самолетов и 220 ракетных систем класса «земля-земля». Тем самым размещенные в ГДР советские войска «по-прежнему представляли собой краеугольный камень системы» и защищали установившийся там «реальный социализм».

Лишь в 1987 году под влиянием реформаторской политики Горбачева началось переосмысление военной стратегии, что нашло, в частности, символическое отражение в переименовании ГСВГ в Западную группу войск (ЗГВ). В конце 1988 года советский партийный лидер заявил о выводе из ГДР двух танковых дивизий и нескольких других частей явно

наступательного характера. Этот вывод предвещал конец ГДР и тем самым потерю причин для дальнейшего пребывания советских войск в Германии. К концу лета 1994 года Западная группа войск полностью покинула территорию уже объединившейся Федеративной Республики. Этим закончилась и эра слежения за ней агентов Федеральной разведывательной службы.

в) Второй главный отдел МГБ после 1970 года

Последствия возведения Берлинской стены потребовали не только от БНД выработки новой стратегии оперативной работы. Министерству государственной безопасности тоже пришлось отреагировать на изменившиеся условия. Хотя вначале закрытие границы облегчило работу контрразведчикам, борьба с разведкой боевого порядка и боевого расписания осуществлявшейся путем наблюдения за военными объектами Советов, не потеряла своего значения и после 13 августа 1961 года. Первоначальной задачей контрразведки МГБ было как можно быстрее определить, каким образом в будущем западногерманская сторона будет использовать своих военных шпионов в ГДР, какую систему связи она предпочтет, и какую альтернативу выберет Пуллах для продолжения шпионажа за советскими войсками в ГДР, после того как связь с прежними агентами БНД будет постепенно прекращаться. Используя внедрение агентов и проникновение в аппарат служб безопасности ФРГ информаторов, которыми управлял Второй главный отдел — а не Главное управление разведки Маркуса Вольфа, активный контршпионаж МГБ ГДР достиг больших успехов на западногерманской территории, особенно с начал семидесятых годов. По данным бывших сотрудников контрразведки между 1977 и 1986 годами МГБ почти 50 процентов всех первоначальных «наводок» на западных шпионов в ГДР получало от неофициальных сотрудников и с использованием средств и методов из т. н. «оперативной области», т. е. в Западной Германии. Чуть больше 30 % приходилось на сведения, полученные с использованием почтовой цензуры, прослушивания телефонных переговоров и радиоперехвата и оперативных мероприятий в самой ГДР. С 1983 года усилилось сотрудничество Второго главного отдела с Главным управлением разведки, поэтому контрразведка успешно использовала сведения, собранные внешней разведкой ГДР.

После реорганизаций 70-х и 80-х годов четвертый отдел Второго главного отдела больше не занимался вообще борьбой с действиями

разведки БНД а ГДР, а сконцентрировал свою работу на более узком, но приобретавшем все большую важность участке военной контрразведки. Он включал в первую очередь контрразведывательную защиту советских военных объектов, но также и борьбу со шпионажем против Национальной народной армии. Но, во всяком случае, НА II/4 отвечал лишь за инфраструктуру и передвижения войск, на «внутреннюю жизнь» советских и восточногерманских военных объектов его компетентность уже не распространялась. Зато помимо БНД, ему приходилось бороться и с разведками других западных стран, тогда как другие отделы Второго главного отдела, занимавшиеся прежде иностранными разведками, усиленно переключались на работу с западными дипломатами, журналистами, деятелями культуры и с гражданами ГДР, искавшими контактов с гражданами западных стран. Контрразведывательная борьба с БНД и другими западными спецслужбами в сферах политики, экономики и науки перешла в руки шестого отдела Второго главного отдела (НА II/6). Эта функциональная дифференциация Второго главного отдела была результатом общего расширения Министерства госбезопасности в условиях политики разрядки в первой половине 70-х годов. Новая относительная свобода передвижения с Запада на Восток и наоборот обеспокоила охраняемый МГБ режим СЕПГ по двум основным причинам. Во-первых, приезжавшие в ГДР многочисленные гости с Запада оказывали своим свободным и обеспеченным образом жизни «нежелательное» влияние на восточных немцев, во-вторых, упростившийся доступ западных иностранцев в ГДР облегчал и реальные возможности для действий иностранных разведок.

«В этих условиях разведки государств НАТО, прежде всего США и ФРГ, активно используют возможности иностранцев, посещающих социалистические страны для внедрения своей агентуры и маскировки ее деятельности путем «растворения в большом потоке путешественников»». Именно так считала советская военная контрразведка. Число иностранцев из капиталистических стран, «деятельность которых носила признаки военного шпионажа», как написано в докладе КГБ, направленном в адрес МГБ в 1976 году, существенно увеличилось за последние два-три года.

«В результате вступления в силу известных договоров и соглашений о Западном Берлине, в ходе нормализации отношений между обоими германскими государствами и ввиду существенно возросшей международной роли ГДР можно отметить значительное увеличение числа иностранцев из разных

стран, приезжающих в ГДР и пребывающих на ее территории.

В поведении попавших в наше поле зрения иностранцев из западных стран очень часто было замечено стремление проникнуть на территорию советских военных объектов, вести зрительное наблюдение за объектами дислоцированных в ГДР советских вооруженных сил или проявлять неоправданный интерес к советским гражданам».

Политические условия семидесятых годов привели к такому росту задач для контрразведки что только Второй главный отдел — без вторых отделов в 15 окружных управлениях МГБ, который с 1954 года по 1970 год возрос лишь на шестьдесят человек — с 156 до 216, насчитывал в 1981 году уже 1180 сотрудников. Если не считать Главного отдела кадров и обучения, то Второй главный отдел больше всех других служб увеличился в ходе общего увеличения численности персонала МГБ. В первой половине восьмидесятых годов «Штази», очевидно, под влиянием опасений в высших партийных, государственных и военных кругах СССР, нашла явную связь между ставшей более агрессивной в годы правления в США президента Рональда Рейгана стратегией НАТО и вытекавшей отсюда необходимостью для Запада собрать как можно более точную информацию о военном потенциале Варшавского договора. Действовавшая с мая 1982 года в НАТО доктрина «воздушно-наземной операции» была, по мнению советских военных, «стратегией отрубания головы». Для претворения ее в жизнь Западу требовалось узнать точное расположение и качественные характеристики тех военных целей и центров управления коалиции социалистических стран, уничтожение которых предусмотрено в первую очередь. «Тем самым военный шпионаж западных спецслужб против вооруженных сил стран социализма становится еще более важным, чем прежде». Так считали в МГБ, указывая — хоть и не говоря прямо, что тем самым повышается значение и борющейся с таким видом шпионажа контрразведки. Вслед за вызванным внутривнутриполитическими и общественно-политическими причинами быстрым увеличением численного состава контрразведки «Штази» в 1970-х годах, в следующее десятилетие внешнеполитическая и военно-политическая ситуация привели к дальнейшему, хоть и более медленному увеличению Второго главного отдела и вторых линий в окружных управлениях МГБ.

г) Другие силы и средства МГБ ГДР, участвовавшие в

контрразведывательной деятельности

Но мероприятия МГБ по борьбе с действиями западногерманских спецслужб в ГДР не ограничивались, однако, деятельностью лишь Второго главного отдела. Прежде всего, по взглядам «Штази», под контролем следовало держать: а) туристов и прочих иностранцев, приезжавших в ГДР, б) телефонную связь с Западом и в) почтовую переписку, в том числе телеграммы, бандероли и посылки. Именно эти пути открывали разнообразные возможности для шпионажа в Восточной Германии и для установления связи с разведслужбами противника.

(а) Непосредственно после постройки Берлинской стены в Министерстве госбезопасности появился розыскной реферат, сотрудники которого действовали в форме служащих народной полиции. Их основной задачей было разоблачение путей побега из ГДР на Запад. Кроме того, они оказывали поддержку контрразведке. Сотрудники этого реферата особенно часто использовались на пограничных переходах из Восточного в Западный Берлин. А в августе 1962 года была образована рабочая группа паспортного контроля и розыска на транзитных путях между Западным Берлином и ФРГ. Задачи рабочей группы, как и задачи розыскного реферата, состояли в розыске и перекрытии лазеек, используемых для побега на Запад, и в предотвращении несанкционированных контактов между восточногерманскими и западногерманскими гражданами. Так как транзит в Западный Берлин и обратно в ФРГ предоставлял хорошие возможности для установления агентурной связи, слежка за такими путями коммуникаций и предотвращение шпионских контактов, наряду с предотвращением попыток бегства стали одними из важных причин для введения контроля и наблюдения за пассажирскими перевозками и туризмом. В 1964 году рабочая группа была преобразована в Главный отдел паспортного контроля и розыска, в 1970 году после слияния этого подразделения с таможенной контрразведкой был образован Шестой главный отдел. Этот главный отдел с того времени занимался всеми вопросами, связанными с западным туризмом в ГДР, а также с наблюдением за пассажирскими перевозками в целях поиска и разоблачения лиц, подозреваемых в шпионской деятельности. Этот факт говорит о том, что значение шпионов-«маршрутников» и транзитных шпионов в качестве угрозы в глазах аналитиков МГБ возросло. До 1989 года Главный отдел разросся до двух тысяч сотрудников, вместе с работниками шестой линии в окружных управлениях, «Шестерка» в конце

существования ГДР насчитывала свыше 7600 штатных сотрудников (из 91 тысячи во всей госбезопасности), будучи самой большой по численности персонала линией во всем МГБ.

После вступления в силу в декабре 1971 года Транзитного соглашения между Бонном и Восточным Берлином наблюдение за туристами и гостями ГДР еще больше разрослось и эту задачу пришлось переложить на плечи нескольких разных служб. Шестой главный отдел по-прежнему отвечал за контрольно-пропускные пункты на границе и за все вопросы, связанные с пересечением границы. Восьмой главный отдел (наружное наблюдение и расследование) занялся секретным контролем автотранспорта, Девятнадцатый главный отдел (разведывательный контроль транспорта, почты и связи) организовывал наблюдение за железными дорогами и речным транспортом. Контрразведка в чистом виде, следует заметить, была лишь одной из задач этих главных отделов, но с другой стороны, это означает, что у Второго главного отдела не было монополии на контрразведывательную работу.

Необходимо было держать под контролем транспортные перевозки, как людей, так и грузов — задача почти непосильная. В середине шестидесятых годов одиннадцать автомобильных, железнодорожных и речных путей транзитом проходили через ГДР. Уже в 1972 году только сухопутным путем в Берлин и из Берлина проехало одиннадцать миллионов человек, в 1984 году число транзитных путешественников составляло уже 32,2 миллиона. Только в 1980 году 2,7 миллиона западных немцев посетили ГДР, кроме того, 2,6 миллиона западных берлинцев приезжали в восточную часть города и в ГДР, и еще 1,4 миллиона западных немцев совершили «однодневные поездки» (без ночевки) в Восточный Берлин. В среднем каждую субботу этого года 40000 граждан западных государств приезжали в Восточный Берлин.

(б) Уже через год после создания МГБ, то есть, в 1954 году было образовано подразделение для контроля телефонных переговоров, преобразованное год спустя в самостоятельный отдел. В 1960 году он получил название, под которым просуществовал до самого конца — Отдел 26. С середины 70-х годов на него были возложены в большей степени контрразведывательные задачи, обозначенные как «Задание X». К репертуару относились активные и пассивные мероприятия, от установки защищенных от «прослушки» телефонов и использования специальных приборов для установки помех, мешавших противнику прослушивать разговоры до слежки за телефонами, владельцы которых вызывали подозрения. Масштабы прослушивания телефонов, наконец, возросли

настолько, что в Восточном Берлине все абоненты открытой телефонной сети при необходимости могли прослушиваться и одновременно записываться до двух тысяч телефонных переговоров. Первое было возможно лишь потому, что в Восточном Берлине на 100 жителей приходилось в начале 80-х годов лишь четыре телефона (в ФРГ в то же время — целых 43!). Два десятилетия Отдел 26 следил за телефонными звонками на Запад, но в 1983 году эта задача была передана повышенному в статусе до Главного отдела Третьему отделу радиоперехвата и радиотехнической разведки. Тем самым в организационном и техническом планах деятельность «Штази» по контролю за телефонным звонкам внутри ГДР и из ГДР в ФРГ была разделена. Если Третий главный отдел подслушивал беспроводную связь, радиопереговоры, связь со спутников и автомобильных телефонов, а теперь и зарубежные звонки с телефонов и телефаксов, то Отдел 26 по-прежнему отвечал за проводную телефонную связь в самой ГДР. Впрочем, использование этого отдела в контрразведывательных целях возросло. Восьмидесятых годах Отдел 26 получал большинство запросов на прослушку от Второго главного отдела, например, в 1985 году — 299 запросов на прослушивание телефонов и 59 на акустическое слежение за помещениями, причем это количество почти удвоилось в сравнении с началом десятилетия.

(в) Уже с начала шестидесятых годов «Штази» интенсивно разыскивала шпионов с помощью почтового контроля. За это отвечал, в первую очередь, Отдел М, но в 1950-х годах основной его задачей все еще был поиск писем с критикой восточногерманской действительности, составление отчетов об общественных настроениях и поиск «наводок» на попытки бегства из страны. Зато в следующем десятилетии основную роль уже играла борьба с разведывательными контактами между Западом и Востоком. Даже когда в семидесятых годах важной задачей почтовой цензуры снова стала слежка за попытками сбежать или эмигрировать, идентификация разведывательных агентурных связей сохраняла свое значение до самого конца существования МГБ. Предпосылкой к облегчению такого контроля стало, в частности, введение в 1961 году в ФРГ цифровых почтовых индексов. Почти в то же время контрразведка выяснила, что западные спецслужбы после постройки Стены перевели свои агентурные контакты на использование почтовой переписки, интенсивно пользуясь невидимыми чернилами. Потому главной задачей стал поиск писем со скрытыми сообщениями, написанными симпатическими чернилами между строк безобидного послания. В принципе этот способ бесконтактной связи между оперативниками БНД и их агентами в ГДР был

известен «Штази» еще с середины 50-х годов. Но в 1964 году — дополнительно к Отделу М — внутри Второго главного отдела был создан специальный Отдел 6, анализировавший все известные госбезопасности методы использования противником почтовой связи и создававший на их основе таблицы-модели с образцами для поиска подобных признаков, основным смыслом которого было точное распознавание метода агентурной связи между источниками и их «кураторами». После того как отдел НА II/6 с 1978 года стал заниматься политической и экономической контрразведкой, его задачи были возложены на отдел НА II/5. Оба подразделения тесно сотрудничали с Шестым главным отделом и с Отделом М.

В Пуллахе, очевидно, не догадывались, что методы работы восточногерманской контрразведки по контролю за почтовой связью достигли уровня точной науки, и госбезопасности удалось во многом проникнуть в тайны агентурной переписки. Как и при всяком массовом использовании агентурной разведки (HUMINT), перед Пуллахом уже из соображений экономии труда встала проблема стандартизации своих методов работы. Никак нельзя было придумывать для каждого наблюдателя, каждого транзитного шпиона и каждого «маршрутника» свои, особые инструкции по легендированию, методам работы и поведению. Тем не менее, вполне можно говорить об излишней беспечности Федеральной разведывательной службы в тех случаях, когда ее источники по-прежнему должны были отправлять свои написанные невидимыми чернилами сообщения на одни те же адреса в Баварии, Баден-Вюрттемберге, Нижней Саксонии и в Западном Берлине. Количество таких адресов было невелико, и когда на эти «адреса прикрытия» направлялось слишком много писем, это уже вызывало подозрение у скрупулезных контрразведчиков из Отдела М, предполагавших шпионскую подоплеку. Так как невидимые донесения обычно вписывались между строк заранее подготовленных БНД безобидных писем, то Второй главный отдел вскоре завел у себя центральную картотеку почерков, и специалисты по почеркам вскоре смогли идентифицировать в этих заранее подготовленных ничего подозрительного не содержащих текстах по почерку признаки определенных авторов писем из БНД. Но эта методическая изобретательность мастеров из МГБ не соотносилась с само собою разумеющимися организационными возможностями для улучшения слежения за операциями БНД. Хотя Отдел М и его филиалы в окружных управлениях МГБ после 1961 года значительно расширили систему почтового контроля, но в важной децентрализованной работе второй линии

в округах только в 1984 году отделы М окружных управлений были подчинены руководителям вторых отделов.

д) Лицом к лицу с БНД

Хотя в начале семидесятых годов глава Ведомства Федерального канцлера Хорст Эмке потребовал от БНД добывать больше информации о политических процессах в Восточном Берлине, разведка боевого порядка и боевого расписания ввиду сохранявшейся, хоть и скрытой военной угрозы во время Холодной войны, оставалась постоянной задачей для источников БНД по восточную сторону Железного занавеса. Пусть БНД в то время отправляла в Бонн больше отчетов о политической ситуации в ГДР, но среди добытой Службой информации преобладали конкретные сведения, касающиеся именно военного шпионажа. В середине семидесятых Второй главный отдел МГБ сообщал, что «военный шпионаж для БНД по-прежнему играет очень большую роль. Подтверждено, что все подразделения БНД свою деятельность посвящают исключительно организации военного шпионажа, проводя широкомасштабные действия против ГДР».

*Службные подразделения МГБ ГДР, занимавшиеся контрразведывательной деятельностью
(1980-е годы)*

Первый главный отдел	Военная контрразведка: контрразведывательное обеспечение Национальной народной армии пограничных войск
Второй главный отдел	Контрразведка
Третий главный отдел	Радиоперехват, контрразведка SIGINT, контроль телефонных переговоров с зарубежными абонентами
Шестой главный отдел	Паспортный контроль, контрразведывательное обеспечение туризма, пассажирского (в т.ч. и транзитного) движения
Седьмой главный отдел	Контрразведывательное обеспечение военизированных подразделений Министерства внутренних дел («полиция готовности» — гражданская оборона — боевые группы трудящихся)
Восьмой главный отдел	Контрразведывательное обеспечение транзитного автомобильного движения, наблюдение за военными миссиями связи и военными инспекциями
Девятый главный отдел	Проведение расследования и сбор доказательств для судебных процессов над военными шпионами
Восемнадцатый главный отдел	Контрразведывательное обеспечение строительства военных объектов, специальной торговли, а также государственных учреждений, предприятий и организаций военной промышленности и научно-исследовательских институтов, имеющих военное значение
Деятнадцатый главный отдел	Контрразведывательное обеспечение почтовой и телефонной связи, зарубежных грузовых перевозок, военных транспортных перевозок, государственной железной дороги («Дойче Райхсбан»), речного и морского судоходства
Двадцатый главный отдел	Контрразведывательное обеспечение военных узлов связи, военной техники связи и контроль над Обществом спорта и техники
Отдел М	Почтовый контроль (письма, посылки, телеграммы)
Отдел 26	Телефонный контроль и прослушивание, прослушивание помещений, оптическое наблюдение и документирование, конспиративное проникновение на объекты
Рабочая группа Е	Материально-техническое обеспечение и реализация внешнего обеспечения основных военных объектов и разработка технических средств для борьбы с автоматическими разведывательными системами противника
Главное управление разведки	Контршпионаж

(В принципе, в МГБ само собой подразумевалось, что и все остальные подразделения и работники отвечают за контрразведку, если они в своей сфере деятельности сталкиваются с какими-либо проявлениями разведывательной активности противника.)

Надо сказать, что МГБ отмечало и тот факт, что «источники западногерманской разведки порой оставляют вне внимания даже другие выгодные возможности для шпионажа (например, в области науки и техники), только для того, чтобы полностью сконцентрироваться на военном шпионаже». В 1978 году отчет Второго главного отдела

подчеркивал, что «БНД, используя военных шпионов, направляемых с территории ФРГ и из Западного Берлина и злоупотребляя туристическим и транзитным перемещениями граждан по и через ГДР постоянно получает современную информацию» и не только о военной ситуации в ГДР, стоящей в отчете на первом месте, но также и «о политическом положении, о настроениях и мнениях в среде населения ГДР». Ответственный за военную контрразведку Первый главный отдел в середине восьмидесятых годов сообщал, что «противнику удалось выведать дислокацию, структуру и основные детали вооружения сухопутных войск ННА. Личный состав, боеготовность и оперативное подчинение в общем и целом оцениваются противником правильно».

Это положение не прошло и мимо внимания военной контрразведки КГБ в ГДР. Уже в середине семидесятых годов советская военная контрразведка отмечала, что количество лиц, в поведении которых после приезда в ГДР отмечались признаки военного шпионажа, значительно увеличилось после заключения соглашений о нормализации взаимоотношений между обоими германскими государствами и возросшего международного признания ГДР. Справиться с возросшим потоком приезжающих, среди которых немало шпионов, тяжело. «Оперативно-чекистская практика показывает, что в условиях массового въезда иностранцев в социалистические страны практически невозможно спрятать места дислокации частей и соединений Группы войск». Такое признание советских контрразведчиков указывает не только на разведывательную деятельность агентов иностранных спецслужб, но и на возможности западной радиоразведки, и в еще большей степени на огромный потенциал оптической разведки (IMINT). Даже не учитывая разведку со спутников и дальнейшее наблюдение с высотных разведывательных самолетов, которые могли вести разведку, барражируя вдоль границ и не залетая в воздушное пространство ГДР, даже полеты по трем воздушным коридорам в Западный Берлин позволяли с «потолка» в три тысячи километров следить с помощью авиационных фотоаппаратов за шестой частью восточногерманской территории.

Открытые на сегодня отчеты БНД (finished intelligence) показывают, что Служба, несмотря на потерю собственных наблюдателей на местах и многих внутренних источников из числа восточных немцев, вполне была в состоянии создать реальную картину боевого потенциала советских войск. Это касалось не только ГСВГ в Восточной германии, Северной группы войск в Польше, Центральной группы войск в Чехословакии и Южной группы войск в Венгрии, но и отдельных военных округов в самом СССР,

вплоть до восточных округов, таких как Среднеазиатский, Сибирский, Забайкальский и Дальневосточный. Но из отчетов БНД нельзя с уверенностью узнать, на каких именно источниках они основывались. Помимо собственной агентурной разведки, заметно частое использование сведений радиоперехвата. Открытым остается вопрос, в какой степени Федеральная разведывательная служба могла пользоваться результатами спутниковой и авиационной разведки англичан и американцев. Классический отчет „order-of-battle“ о 2-й Гвардейской армии ГСВГ за 1970 год при перечислении отдельных ее соединений и частей называет и последнее подтверждение сведений, которое смогла добыть сама Федеральная разведывательная служба. В случае с некоторыми полками и батальонами они доходят до 1963 и 1964 годов, когда еще не была разрушена агентурная сеть БНД, созданная до Стены. Но сведения о дислокации других частей армии были в последний раз подтверждены источниками БНД в 1965, 1966 и 1967 годах. В это время БНД уже признала неопределенность некоторых сведений в своих отчетах. В них появились такие выражения как «уже не определяемые части» и «возможно находящиеся в данных районах части», «изменения, не поддающиеся точному определению», «вероятные сообщения», «предполагаемые наблюдения», «недостаточные сведения» а о некоторых батальонах и полках даже сказано «место дислокации неизвестно».

Так как Федеральная разведывательная служба в принципе с успехом могла в своей работе пользоваться накопленными за десятилетия базовыми «сравнительно полными сведениями» о военных объектах и войсках ГСВГ (и Национальной народной армии), ей удавалось держать свой уровень знаний о противнике на стабильном уровне. В 1970-х и 1980-х годах западные спецслужбы целенаправленно охотились за сведениями о любых изменениях в войсках, особенно об изменениях, затрагивающих смену войск, модернизацию боевой техники, улучшение методов работы военных штабов и текущей учебной подготовки, проведения маневров и т. д. Но из-за уменьшившегося или запаздывающего поступления информации с одной задачей разведка боевого порядка и боевого расписания уже не могла справиться в надлежащей степени. Речь идет о постоянном, лучше всего ежедневном сбое сведений, позволяющим по определенным признакам определить, не являются ли передвижения войск противника непосредственной подготовкой к его наступлению. Передача подобных сведений требовала быстроты, иначе сведения «прокисали». Правда, с шестидесятих годов развитие технической разведки помогло частично заменить агентов в выполнении этой задачи, но ее возможностей было

недостаточно для создания полной картины дислокации войск противника и его намерений. Впрочем, после Карибского кризиса в отношениях между Москвой и Вашингтоном постепенно появились признаки разрядки, достигшей своего апогея в начале семидесятых годов, что в какой-то мере гарантировало невозможность нанесения внезапного военного удара.

Самыми актуальными в информационном потоке Пуллаха были так называемые ВМ-донесения — результаты радиоперехвата. Потому легче всего западногерманской разведке удавалось идентифицировать те части, которые проявляли активность в эфире, например подразделения радиоэлектронной борьбы. В принципе, части и подразделения войск связи, радиолокационные подразделения, а также подразделения ВВС являлись более легкой целью для радиотехнических и радиоэлектронных средств разведки БНД, чем сухопутные войска. Примером может послужить ведение разведки за разведывательным авиаполком, дислоцировавшимся в Алльштедте и входившим в 16-ю Воздушную армию ГСВГ. В отчете об этой части содержатся детальные сведения о полетах самолетов этого полка, причем эти данные явно технического характера и не могли быть получены от агентурных источников, сопровождавшиеся общими знаниями о советских ВВС и сделанными на их основе выводами о численном и структурном составе этого полка... Достоверность правильности и полноты важных наблюдений оценивалась БНД в 85 %. Проникая в радиосвязь и обрабатывая радиолокационные данные, Пуллах мог сделать выводы о методах летной подготовки, об уровне обучения летчиков, часах и задачах полетов, выполнении заданий и зависимости от метеоусловий. Наблюдатели на местах, конечно, не могли бы получить такие знания. Очевидно, тщательное наблюдение велось и за другими полками 16-й Воздушной армии, потому что только путем сравнения аналитики могли прийти к выводу, что из всех тактических авиачастей этой армии именно разведывательный авиаполк в Алльштедте обладает «наилучшей боевой и ночной летной подготовкой».

Особо хорошие знания о советских ВВС и тем самым более простое и легкое использование методов SIGINT в сравнении с HUMINT подтверждаются и годовым итоговым отчетом БНД за 1975 год. В нем детально описывается перевооружение с самолетов второго на самолеты третьего поколения в истребительных, истребительно-бомбардировочных и разведывательных авиаполках 16-й Воздушной армии в ГДР. Доклад свидетельствует и о хорошей информированности о войсках ПВО СССР, о сухопутной ПВО в Группе войск в странах-сателлитах, об организации системы связи и наведения истребителей-перехватчиков. Нельзя

исключать, что какие-то сведения исходили от агентов, но незаурядная глубина и детальность доклада объясняются исключительно использованием различных электронных средств разведки (COMINT и ELINT). Потому следующие десять лет ВВС и ПВО занимали основное место в западной разведке — и не только из-за их боевого значения, но и по причине большей «доступности для разведки».

По данным восточногерманской госбезопасности Федеральная разведывательная служба и ее западные партнеры в первую очередь при ведении разведки против сухопутных войск ГСВГ в семидесятых и в восьмидесятых годах интересовались следующими вопросами:

поступлением, количеством, дислокацией и характеристиками новых видов боевой техники, например, танков Т-72 и Т-80;

сведениями о боевых вертолетах, новых зенитных, противотанковых ракетах и ракетах класса «земля-земля»;

модернизацией существующих автоматических систем управления огнем, радиолокационной техники и систем связи;

наблюдением за специальными машинами для перевозки ядерных боеголовок.

Очень часто западные разведки и военные миссии связи интересовались и точными сведениями о вооружении и боевой технике Варшавского договора. По сведения МГБ, их интерес к танку Т-72 касался таких вопросов:

лазерный дальномер;

система управления огнем;

дальнейшее развитие 125-мм гладкоствольной пушки;

улучшение бронирования путем использования нового материала;

повышение мощности двигателя.

Другие моменты были менее важны, поскольку, по словам Первого главного отдела, о «снабжении боеприпасами и топливом, а также о резервных складах противник обладает полными сведениями».

Задача БНД и других западных служб состояла в создании общей картины военных возможностей Восточного блока — посему за арсеналом оружия и техники следовало шпионить столь же тщательно, как за инфраструктурой и текущими маневрами и учениями — а также и его намерений. Поскольку в шестидесятых годах, насколько нам известно, (а более широкое открытие архивов БНД в будущем позволит, вероятно, узнать это более точно!) с каждым годом все реже удавалось внедрить своего агента из числа немецкого вспомогательного персонала на советские объекты, узнать о намерениях можно было только продолжая использовать

опробованную стратегию интенсивного наружного наблюдения. Но и для этого Федеральной разведывательной службе необходимо было пополнить свой кадровый резервуар. После того, как старая сеть из граждан ГДР, использовавшихся как наблюдатели за гарнизонами, была разрушена не позднее начала семидесятых годов, Пуллаху оставалось лишь увеличивать число своих транзитных и разъездных шпионов. «С точки зрения полиции и госбезопасности транзитные автобаны представляли собой просто продление государственной границы ГДР внутрь страны». Они считались «пространством, по которому агенты, диверсанты и шпионы с Запада сравнительно легко могли проникать в ГДР».

Именно «маршрутники» и транзитные шпионы стали головной болью для советской военной контрразведки в ГДР. Разумеется, нередко ей удавалось задокументировать на месте шпионские действия некоторых лиц, к примеру, наблюдение за каким-либо объектом. Но офицерам особых отделов КГБ в ГСВГ не удавалось засечь момент собственно передачи шпионских сведений, поскольку такая передача происходила обычно в ФРГ или в Западном Берлине. А без доказанного факта такой передачи судебное преследование агентов не представлялось возможным. Только в сотрудничестве с МГБ постепенно открывались возможности более активно бороться с такими формами шпионажа.

Гельмут Вагнер, в свое время офицер Второго главного отдела, в своих воспоминаниях описывает сконцентрированную операцию МГБ против транзитных шпионов, действовавших с одной из неофициальных резидентур БНД в Берлине. В операции участвовали помимо Второго главного отдела министерства также сотрудники вторых линий окружных управлений Берлина, Потсдама, Геры, Шверина, Магдебурга и Эрфурта, а также подчиненные МГБ службы паспортного контроля. С 1966 по 1978 год шпионы как перелетные птицы под руководством берлинского филиала БНД ездили через ГДР. Только по железной дороге ежедневно путешествовали до шести агентов. В ходе долгосрочной операции МГБ „Angriff“ («Атака») за семидесятилетие было арестовано почти 40 из 75 идентифицированных шпионов. Только в 1977 году в сети МГБ попали 14 завербованных БНД лиц, в основном транзитных шпионов. Их арест и последующее судебное наказание МГБ вполне можно считать своим оперативным успехом, и, что касается судьбы отдельных арестованных «перелетных птиц», то трудно подобрать другую оценку. Однако, с другой стороны операция «Атака» почти на десятилетие сковала значительную часть сил госбезопасности, и при всем этом контрразведка так и не добила окончательного успеха: военная разведка БНД в ГДР не

прекратила надолго свою деятельность. Кроме того, Второму главному отделу пришлось признаться себе в том, что разоблаченные транзитные шпионы и «маршрутники» не были бабочками-однодневками, а уже долгое время беспрепятственно занимались шпионажем за военными объектами и войсками.

Среди арестованных в 1977–1986 годах шпионов спокойно смогли шпионить в пользу западных спецслужб:

40 процентов на протяжении до трех лет до момента ареста;

22 процента — от трех до пяти лет;

23 процента — от пяти до десяти лети;

и 15 процентов — более десяти лет.

В литературе назывались даже имена таких «долгоиграющих» шпионов. Например, западноберлинец Карл Рехенберг, шпионил на БНД СС 1969 года и в феврале 1982 года был приговорен к 15 годам тюрьмы, Зигурд Вебер, с шестидесятых годов по поручению БНД в течение пятнадцати лет наблюдавший за советскими маневрами в районе Магдебурга, или «деликатесная шпионка» Хильдегард «Хелла» Цикманн, приговоренная к двенадцати годам тюрьмы в 1987 году. Фрау Цикманн еще с пятидесятых годов и вплоть до постройки Стены, а затем снова — с середины семидесятых годов до своего ареста шпионила в пользу разведки американской армии. На дрезденском рынке «Дрезденер Марктхалле» она занималась особым снабжением советских офицеров продуктами и выспрашивала в разговорах с ними о многих интересных для американцев вещах. Зная это, преисполненные гордости рассказы бывших сотрудников МГБ об их успехах в противоборстве с якобы «прозрачной для них» БНД, представляются уже в несколько ином свете.

С апреля 1977 по декабрь 1981 года по подсчетам МГБ благодаря сотрудничеству военной контрразведки КГБ в ГСВГ и Второго главного отдела было разоблачено 37 западных шпионов. Начальник Третьего главного управления КГБ (военная контрразведка) генерал-лейтенант Николай Александрович Душин за период с 1977 по март 1983 года насчитал несколько меньше — 25 разоблаченных шпионов западных спецслужб. 60 % из них работали на БНД. С 1982 по март 1985 года, согласно Душину, были арестованы еще 24 шпиона, занимавшиеся разведкой против ГСВГ. 80 % из них выполняли задания БНД. Среди арестованных были, как и прежде, граждане ГДР, а не только транзитные и разъездные шпионы из ФРГ и Западного Берлина — на жаргоне МГБ, «агентуры». Только в 1987 году «Штази» арестовала за военный шпионаж как минимум пятерых восточных немцев, из них четверо работали на БНД:

Йоханнес В. (оперативные дела «Инженер» и «Игла»), которому к моменту ареста исполнился уже 81 год; Бернд М. (оперативное дело «Кукла»), 1942 года рождения, переехал лишь в 1985 году из ГДР в Западный Берлин, где был торговцем и контрабандистом антиквариата; супружеская пара Зигфрид и Ева Х. (оперативное дело «Бербер»), 1933 и 1927 года рождения; Ульрих Л. (оперативное дело «Фотограф»), 1953 года рождения. Пятым агентом была уже упоминавшаяся 62-летняя Хильдегард Цикманн (оперативное дело «Антенна»), выполнявшая задания американского армейского Командования разведки и безопасности (INSCOM). Несколькими годами ранее Второй главный отдел установил, что 70 % всех военных шпионов БНД прибывали из «оперативной области», то есть, были западными гражданами, но оставшиеся 30 % по-прежнему составляли граждане ГДР, действовавшие в качестве «агентур на местах». Среди них, несомненно, были и внутренние источники, например, завербованный БНД электрик Герхард Д., работавший в центральной ремонтной мастерской ГСВГ в Цеезене. В рамках «народного предприятия специального строительства и специальной торговли», занимавшегося инфраструктурой и снабжением советских объектов, в советских гарнизонах и учреждениях постоянно работали более двух тысяч граждан ГДР, и еще шесть тысяч работали временно — на договорной основе. Под натиском требований Советов оперативная ответственность за наблюдение за этим кругом лиц была возложена на Второй главный отдел МГБ.

После того, как в пятидесятых годах БНД в основном делала ставку на граждан ГДР, используемых как внутренние источники и внешние наблюдатели за военными объектами, со второй половины шестидесятых годов началась усиленная вербовка транзитных агентов и «маршрутников», а в семидесятые годы под руководством Рихарда Майера западногерманская разведка стала вербовать, в основном, в третьих странах «выездные кадры» — восточных немцев, выезжавших за рубеж по профессиональной надобности, то с началом эры Клауса Кинкеля в инструментарии БНД появилась новая категория потенциальных агентов — «лица с большими возможностями передвижения по ГДР», попросту говоря, профессиональные водители-дальнобойщики — как западногерманские, так и из ГДР, а также сотрудники восточногерманской железной дороги «Дойче Райхсбан» и западногерманские речники. В середине восьмидесятых годов 72 %, то есть почти три четверти всех идентифицированных «Штази» информаторов БНД были из числа лиц, занимавшихся международными грузовыми перевозками. Кроме того, в продолжение стратегии Майера БНД целенаправленно пытался вербовать

восточных немцев, имевших право выезда за границу, в основном из экономического сектора ГДР, а также пенсионеров — как по возрасту, так и инвалидов. Сорок процентов выехавших в 1985 году в зарубежные командировки граждан ГДР ездили именно в ФРГ. Из 61 тысячи человек, выезжавших в этом году зарубежных командировок в несоциалистические страны — в конце 1986 года таких было уже 70 тысяч (что составляло примерно 0,42 % населения ГДР) из сфер промышленности, транспорта, здравоохранения, высшего образования, науки, культуры и спорта, примерно одну десятую составляли сотрудники МГБ. В отдельных секторах их количество было значительно выше. Среди всех неофициальных сотрудников Восемнадцатого главного отдела (защита народного хозяйства) в середине восьмидесятых годов почти половину составляли «выездные кадры». В Девятнадцатом главном отделе (защита транспорта) среди неофициальных сотрудников право на заграничные командировки имели четверть сотрудников.

Госбезопасность быстро узнала о попытках БНД вербовать граждан ГДР, выезжавших за границу. На самом деле, некоторые «выездные кадры» в качестве так называемых «неофициальных сотрудников, контактирующих с противником», по заданию МГБ специально «подставлялись» вербовщикам БНД, чтобы узнать больше о персонале и о методах действий Федеральной разведывательной службы. Но характер двойной игры БНД и МГБ в равной степени «просчитывался» обеими спецслужбами. Ведь каждая из сторон надеялась, что спецслужба противника раскроет больше своих методов, чем ее собственный аппарат. Стоило Восточному Берлину начать такую игру, как ему тут же приходилось снабжать своих агентов так называемым «игровым материалом», то есть, правдивыми сведениями, и таким образом Пуллах мог узнавать реальную информацию. Хотя МГБ в восьмидесятых годах даже провоцировало подобные процессы так называемой «работой в поле зрения», когда оно специально подводило «выездные кадры» ГДР на Западе к агентам БНД, чтобы создавать контролируемые информационные каналы и предотвращать другие попытки разведывательных операций противника против определенной цели, в госбезопасности прекрасно осознавали двойственность эффекта от таких шпионских игр. Это тоже не ускользнуло от внимания БНД. Пуллах поддавался на такие игры, хорошо зная, что «Штази» придется давать в руки своим «наживкам» настоящий материал, чтобы тех не разоблачили сразу.

«Сведения, столь безопасно добытые, стекались в БНД, а

оттуда в обработанной форме после оценок и анализа направлялись Федеральному правительству и другим заинтересованным учреждениям. Они правдиво и полно охватывали факторы, процессы и оценки ситуации в политической, военной, экономической и научно-технической сферах».

Речь тут идет об информации, которую, по мнению БНД, «рано или поздно можно будет проверить с помощью тех путешественников на Запад, в том числе и западных граждан, действия которых не контролируются и не направляются МГБ». И время от времени граждане ГДР действительно сотрудничали с БНД, причем МГБ не удавалось идентифицировать источник. По словам генерала «Штази» Вернера Гроссманна, «хотя мы и определяли измену и ее масштаб, но нам не удавалось собрать доказательства для разоблачения агента».

Для восточногерманских ученых в арсенале Пуллаха имелось еще одно специальное средство давления. Им могли пригрозить, что в будущем им не будут выдавать визы для посещения ФРГ, а также других западных стран.

«И тогда почти неожиданно появлялась новая мотивация для шпионской деятельности граждан стран Восточного блока в пользу западных разведок. Это были озабоченность и страх, что они как ученые и исследователи могут потерпеть неудачу, сломать свою многообещающую карьеру, если утратят вожделенный контакт со свои коллегами на Западе, где исследования и наука процветают. Кроме того, они опасались, что могут лишиться своего привилегированного статуса как признанные МГБ «выездные кадры»». (Марквардт, «Пережитое в БНД»)

Когда в 1985 году президентом БНД стал Ганс-Георг Вик, госбезопасность, как ей казалось, разгадала новую вариацию методики работы Федеральной разведывательной службы — уменьшение — но не прекращение — массовой вербовки разъездных внешних источников, поскольку результаты, в особенности, транзитного шпионажа не входили ни в какое соотношение с долей потерь среди завербованных агентов. Вместо этого началось наступление с целью активной вербовки и внедрения эффективных внутренних источников («агентур», по жаргону

«Штази») в среду вооруженных органов ГДР, то есть помимо ННА и МГБ, также в пограничные войска, в Народную полицию и в таможенную службу.

«С начала 80-х годов БНД форсировала усилия по количественному и качественному усилению своей агентурной разведки, несмотря на дальнейшее развитие технических разведывательных средств, поскольку агентура по-прежнему остается незаменимой составной частью общей разведки и необходимым дополнением результатов технической разведки».

Мы не можем предоставить подтверждения обсуждаемой в «Штази» новой методики агентурной разведки на основании досье из Пуллаха, поскольку к таким документам БНД доступа пока нет. Так или иначе, МГБ ежегодно фиксировало около 40 вербовочных подходов к гражданам ГДР, занимавшим значительные должности в государственном и армейском аппаратах и в аппарате служб безопасности. Примерно половину этих вербовок пыталась проводить БНД. В этот период, когда в военно-политической сфере самым острым вопросом было размещение в ГДР советских ракет SS-20, военный шпионаж, по оценкам МГБ, стал особо приоритетным для БНД. «Поэтому и в будущем военная контрразведка тоже будет одной из первоочередных задач МГБ и Второго главного отдела». Такова была оценка руководителя Второго главного отдела в его докладе в первый год президентства Ганса-Георга Вика.

Вся ГСВГ, как и три другие советские Группы войск в восточноевропейских странах, из-за ее численности личного состава мирного времени, по классификации БНД попадала в первую, наивысшую категорию боеготовности (из трех). В начале семидесятых годов БНД полагала, что за исключением кадрированных частей, боевая техника которых находится на складах, и они только в случае войны развертываются до 100 % численности, все четыре дислоцированные за пределами СССР Группы войск укомплектованы личным составом на 100 %. Среди 16 военных округов на территории СССР такой уровень боевой готовности был тогда только в двух — в Забайкальском и в Дальневосточном, а также в советских войсках в Монголии. Причиной этого был продолжавшийся советско-китайский конфликт, апогеем которого был пограничный конфликт на реке Уссури в 1969 году, а также столкновения на Амуре, в Казахстане и Синьцзяне. Итак, БНД в своей классификации указывала, что в ГСВГ показатели численности наличного

состава были равны численности штатного состава, то есть, в мирное время войска насчитывали столько же людей, что и военное время при полном развертывании. Численность Групп войск по данным Пуллаха в 1973 году была такой: ГСВГ — 321000 человек, Северная группа войск — 46400 человек, Центральная группа — 95650 человек. В Южной группе подтвержденным считался показатель в 64000 солдат, но предполагалось большее их число.

В самой Группе советских войск в Германии по оценкам МГБ Федеральная разведывательная служба больше всего интересовалась 8-й Гвардейской армией, потому что она, расположенная в южных округах ГДР, в советском боевом порядке занимала ключевую позицию и была лучше всего вооружена и обучена. К соединениям 3-й Ударной армии к западу и 2-й Гвардейской танковой армии к северу и северо-западу от Берлина подобный интерес со стороны западногерманской разведки мог только предполагаться, но не подтверждаться, ибо интенсивность разведывательных операций в местах дислокации этих оперативных объединений значительно уступала интенсивности слежения за 8-й Гвардейской армией. Это, конечно, не означает, что военные шпионы в северной части ГДР бездельничали. В шести округах: Росток, Шверин, Нойбранденбург, Магдебург, Франкфурт-на-Одере и Потсдам находилось 266 важных военных объектов советских войск, и МГБ в период с 1977 по 1982 год зафиксировало попытки разведывательных действий западных спецслужб против 121 из них, то есть почти 45 %. Из 183 объектов Национальной народной армии в этих же шести округах за тот же отрезок времени шпионажу подверглись 85, то есть больше 46 %.

Разведывательные акции западных спецслужб против объектов ГСВГ и ННА в шести северных округах ГДР с 1977 по 1982 год

Округ	Военные объекты	Из них ГСВГ	Из них ННА	Разведывательные акции западных спецслужб и военных миссий связи	Из них против ГСВГ	Из них против ННА
Росток	47	12	35	24 (=51%)	7 (=58%)	17 (=49%)
Шверин	54	30	24	39 (=72%)	22 (=73%)	17 (=71%)
Нойбранденбург	56	23	33	49 (=88%)	19 (=83%)	30 (=91%)
Магдебург	60	44	16	39 (=65%)	28 (=64%)	11 (=69%)
Франкфурт (Одер)	91	52	39	25 (=27%)	21 (=40%)	4 (=10%)
Потсдам	141	105	36	30 (=21%)	24 (=23%)	6 (=16%)
Всего	449	266	183	206 (=46%)	121 (=46%)	85 (=46%)

В четырех из шести северных округов БНД и другие западные разведки шпионили за половиной, в Шверине и Нойбранденбурге даже примерно за тремя четвертями военных объектов ГСВГ. Даже в Потсдамском округе с его наименьшей долей МГБ все-таки зафиксировало разведывательные операции против почти четверти советских объектов. ННА при этом тоже была важной целью, причем военные миссии связи западных союзников интересовались ею сравнительно мало, зато большой интерес проявляла к ней БНД. Только при таком условии сведения из источников «Штази» сходятся с открытой на сегодня информацией из архивов американской военной миссии связи и воспоминаниями офицеров американской и британской миссий.

В первой половине 80-х годов «Штази» зафиксировала разведывательные акции БНД и американских разведслужб, проводившиеся против примерно четверти всех расположенных в ГДР военных объектов ГСВГ и ННА. Доля советских и восточногерманских объектов, подвергавшихся разведоперациям, была примерно равной, порядок приоритета «был не определен, частота акций примерно соответствует численному соотношению между армиями обеих стран». В аналитическом отчете Главного управления разведки МГБ, агентам которого удалось познакомиться с аналитическими оценками НАТО, приводится мнение западных офицеров разведки о положении и значении восточногерманской армии:

«По-прежнему противник признает за ННА наивысший уровень боеготовности среди всех несоветских вооруженных сил Варшавского договора, за которой далее следуют Чехословацкая народная армия и Войско Польское с частью их дивизий.

Сухопутные войска Венгерской народной армии и особенно Болгарской и Румынской народных армий оцениваются значительно хуже. Тем не менее, противник признает и их усилия по модернизации вооруженных сил».

Самое современное вооружение ННА и высоко оцениваемый Советами уровень ее боевой готовности и подготовки, а также ее размещение в первом стратегическом эшелоне Варшавского договора в случае войны были причинами того, что вплоть до самого конца 80-х годов восточногерманская армия неизменно считалась важным разведывательным объектом для БНД. Кроме того, важной целью были военная и гражданская инфраструктура, поскольку в ГДР соответствующие специалисты западногерманских спецслужб видели «центральную базовую территорию Варшавского договора на основном направлении в случае возможной конфронтации с НАТО в Европе» (по словам МГБ). Хотя в восьмидесятых годах возросшая до 430 тысяч человек Группа советских войск в Германии была самой мощной группировкой вооруженных сил СССР — она охватывала 20 % всех советских сухопутных войск и 10 % всех ВВС — тем не менее, в 1987 году Первый главный отдел МГБ, отвечавший за военную контрразведку в ННА и погранвойсках, сделал такой вывод:

«Ситуация с отмеченной в прошедшие годы концентрацией шпионских операций противника против ГСВГ в ходе дальнейшего развития постепенно утратила актуальность. Теперь для противника не имеет большого значения, вести разведку против объекта Советской армии или ННА. Более важны для него роль и значение данного объекта в случае вооруженного конфликта и информация, которую он может получить в ходе шпионских действий против этого объекта».

е) Профиль агентурной вербовки и ведения агента по опыту БНД

По результатам исследований контрразведки МГБ БНД пыталась вербовать определенный круг лиц для использования в качестве «маршрутников», которые хотя и были материально заинтересованы, но также и «поддавались демагогическим аргументам вербовщиков» — т. е. могли быть завербованы на идейной основе — «в комбинации с

гарантированием их личной безопасности». Но главным критерием для подбора и вербовки кандидатов в агенты были «прежде всего, родственные и дружеские связи и поездки в ГДР, которые противник отфильтровывает в основном путем широкомасштабного контроля над почтовой перепиской и телефонной связью, проведения опросов и агентурной деятельности». В отличие от более поверхностного, беглого транзитного шпионажа Второй главный отдел хорошо распознавал намерение Федеральной разведывательной службы с помощью западногерманских шпионов-«маршрутников» постепенно и очень осторожно сплести сеть источников из числа восточных немцев.

«Шпионы по-прежнему ориентированы на поиск родственников и знакомых в ГДР, хотя в любом случае шпиону в качестве конечной задачи не ставится вербовка. В принципе можно из уже ставших известными конкретно поставленных задач по проверке доверительности и т. н. податливости к вербовочным беседам граждан ГДР сделать вывод, что БНД, как и прежде стремится заполучить новых шпионов — так называемых «субагентов»».

Задачей завербованных таким образом субагентов, по данным контрразведки, было «собирать информацию за период между приездами шпионов и во время пребывания последних в ГДР помогать им при наблюдении за военными объектами». Вот пример построения такой конспиративной линии. В 1966 году Федеральная разведывательная служба завербовала одного западногерманского гражданина в качестве «маршрутника». После трехлетней деятельности он для поддержки своего ремесла завербовал свою жену. Еще через три года, в 1972 году, этот западный немец привел к своему «куратору» на службе Пуллаха своего родственника — Йенса Л., гражданина ГДР. После удачной вербовки Л. прошел подготовку у своего западного родственника по слежке за военными объектами ГСВГ и перемещениями советских войск и по использованию разведывательных вспомогательных средств, например, радио и невидимых чернил. «Шпион Л. помимо личной связи с игравшими роль курьеров и инструкторов родственниками из ФРГ поддерживал также безличную связь со штаб-квартирой БНД».

Как уже было в «золотую эру» западного шпионажа в ГДР перед постройкой Стены, МГБ в последнее десятилетие существования ГДР снова полагало, что распознано «тенденцию к тотальности, комплексности

и интенсивности» военного шпионажа БНД, других западных служб, а также военных миссий связи и военных наблюдателей. В поиске закономерностей и оперативных ритмов в западногерманских разведывательных усилиях, восточногерманские контрразведывательные органы отмечали, что БНД сделала выводы из уроков прошлого и интенсивно изучила методы и приемы контрразведывательных мероприятий ГДР. Пуллах отказался от прежних застывших стандартных образцов вербовки шпионов. Теперь в качестве источников используются чиновники и рабочие, студенты, домохозяйки и пенсионеры в возрасте от 17 до 80 лет, с различным уровнем образования и умственными способностями и с разными политическими взглядами. «Штази» как-то арестовало даже одного шпиона, который был избирателем Германской коммунистической партии. Под подозрение МГБ попадали также коммерсанты, персонал обслуживания, моряки торгового флота, ученые, и в особенности лица, сопровождавшие делегации ученых и студентов, сотрудники западногерманских институтов, занимавшихся изучением Востока и ГДР, и лица из районов, примыкавших к межзональной границе. Другой проблемой были сохранившиеся связи бывших — выехавших или убежавших — граждан ГДР на их прежней родине. Большинство вербовочных попыток БНД было ориентировано на лиц от 30 до 45 лет. Советская военная контрразведка на основе имевшихся у нее данных тоже установила, что «состав агентуры не подлежал строгим принципам» и охватывал «представителей почти всех общественных слоев немецкого населения, независимо от профессии, образования и возраста». Профиль военных шпионов во всех отношениях не был единым, ни в плане социального происхождения, ни профессиональной деятельности или частоты их работы на Пуллах. Среди уже упоминавшихся, арестованных в 1977 году «перелетных птиц» помимо уже упоминавшихся в начале книги супружеских пар Б. и Й., были, к примеру, такие люди.

Квалифицированный электрик, а позднее студент Дитер Д. (год рождения 1949) из Западного Берлина, завербованный в 1973 году и совершивший за 4 года до своего ареста лишь шесть зафиксированных транзитных поездок по железной дороге. За это он получил в ГДР семь лет тюремного заключения;

Домоправительница Хедвиг Л. (год рождения 1925) из Гамбурга, на БНД работала с 1968 года и за 10 поездок в ГДР вела шпионаж за 26 военными объектами ННА и ГСВГ в ГДР, а также сделала «наводку» на 15 граждан ГДР и трех западных немцев для возможной их вербовки. Она получила десять лет тюрьмы.

Промышленный рабочий Кристиан К. (год рождения 1953) из Юльцена, завербован в 1970 году в семнадцатилетнем возрасте. За шесть лет до своего ареста восемь раз на несколько дней приезжал в ГДР, сначала к бабушке в округе Бранденбург, затем к супружеской паре, которую он завербовал как своих субагентов.

Безработный дипломированный психолог Вольфганг Р. (год рождения 1945) из Западного Берлина, заплативший за почти 250 шпионских поездок, в основном транзитом по железной дороге, пятнадцатилетним тюремным заключением.

Шлифовщик Ганс-Юрген С. (год рождения 1941) из Мёнхенгладбаха совершил с 1971 по 1977 год одиннадцать шпионских поездок продолжительностью от 11 до 19 дней каждая к родственникам в округе Потсдам, и шпионивший примерно за дюжину военных объектов. К тому моменту, когда МГБ делало этот отчет, судебный приговор ему еще не был вынесен.

И наконец, студент Манфред Штрайх (год рождения 1952) из Западного Берлина, который с начала 1973 по середину 1977 года совершил свыше 100 транзитных поездок по железной дороге. При этом он наблюдал за пятью военными объектами, одним военным полигоном, сообщая о нескольких военных транспортах на железной дороге и около 40 раз о стоявших на запасных путях вагонах и платформах с войсками или военной техникой. Наказание — 12 лет за решеткой.

Государственную безопасность беспокоили также сотрудники органов безопасности ФРГ, приезжавшие в ГДР. Около 9000 лиц этой категории ежегодно посещали ГДР. К ним следовало прибавить еще «неизвестное количество человек, въехавших с фальшивыми личными данными в документах». Четверть из них были военнослужащие или гражданские служащие Бундесвера, два процента служили в Федеральной пограничной охране, и почти три четверти были полицейскими. Восточногерманская контрразведка подозревала в них особо острый взгляд, подготовленный для ведения военного шпионажа. Но ни в открытых на сегодня досье БНД, ни в раскрытых архивах «Штази» нет ни одного упоминания, что Пуллах хоть как-то пытался использовать в качестве агентов людей, принадлежавших к этим категориям лиц. Это понятно — указывая в своих документах профессию и место работы, они и так вызывали к себе повышенное внимание органов безопасности ГДР, потому агентурная деятельность для них была бы слишком рискованной.

При вербовке западногерманских граждан и западных берлинцев были различия в тенденциях в зависимости от вида шпионажа, для которого их

нанимали, хотя одно не исключало другого. «При вербовке транзитных шпионов поиск и выбор происходил по объявлениям в газетах Западного Берлина и ФРГ, предлагавших выгодную «подработку». Для поиска подходящих разъездных шпионов («маршрутников») БНД использует службы и учреждения ФРГ». Последнее замечание специалистов «Штази» касалось особенно картотек регистрации, сведений от таможни и Федеральной пограничной охраны, обязательство определенных профессиональных групп сообщать о своих поездках в ГДР и опросы западногерманских водителей-дальнобойщиков — «для определения граждан ФРГ, которые регулярно ездят в ГДР». Связь с ними Федеральная разведывательная служба поддерживала обычно путем личных встреч «в большинстве случаев в кафе и барах разных западногерманских городов — с транзитными шпионами также и в Западном Берлине, в автомобилях сотрудников БНД и частично на квартирах шпионов. Эти явки, временные интервалы между которыми в основном определяются частотой шпионских поездок, служат для получения заданий, инструкций, обучения, составления отчетов, оплаты и оказания идеологического влияния на агентов. Кроме того, у всех шпионов есть телефонные номера автоответчиков, служащие транзитным шпионам прежде всего для передачи шпионских донесений, тогда как «маршрутники» наговаривают на них лишь краткие сообщения в ходе поддержания связи. Все транзитные шпионы получают от БНД адреса прикрытия, которые помимо телефонных сообщений служат для отправки письменных отчетов почтовым путем. Эти донесения обычно пишутся открытым текстом, иногда с использованием кодовых слов. Средства тайнописи и сложные шифры не используются».

«Маршрутники» после возвращения из ГДР передавали собранные ими сведения оперативникам БНД в устной форме. Агентуристы опрашивали своих агентов с использованием стандартных форм опросников, карт, планов городов и уже упоминавшихся идентификационных таблиц с внешними признаками боевой техники. Одновременно на тех же встречах агенты получали дополнительные инструкции от своих «кураторов», их обучали использованию определенных методов и средств шпионажа. Они также получали сравнительные таблицы, которые помогали правильно идентифицировать разные виды вооружения и боевой техники, их принадлежность разным родам войск, а также определить признаки мобилизации.

С точки зрения МГБ главной заботой Пуллаха в восьмидесятые годы стала личная безопасность разъездных и транзитных шпионов, так как БНД стремилась к «максимальному и долгосрочному приобретению сведений».

«Приоритет за безопасностью». Таково было резюме отчета Второго главного отдела в 1985 году. Потому мерам предосторожности Федеральная разведывательная служба уделяла большое внимание:

«Время въездов для разных шпионов было разным, как правило они делали от одной до двух поездок в год. Активизация поездок к определенным целям посещения в ГДР после вербовки шпионов не смогла быть зафиксирована. В почтовой переписке тоже не было в связи с этим никаких изменений».

Если шпионы ограничивались внешним наблюдением и устными сообщениями и не поддерживали из ГДР никакой связи со своими оперативниками, они вполне обходились без вспомогательных разведывательных средств вроде фотоаппаратов, радио или невидимых чернил. Для восточногерманской контрразведки их разоблачение потому становилось проблемой.

«Так как такие шпионские действия всегда хорошо легендируются и могут быть правдоподобно объяснены личными мотивами (к примеру, выездом за город, экскурсией, прогулкой, поиском грибов, транзитным проездом), с помощью оперативных методов очень сложно добывать прямые доказательства. Единственным выходом в таких случаях может быть прослеживание всей цепи на основе косвенных улик, которые в своей совокупности представляют собой доказательство, обычно оперативного характера».

В руки МГБ попала записная книжка на кольцах, в которой содержались детальные инструкции Федеральной разведывательной службы своим источникам, где подробно расписывалось, как вести себя во время наблюдения за военными объектами. Главной идеей такой учебы было — вести себя как можно незаметней. Там содержался совет не пытаться уйти от наружного наблюдения, даже если вы поняли, что за вами следят. Там был и совет «бывать на кладбищах только в том случае, если там действительно похоронен ваш родственник» — и никогда не брать с собою ничего, что могло бы послужить контрразведке противника вещественным доказательством разведывательной деятельности.

«Маршрутники» получали личные задания, связанные с наблюдением за конкретными казармами, полигонами и другой инфраструктурой или с

военными перевозками. Как было известно «Штази», оперативники БНД очень точно инструктировали своих разъездных шпионов, опираясь на уже известные после прежних разведопераций сведения о данных объектах. Инструктирование заходило так далеко что шпионам указывались даже конкретные маршруты, «по которым они, с одной стороны, эффективнее всего могли рассмотреть интересующий БНД объект, с другой стороны, риск для их безопасности был относительно мал». Достигнутые МГБ успехи в разоблачении шпионов связаны были, большей частью не с недостаточной их подготовкой инструкторами Федеральной разведывательной службы, а с неправильным поведением отдельных агентов. Восточногерманской контрразведке удавалось раз за разом идентифицировать ряд шпионов и держать их под контролем именно потому, что они «переоценивая свою сноровку, из-за чрезмерной дерзости или по другим причинам отклонялись от своих инструкций. Например, они останавливались и стояли в определенных местах, часто оглядывались, неоднократно проходили в одном и том же месте, слишком близко подходили к объектам в ненаселенной местности, обычно при повторном приближении к объекту».

Не учитывая того, что «Штази» не знала о БНД, профессионалы Второго главного управления были вынуждены признать «тонкие, хорошо конспирируемые методы работы» западногерманского противника. Даже якобы «бездумная беспечность, с которой западногерманские спецслужбы отправляли целыми толпами агентов для наблюдения и фотографирования казарм и военных маневров» оказалась методом, доставившим контрразведке МГБ, судя по ее досье, множество забот и стоившим ей таких непропорционально высоких затрат сил, куда больших, чем об этом вспоминают ветераны «Штази». Впрочем, с другой стороны, восточногерманской контрразведке удалось заставить БНД постоянно менять свои методы и средства, а те группы лиц, которые намеревалась завербовать Федеральная разведывательная служба в обозримое время были взяты «Штази» под контроль. Правда, это не было улицей с односторонним движением. Все эти успехи достигались за счет значительного увеличения персонала госбезопасности, увеличения расходов, сопровождавшихся в условиях изменившегося межгерманского и внутривосточного положения семидесятых и восьмидесятых годов явным упадком внутренней мотивации офицеров МГБ, причем завербованный БНД офицер «Штази» Вернер Штиллер был только одним из примеров этого падения боевого духа.

Особую группу источников, на приобретение которых БНД, правда,

могла оказывать лишь очень ограниченное влияние, составляли дезертиры из ГСВГ. Для советской военной контрразведки побег военнослужащего на Запад воспринимался как грандиозная катастрофа, потому о каждом таком случае приходилось обязательно информировать Москву. Если военнослужащим срочной службы, несмотря на все опасности — как случилось с солдатом Алексейчуком из 47-й танковой дивизии в 1976 году — удавалось бегство на Запад, то их ограниченные военные знания могли служить разве что в качестве подтверждения дислокации определенных частей и подразделений и уточнения их подчиненности. Впрочем, в таких показаниях всегда был элемент слухов и ошибок. К примеру, дезертир «161», сбежавший летом 1964 года из своей части в Ордруфе, правильно назвал номер своей дивизии и все места дислокации, но причислил ее вместо 8-й к 6-й армии, хотя это объединение еще в 1947 году было расформировано в Прибалтике.

Куда более тяжелыми последствиями было чревато бегство офицеров, особенно если они уходили с оружием или, тем более, если сами служили в военной контрразведке. В семидесятые годы произошло два ярких случая. В 1974 году авиатехник лейтенант Вронский из 296-го истребительно-бомбардировочного полка в Гросенхайне улетел на Запад на истребителе Су-7Б. Вронский, который провел вместе с летчиком много часов на летном тренажере, смог взлететь и успешно долететь до воздушного пространства ФРГ. Но так как садиться он не умел, то катапультировался в районе Люнебургской пустоши и, приземлившись на парашюте, попросил политического убежища. Анализ обломков самолета и опрос авиаинженера представляли значительный интерес для западных разведок, потому что Су-7Б был в те годы основным тактическим самолетом-носителем ядерного оружия советских ВВС. Но самым большим ударом для советской военной контрразведки стала измена капитана Алексея Мягкова, сотрудника особого отдела 20-й Гвардейской армии, сбежавшего в Западном Берлине в феврале 1974 года. Его глубинные знания советских контрразведывательных мероприятий, вероятно, помогли БНД находить новые возможности агентурного проникновения в гарнизоны ГСВГ. Для руководства контрразведки побег Мягкова закончился строгими выговорами, а сам он за измену Родине был заочно приговорен к смертной казни.

2. Удачи и неудачи БНД: человеческий фактор

От внимания МГБ не укрылось новое «наступление» Пуллаха, направленное на заполучение граждан ГДР в качестве источников. Разочаровывающий в этом отношении период после 1964–1965 годов в семидесятых годах сменила более широкая, а в восьмидесятых годах — значительно более интенсивная активность Пуллаха. «Штази» констатировала:

«Усиленное использование проживающих в ГДР военных шпионов открывает перед разведками возможности в большем объеме и быстрее собирать информацию о происходящей на территории ГДР военной активности. Граждане ГДР располагают широкими, разнообразными, и главное — более скрытными — возможностями приближения к военным объектам, лучше знакомы с реалиями страны, с режимом охраны и при необходимости могут быстро использоваться для сбора актуальных сведений».

Для Федеральной разведывательной службы удача и неудача при вербовке восточногерманских источников граничили друг с другом. Причина этого была не только в скрупулезной работе контрразведки МГБ, действовавшей в полную силу и на высоком профессиональном уровне, но и в характере, интересах, убежденности и смекалке завербованных мужчин и женщин. Помимо возможностей для борьбы со шпионажем, которыми располагала в условиях диктатуры СЕПГ тайная полиция, немалую роль играл и человеческий фактор. К нему относится и удача, которая помогла тому же Вернеру Штиллеру, вопреки всем заранее подготовленным планам мгновенно принять решение и в январе 1979 года сбежать из ГДР через восточноберлинский вокзал Фридрихштрассе.

Для примера приведем здесь судьбы двух совершенно различных агентов БНД, которые большую часть своей жизни провели в ГДР. Благодаря этим примерам вы увидите человеческое лицо агентурной разведки БНД. Заметим, что по сей день об этих людях можно узнать только из открытых досье «Штази», но не из архивов БНД.

а) Невероятная удача

Йоханнес В., 1906 года рождения, был сыном старшего лесничего. Он вырос вблизи Штеттина, после 1933 года стал членом НСДАП и СА («штурмовые отряды»), всю Вторую мировую войну прослужил в Вермахте, закончив службу унтер-офицером-зенитчиком. После 1945 года стал крестьянином в Передней Померании. Против собственной воли ему пришлось вступить в сельскохозяйственный кооператив. С 1948 года он стал членом Национал-демократической партии Германии и постепенно продвигался вверх по профессиональной лестнице. С 1959 по 1971 год В. был инженером-мелиоратором в различных предприятиях в Анкламе и Бооке под Пазевальком. Уйдя на пенсию в 1971 году, он не бросил работу, а вплоть до 1984 года продолжал работать инженером, а потом ночным сторожем и страховым агентом.

В конце 40-х годов В. поддерживал связь со Следственным комитетом свободных юристов. Якобы еще тогда его бывший армейский командир поручил ему застрелить в городке Боок одного местного коммуниста. Кроме того, В. должен был распространять пропагандистские листовки и переправлять письма. От всех этих слишком рискованных заданий В. уклонился. В начале 50-х годов его завербовала Организация Гелена под псевдонимом «Гербер». В. поставлял информацию о гарнизоне в районе Эггезин/Торгелов, о дислокации там танков, о перестройке железнодорожной ветки на Штеттин (к тому времени уже польский Щецин) с одной колеи на две для военных перевозок, а также о развитии сельского хозяйства в ГДР. Но, согласно показаниям, которые В. намного позже дал в ходе своих допросов в МГБ, впоследствии западногерманская разведка прекратила сотрудничество с ним, потому что он не мог предоставить ей требуемую информацию в нужном объеме. Не позднее 1958 года он утратил связь с Федеральной разведывательной службой.

С 1973 года В. как пенсионер получил право на ежегодную поездку в ФРГ. По его воспоминаниям, в 1974/75 годах, из-за недовольства своей маленькой пенсией в ГДР, он решил продолжить сотрудничество с БНД под своим прежним псевдонимом — просто ради денег. Его встречи с «куратором» происходили в окрестностях Лембруха (в 40 км к западу от Оснабрюка, в природном парке Дюммер), в Гамбурге и один раз в Люнебургской пустоши. Примерно десять лет спустя, весной 1986 года без предварительного уведомления БНД прервала сотрудничество с ним, сославшись на преклонный возраст «Гербера».

Госбезопасность в первый раз расследовала деятельность В. с сентября 1964 по январь 1971 года по подозрению в шпионской деятельности, но безуспешно, потому что как раз в этот период В. не

работал на БНД. Улики, которые послужили поводом для открытия оперативного дела «Инженер», касались событий еще 1953–1955 годов. Подозрения исходили от одного дальнего родственника В., который намного позже сообщил о них в районное управление МГБ в Пазевальке. Но так как связь В. с БНД была прервана, ни почтовый, ни таможенный контроль, ни слежка за его автомобилем не принесли никаких результатов, подтверждавших подозрения. Во второй половине шестидесятых годов В. не поддерживал никаких связей с БНД, и его негласно проверенный радиоприемник не мог принимать передачи БНД. Итак, доказательств не было и оперативное дело, несмотря на сохранявшееся недоверие госбезопасности, было прекращено. Лишь в самом конце его работы на БНД, в 1986 году, «Штази» смогла выследить, арестовать инженера и раскрыть масштабы его шпионской деятельности.

Федеральная разведывательная служба использовала В. для систематического наблюдения и шпионажа за объектами и передвижениями войск ГСВГ и ННА. Кроме того, он должен был собирать информацию об объектах и сотрудниках МГБ и, как специалист в этой области, сообщать о проблемах сельского хозяйства, строительстве дорог и развитии транспорта, общем экономическом развитии и положении со снабжением в ГДР. Пуллах использовал такие сильные стороны В., как его знание местности, свободу передвижения как инженера-мелиоратора, разнообразные контакты и большой радиус действия, так как у него был автомобиль. «Гербер», кроме того, совершал в разведывательных целях пешие прогулки, передвигался по железной дороге и использовал все возможности для целенаправленного выведывания нужных сведений в разговоре с разными людьми. Как минимум один раз в год он ездил в Альтварп, чтобы понаблюдать за расположенными поблизости стрельбищем, позициями зенитных ракет и радиолокационной станцией и отметить произошедшие на этих объектах изменения. Тем самым он смог опровергнуть догадки БНД о дислокации поблизости 231-го зенитно-ракетного подразделения, «не получив на этот счет никакого конкретного задания». Точно так же раз в год он на своей машине отправлялся на остров Узедом, проезжая там мимо радиолокационной станции ННА у Пудагла, специализировавшейся на постройке небольших военных кораблей верфи «Пеене» в Вольгасте и аэродрома 9-й истребительной эскадры ВВС ННА в Пенемюнде. С 1982 года Йоханнес В. использовал в качестве водителя своего знакомого, который ничего не подозревал об истинной цели путешествий. Казарму Национальной народной армии в Пазевальке В. посетил в шпионских целях в «день открытых дверей». Кроме того, он

осуществлял наблюдение за казармами ГСВГ в Пренцлау и Бернау, за аэродромом 19-го гвардейского истребительно-бомбардировочного полка в Рехлине и местом базирования 5-й эскадры боевых вертолетов ННА в Базеполе, за прочими казармами ННА, например, в Рельцове, Торгелове, Альбеке, Фюнфайхене и Лёкнице. К его целям относились также склад горюче-смазочных материалов ННА в Деммине, размещенная там же танкоремонтная база, позиции зенитных ракет и радиолокационные станции в Айххофе, Юнгфернберге, Ётцендорфе и Прагсдорфе. Помимо этого, он сообщал о военных перевозках и о погрузочно-разгрузочных рампах на железной дороге. Для поездок на машине он все чаще использовал знакомых и родственников, ничего не знавших об его деятельности. Свои донесения он передавал БНД исключительно в устной форме. Месторасположения военных объектов он мог указывать на картах, которые «порой по точности не уступали мензультным листам».

«Гербер» удачно выпрашивал нужные сведения у своих знакомых, некоторых из которых он специально дважды в год посещал перед своими поездками в ФРГ. Многие опрошенные В. лица на допросах в МГБ говорили, что «В. всегда очень интересовался как общественными процессами, так и вопросами, связанными с его деятельностью начальника мелиоративного кооператива, даже после ухода на пенсию». Ни у кого из этих людей не возникало при общении с В. подозрений, что тот делает нечто противозаконное. Сам инженер показал, что он «добросовестно выполнял задания БНД, так хорошо и с такой интенсивностью, насколько это ему удавалось. По его словам он всегда в своей жизни старался все делать хорошо, как правильное, так и неправильное».

Через три дня после последнего допроса в первом отделе Девятого главного отдела 27 марта 1987 года инженер В. умер в возрасте почти 81 года от кровоизлияния в мозг, наступившего одновременно с сердечным приступом. МГБ отправило материалы следствия о широкомасштабной и многолетней шпионской деятельности В. в архив.

б) Промах

Если Хильдегард Цикманн была «деликатесной шпионкой», то Бернда М. можно было бы назвать «шпионом-антикваром». М. родился в декабре 1942 года в Тале и был яркой личностью. Он был сыном певицы, не придерживавшейся строгих семейных правил. Плохие отметки в школе, детский дом, прерванное обучение на стеклодува — таковы были

дальнейшие этапы его жизненного пути. Его отправили в трудовую колонию для несовершеннолетних, там он доучился до восьмого класса и стал учиться на земледельца и животновода. В 1960 году он один год проучился в театральной школе в Западном Берлине. В дальнейшем он нашел работу пескоструйщика, полтора года отслужил в армии, а затем работал звукооператором и осветителем в Берлинском кукольном театре, потом специалистом по звукозаписи в театре Фридрихштадтпаласт. В сентябре 1968 года М. был приговорен к двум годам тюрьмы за соучастие в незаконном прерывании беременности. Выйдя из тюрьмы, Бернд короткое время поработал водителем, затем стал перебиваться временными заработками и втянулся в нелегальную торговлю антиквариатом. В ней он и нашел свою страсть. В январе 1986 года он был задержан при попытке совершения нелегальной сделки с антиквариатом на транзитном автобана. Ему удалось спастись бегством, и несколько месяцев он прятался в Восточном Берлине. В июне 1976 года его арестовали при попытке перейти границы Чехословакии с ФРГ. В октябре 1976 года он снова был приговорен к двум с половиной годам тюрьмы, но в июле 1977 года в обмен на готовность сотрудничать с МГБ его досрочно освободили. Ему, наконец, удалось получить законную лицензию, и в 1978 году он открыл свой антикварный магазин в берлинском районе Панков. Но из-за укрывательства от уплаты налогов в декабре 1981 года его в очередной раз посадили на четыре с половиной года. Их М. отсидел полностью. Освободившись в июле 1985 года, он подал заявление на эмиграцию в Западный Берлин в целях воссоединения со своим сыном, который в 1981 году нелегально сбежал из ГДР в машине супруги одного французского дипломата. С французским послом и другими французскими дипломатами супружеская пара М. была хорошо знакома. Одновременно М. как неофициальный сотрудник МГБ «на дипломатической линии» добросовестно сообщал «Штази» о своих контактах с этими французами. В октябре 1985 года он с женой выехал в Западный Берлин и уже в сентябре 1986 года открыл там свой антикварный магазин на улице Курфюрстендамм.

Еще до эмиграции, в августе 1985 года М. познакомился с гражданином ГДР Экхардом Б. В лагере для переселенцев в западноберлинском районе Мариенфельде М. попробовал выйти на контакт с Бнд, очевидно, по инициативе Б. Этот Б. еще раньше рассказал ему о некоем офицере ННА — сначала капитане, потом майоре, который был готов поставлять сведения, касающиеся своей части. Но вот чего М. не знал: Б. был одновременно неофициальным информатором МГБ,

контактирующим с противником (под агентурным псевдонимом IMB Детлеф Нитше). Вплоть до этого момента нет никакого основания говорить о блистательной операции восточногерманской контрразведки. Ведь МГБ долго не могло узнать, занимается ли М. (теперь на него было заведено оперативное дело «Кукла») нелегальной контрабандой антиквариата, или прежде всего служит Западу как агент — особенно ввиду того, что было известно, что Бернд М. планировал совершить в ГДР и кражу антиквариата со взломом. Еще в 1986 году окружное отделение «Штази» в Хальберштадте ломало себе голову, «в какой степени действия и высказывания «Куклы» правдивы и объяснимы в плане разведывательной деятельности, или они служат частично или в целом лишь тому, чтобы поддерживать к себе интерес нашего информатора, которого он может использовать как контактное лицо в ГДР для своих частных целей (антиквариат)». Хотя госбезопасность все еще блуждала в тумане — или как раз поэтому, выяснение возможной шпионской подоплеки в действиях М. было специально форсировано. Потому Б. на следующих встречах с М. попытался разговорить того об его дальнейших действиях.

Со своей стороны М. в ноябре 1986 года встретился с одним сотрудником БНД в Нюрнберге. Пуллах проявил большой интерес к возможной шпионской работе офицера ННА и потребовал от М. запросить у его контактного лица, т. е. «Детлефа Нитше» больше информации. БНД якобы пообещала М. и Б. за успешную вербовку этого офицера премию по пятьдесят тысяч немецких марок каждому. Офицер, о котором шла речь, существовал на самом деле, но никогда не говорил с Б. ни о какой-то шпионской работе, и никогда не вступал в контакт с М., который встречался со своим связником Б. в ЧССР, и иногда на транзитном автобанае в ГДР.

Несмотря на то, что М. своевременно почувствовал за собой слежку МГБ, он не отказался от своих контактов и продолжал использовать транзитные трассы. Позднее на допросах М. утверждал, что во время одной из встреч с Б. в придорожном кафе на транзитном автобанае БНД даже вела контрнаблюдение (т. н. мероприятие «очистки», dry clean), заметив в результате слежку МГБ. Даже если это было не так, М., во всяком случае, нонх не подвел. Его сотрудничество с Федеральной разведывательной службой было особенно рискованным не только из-за его яркого прошлого, но и потому, что ни со стороны сотрудников БНД, ни со стороны самого М. никогда не было прямого контакта с упомянутым офицером. Очевидно, в Пуллахе желание добиться большого успеха возобладало над здоровой осторожностью. Сегодня можно сказать, что 90 % внутренних источников

БНД в ГДР в семидесятых и восьмидесятых годах работали на две стороны, то есть, одновременно служили и МГБ, участвуя в так называемых разведывательных играх против Федеральной разведывательной службы.

В номере журнала «Бурда Моден» весной 1987 года БНД поместила замаскированные задания, которые должны были быть переданы ему через М. и Б. Эта «шпионская инструкция БНД помимо наставлений офицеру по приему голосовых радиопередач и других важных для разведывательного сотрудничества указаний содержала подробные вопросы об интересующих западногерманскую разведку сферах, например о боевой технике, вооружении и боеприпасах, находившихся в месте службы офицера. К примеру, БНД требовала от него сообщить точное количество танков и БМП, грузовиков «Урал-375», «КрАЗ», «ЗИЛ» и «Татра», количество типов различных боеприпасов, противотанковых ракет и типов бомб».

13 апреля неофициальный сотрудник МГБ Б. должен был передать сведения М. Для этого они встретились в восемь часов утра в туалете придорожного кафе Цизар на транзитном автобане. Покинув стоянку кафе, антиквар был тут же арестован. Мотивом его с самого начала провальной вербовочной попытки, как установило МГБ, было было постоянно углублявшееся и после осуждения за неуплату налогов ожесточившееся презрение М. к ГДР. Рискованное продолжение своей деятельности в пользу БНД Бернд М. объяснял в разговоре с неофициальным сотрудником тем, что «он сам достаточно боится, но у него, мол, есть личные счета с коммунистами, и только поэтому он ввязался в это рискованное и сложное дело. 10 ноября 1987 года почти 45-летний антиквар предстал перед военным трибуналом Восточного Берлина и по обвинению в военном шпионаже против ГДР и в изменнической передаче секретных сведений был приговорен к восьми годам тюрьмы.

3. Проблемы государственной безопасности ГДР в аспекте контрразведывательного противодействия западногерманскому шпионажу

В поисках международного признания ГДР времен Эриха Хонеккера после подписания с Бонном договора об основах взаимоотношений между ГДР и ФРГ, вступления в ООН и подписания Заключительного акта Конференции о безопасности и сотрудничестве в Европе обязалась в будущем учитывать правовые нормы. «Концентрированные удары» государственной безопасности, подобные проведенным в 1953–1955 годах операциям «Фейерверк» и «Стрела», приведшим к массовым арестам агентам и к их казни или длительному тюремному заключению после приговоров на политических показательных процессах, два десятилетия спустя стали уже невозможными. Борьба против шпионажа БНД обязательно должна была привести к результатам, пригодным для рассмотрения в судах, причем приговоры этих судов воспринимались бы международной общественностью как справедливые, по крайней мере, как отвечающие нормам правового государства. Именно это оказалось для МГБ трудным. «Увеличившаяся скрытность шпионских действий, особенно что касается шпионов из «оперативной области» все больше усложняет сбор доказательств на территории ГДР». Так резюмировал этот процесс начальник Второго главного отдела. Но в новых политических условиях было необходимо, «чтобы при контрразведывательной защите военных объектов обрабатывались и собирались такие данные, содержание которых соответствовало бы составу преступления, предусмотренному Уголовным кодексом ГДР, и они могли бы быть с уверенностью использованы в качестве доказательств согласно законам ГДР».

Разъездной и транзитный шпионаж семидесятых и восьмидесятых годов осуществлялся с большим трудом и приносил более поверхностные результаты, чем прежнее наблюдение за советскими гарнизонами стационарных внешних и внутренних агентов в пятидесятых и в начале шестидесятых годов. Но зато в этом случае отсутствовал риск разоблачения агентурной связи, если шпион выходил на связь с штаб-квартирой только после того, как покинул ГДР. МГБ сухо констатировало это обстоятельство: «Нам следует знать, что все, что шпион узнает, он в голове переносит через границу в «оперативную область»».

То, что «Штази» теперь не всегда сразу арестовывала разоблаченных агентов БНД, а позволяла им действовать под собственным контролем, «чтобы узнать о профиле разведывательных интересов БНД», было не только умным профессиональным расчетом МГБ. Возросший профессионализм Федеральной разведывательной службы в комбинации с требовавшимися для судебных процессов безупречными с правовой точки зрения доказательствами потребовали от МГБ при персональной и технической контрразведывательной защите важных военных объектов «необходимой оперативной зрелости» путем «сравнительной и дедуктивной работы», исключавшей быстрые успехи и превратившейся в сизифов труд. В 1988 году Девятый главный отдел, входивший в министерство следственный орган, вел дела против 3668 лиц. Среди них было всего восемь подозреваемых в ведении активного шпионажа «по поручению империалистических разведок» согласно 97-му параграфу Уголовного кодекса ГДР от 1968 года. Пятеро из них работали на БНД, трое на земельное ведомство по охране конституции Западного Берлина. За предыдущий год среди общего числа следственных дел на 2196 человек целых шесть попали под следствие по 97-му параграфу. Это свидетельствует не столько об уменьшившейся активности БНД в ГДР, сколько о трудности достаточного для суда документирования вины подозреваемых, и прежде всего, о тех огромных усилиях, которые в те годы сконцентрировала «Штази» на лицах, которые хотели «незаконно» прокинуть ГДР. Из 3668 человек, попавших в поле зрения Девятого главного отдела в 1988 году, 1734 попали под следствие именно по таким делам.

Для получения доказательств, достаточных для судебных процессов, контрразведка основной упор сделала на два сложных и хлопотных метода контрразведывательной защиты.

«С одной стороны отбирались военные объекты в зависимости от их стратегического и политически-оперативного значения и постоянно охранялись с помощью оперативно-технических средств, с другой стороны, объекты, которые были целями разведывательных акций или в соответствии с имеющимися оперативными материалами временно брались под особую защиту».

На практике это означало, что «неизбежно, за исключением дополняющих и в обоснованном случае проводившихся мероприятий в

«оперативной области», определение и доказательство ведения шпионской деятельности такими военными шпионами в сфере ответственности внутренней контрразведки, как правило, могли реализовываться исключительно путем добросовестного наблюдения, сбора данных и документирования поведения подозреваемых лиц вблизи военных объектов, за которыми те наблюдали».

Те огромные усилия, которые приходилось прилагать госбезопасности для наблюдения, охраны и защиты многочисленных советских гарнизонов, и вытекавшие из этого проблемы хорошо можно проиллюстрировать на нескольких примерах.

а) Завышенные требования: пример военного аэродрома Кётен

На юго-западной окраине городка Кётен в земле Саксония-Анхальт (в описываемое нами время район Кётен, округ Галле) находился военный аэродром Группы советских войск в Германии. На нем с 1948 по 1991 год размещался 73-й гвардейский истребительный авиапункт. В 1972 году на территории авиабазы был построен склад для ядерных бомб. Кётен и позиция зенитно-ракетной батареи, предназначенной для ближней противовоздушной обороны аэродрома в соседнем Дондорфе, по имевшимся в «Штази» сведениям, вызывали большой интерес со стороны западных разведок. В отличие от ракетной позиции, аэродром Кётен по своему расположению был малопригоден для эффективной охраны с использованием технических средств или людей. Ведь из города, из четырех ближайших деревень и с проходивших поблизости автомобильной и железной дорог можно было легко следить за происходившим на территории авиабазы.

«Из-за месторасположения военного объекта неизбежно возникают сложности, связанные с тем, что ежедневно по самым разным причинам (профессиональные водители, люди, едущие за покупками и т. д.) большое количество лиц должно проезжать или проходить мимо объекта. Другим важным моментом является то, что большое количество лиц могут наблюдать за военным объектом прямо из своих домов. Для этого им не требуется даже приближаться к объекту. К числу таких людей нужно причислить и всех владельцев маленьких приусадебных участков на окраине

города Кётен, потому что из их садов легко можно увидеть аэродром. Нужно учесть и такие места скопления людей, как расположенные между садовыми участками кабачки и кафе. Непосредственно граничащие с военным объектом небольшие земельные участки тоже предоставляют их владельцам вполне обоснованную возможность находиться вблизи объекта».

Внешняя защита аэродрома требовала трех оперативных шагов: сначала возможно плотное и постоянное контрнаблюдение прямо на месте; затем наблюдение за прилегающими участками территории; и затем — учет, сбор сведений и составление досье на всех людей и все машины, привлечшие к себе хоть какое-то внимание во время пребывания вблизи объекта — амбициозное предприятие ради защиты от вражеского шпионажа всего одного гарнизона. Но МГБ знало о конкретных разведывательных операциях против именно этого аэродрома, восходящих еще к 1956 году. Тогда был изобличен один владелец садового участка, который с биноклем и фотоаппаратом вел визуальное наблюдение за авиабазой. С 1956 по 1958 годы окружное управление «Штази» в Галле перехватило шесть писем, «содержавших очень детальные сведения о типах самолетов, времени и расписании полетов, количестве истребителей, погодных условиях и т. д.». Наблюдателя так и не удалось вычислить, как и другого автора писем, который, несомненно, с 1961 по 1963 годы, а вероятно — и раньше, хотел переправить на Запад военные сведения. Факт шпионажа был обнаружен, но сами шпионы — нет. По информации, которой располагала контрразведка, советским «особистам» тоже было известно, что и в 1972–1973 годах за аэродромом Кётен и ракетной позицией в Дондорфе шпионили. Кроме того, в начале 1975 года «участковый уполномоченный Немецкой народной полиции прилегавшего к объекту поселка Эддериц передал (в МГБ) полученное им анонимное письмо. В письмо был вложен листок, на котором были записаны конкретные результаты трехдневных наблюдений за аэродромом Кётен. Эти сведения касались времени взлета и количества взлетающих самолетов, направления стартов, погодных условий. Кроме того, тактические знаки о ракетной базе Дондорф. Автор письма якобы нашел этот листок по дороге из Баасдорфа в Эддериц и хотел, анонимно отправив этот листок в полицию, помешать вражеской деятельности. Проверка почерков, однако, показала идентичность почерка автора письма и лица, писавшего на листке. Отправителя письма так и не удалось найти. Цель и мотивы письма остались неизвестны».

Ввиду большого количества лиц, приезжавших в городок из Западной Германии Западного Берлина, многочисленных встреч жителей района Кётен с западными немцами и западными берлинцами на транзитных автобанах, отклонений западногерманских водителей-дальнобойщиков от их маршрута ради проезда мимо аэродрома, возросшего числа посылок с подарками с Запада и почтовой переписки с Западом аналитики «Штази» видели выход лишь в скорейших действиях для установления лучшего наблюдения и охраны гарнизона.

МГБ также узнало от т. н. «возвращенцев с Запада», то есть восточных немцев, тем или иным образом переселившихся из ГДР на Запад, а затем снова вернувшихся в Восточную Германию, что при предоставлении им права на жительство в ФРГ их очень конкретно и подробно расспрашивали о военных объектах в районе Кётена. Эти многочисленные попавшие в поле зрения МГБ контакты граждан из района Кётена с Западом в итоге выглядели так.

Попавшие в поле зрения МГБ контакты с Западом граждан ГДР, проживавших в районе Кётена в 1973–1974 годах

События	1973 год	1974 год
Выезды в ФРГ и Западный Берлин	5284 человека	6836 человек
Посещения из ФРГ и Западного Берлина	10383 человека	6279 человек
Посылки с подарками с Запада	66	55
Покупки в валютных магазинах «Интершоп»	41	46
Встречи на автобанах	28	37

Больше всего забот сотрудникам «Штази» доставляли массовые путешествия западных граждан. Число командировочных, туристов и лиц, приезжавших в ГДР в гости, во много раз возросло в результате межгерманского сближения. Если в шестидесятых годах эту проблему еще можно было держать под контролем, то теперь проследить за потоком иностранцев становилось почти нереально. В каждой отдельной поездке, особенно в поездках западных немцев в район, в «Штази» видели возможность, «которой располагает противник для легализации и использования своей поездки в целях маскировки своей враждебной деятельности». Чтобы практически справиться с контрразведывательной защитой объекта, госбезопасности требовалось «прежде всего, обеспечить качественное оперативное проникновение в прилегающие к объекту местности. В настоящее время уже заметно, что существующая на

сегодняшний день сеть неофициальных сотрудников больше не справляется с такими задачами и помимо интенсификации работы существующих неофициальных сотрудников должно произойти целенаправленное и систематическое расширение базовой сети неофициальных сотрудников».

Но это было трудно.

«Сложность обработки характеризуется еще и тем, что вызвавшие подозрение автомобили в большинстве случаев были замечены вблизи объекта от одного до трех раз. Исходная информация, как правило, не обладает большой оперативной информационной ценностью, причем используемые в качестве наблюдателей неофициальные сотрудники ввиду их возможностей распоряжаться своим временем только в ограниченной степени могут привлекаться к операциям, и их сообщения часто носят спорадический характер».

Самой большой проблемой была организация как можно более сплошного и постоянного контрнаблюдения, чтобы «уменьшить имеющиеся на сегодняшний день информационные потери». Еще сложнее было тайно идентифицировать пешеходов, велосипедистов и мотоциклистов.

«К примеру, многократно появлявшееся вблизи объекта и вызвавшее подозрения лицо, несмотря на конкретное его описание, удалось идентифицировать лишь после двух лет розыскной работы. Идентификация произошла лишь на основе точного описания велосипеда, использованного данным лицом».

Затраты сил и средств госбезопасности действительно были чрезвычайно велики. Только один наблюдательный пункт с использованием неофициальных сотрудников под управлением второго отдела окружного управления МГБ в Галле для слежки лишь за единственным местом, откуда можно было обозревать аэродром, за полгода наблюдений смог учесть и зарегистрировать около восьми тысяч человек и автомобилей.

«Вскрытая проблематика показывает, что ответственная за контрразведывательную защиту военных объектов рабочая группа (районного отделения МГБ в Кётене) не в состоянии с

использованием собственной сети неофициальных сотрудников осуществлять целенаправленную проверку первичных подозрений. Потому оказывается необходимым помимо собственной базовой сети неофициальных сотрудников использовать возможности всего служебного подразделения, причем систематическое расширение и развитие мобильного и пригодного для разностороннего использования ядра неофициальных сотрудников является первостепенной задачей».

Так как соседний Дондорф, где размещалась позиция зенитных ракет, благодаря своему месторасположению был защищен от вражеских взглядов гораздо лучше, основное внимание уделялось Кётену. Исходя из того, что шпионы попытаются вести разведку за всеми целями, к которым им удастся пробраться, аналитики предложили сбалансировать количество поступающих наблюдений с обоих мест дислокации. На практике, однако, этот совет означал, что и так хорошо защищенную своим месторасположением от внешнего наблюдения ракетную позицию в Дондорфе тоже следовало защищать с использованием интенсивного контрнаблюдения, требовавшего больших людских затрат.

б) «Хромая» логика безопасности: пример армейского полигона Ютербог

Кётен и Дондорф были лишь двумя из 480 советских военных объектов в ГДР. МГБ приходилось осуществлять контрразведывательную защиту каждого более-менее важного гарнизона. Среди них был и полигон Ютербог, «имевший стратегическое значение для обучения военнослужащих Советской армии, проведения войсковых учений и маневров». Он охватывал помимо собственно территории полигона еще пять лагерей для расквартирования проходивших обучение войск (Ютербог II, Ютербог-Фуксберге, Новый лагерь, Старый лагерь и Форст Цинна), а также постоянно дислоцированные там части 32-й гвардейской танковой дивизии. В окружавшей военные объекты дюжине больших и малых деревень проживало около 17800 человек. Для контрразведывательной защиты объектов районное управление МГБ в Ютербоге создало собственную сеть информаторов из 36 неофициальных сотрудников и общественных сотрудников МГБ. Их поддерживали еще 18 советских неофициальных сотрудников и 9 сотрудников народной полиции. Благодаря

использованию этой сети и ее предшественниц районное управление МГБ с 1952 (года своего основания) по 1973 год разоблачило и арестовало как шпионов в общей сложности 49 человек. Микроанализ всего одной прилегающей сельской общины — Старого лагеря (Альтес Лагер) показывает, что в 1973 году из 772 жителей к кругу подозреваемых относились следующие граждане:

- 35 человек — ежегодно выезжавшие в ФРГ или в Западный Берлин;
- 12 человек — «возвращенцы» или переселенцы с Запада;
- 25 человек — к которым в гости приезжали западные граждане;
- 26 человек — сбежавшие из Республики и потому фактически уже не жители этой общины, но из-за оставшихся «обратных связей» причисленные, тем не менее, к «подозрительным жителям»;

- 2 — избалованные и сбежавшие шпионы, их тоже причислили к жителям;

- 35 — лица, в прошлом или в настоящем работавшие на объектах Советской армии.

К этим 135 лицам (из которых 28, впрочем, на самом деле уже не проживали в Старом лагере) прибавили еще 120 пенсионеров по возрасту или по инвалидности, обладавших правом поездок на Запад. Итак, «Штази» насчитало всего 255 граждан — то есть примерно треть всех жителей этой только одной общины близ армейского полигона Ютербог. Все эти люди рассматривались как потенциальный риск для безопасности этого военного объекта, включая даже тех, которые уже покинули ГДР.

в) Неподтверждение: пример операции «Прыжок»

Из документов «Штази» следует, что в первой половине восьмидесятых годов контрразведка МГБ провела крупномасштабные операции, проходившие под кодовым именем «Воздушный мост», затем «Прыжок» и «Плодородная равнина». Смысл операций состоял в систематических попытках выследить военных шпионов БНД во время регулярных смен военнослужащих ГСВГ, которые происходили каждые полгода. Каждый раз с военных аэродромов и по железной дороге около 110 тысяч советских военнослужащих покидали ГДР. Их заменяли новые солдаты. Во время таких смен группы наружного наблюдения МГБ и установленные камеры следили за определенными аэродромами, чтобы идентифицировать автомобили, подозрительно медленно или неоднократно проезжавшие мимо этих сооружений. Для этой работы массово

привлекались сотрудники второй и восьмой линий (последняя отвечала за наружное наблюдение и расследования) из региональных окружных управлений и районных отделений, а также специалисты из Третьего главного отдела (радиоразведка и радиоконтрразведка) из берлинской штаб-квартиры и, наконец, вспомогательный персонал из советских вооруженных сил. Это была операция контрразведки, направленная на разоблачение с помощью контрнаблюдения и последующую нейтрализацию агентов БНД во время самого привлекательного для тех с точки зрения разведки события. Именно эта информация ясно показала Второму главному отделу МГБ границы его возможностей. Тяжкая рутинная работа контрразведки была тут продемонстрирована и в мелочах, и в целом.

В марте и апреле-мае 1980 года госбезопасность с помощью фото — и телевизионной техники охраняла военный аэродром ГСВГ Вернойхен под Берлином. На аэродроме базировался 931-й разведывательный авиаполк, оснащенный современными и мощными самолетами МиГ-25. В заранее определенном секторе наблюдения день и ночь велась скрытая фото- и видеосъемка всех вызывавших подозрения людей и машин. В ходе первой, десятидневной фазы операции в последней декаде марта из наблюдательного пункта было замечено 21 «развертывание действия», а именно двенадцать автомобилей, шесть человек и три мопеда.

«Анализ движений в секторе третьего отдела показал, что четыре объекта после медленного приближения разворачивались и ехали назад. Шесть раз были замечены движения в сторону земельных участков местных жителей и тринадцать раз объекты медленно двигались в одном направлении вдоль участка, с которого открывается вид на аэродром. Микроавтобус с надписью „Zettelmeyer“ (возможно, из ФРГ) был отмечен вблизи военного объекта 25 и 27 марта. 26 и 27 марта в общей сложности трижды был замечен зеленый «Фольксваген-Гольф» с наклейкой „D“ (ФРГ)».

Хотя наблюдателям приходилось сталкиваться с совсем небольшим количеством подозрительных моментов, им не удалось определить номера машин. В первом случае они так и не узнали точно, был ли микроавтобус из ФРГ или нет. Через год во время смены войск в апреле и мае 1981 года 180 скрытых наблюдательных пунктов контролировали 58 аэродромов, 26 железнодорожных станций и много других важных военных объектов. Но

на эту операцию было направлено 500 сотрудников госбезопасности. В преддверии операции «Прыжок 2/83» готовилось превентивное наблюдение за 225 западноберлинскими гражданами, попадавших еще ранее под подозрение в шпионаже, на случай их въезда в ГДР. На самом деле за два месяца смены войск 94 человека из числа этих лиц въехали в Восточную Германию. За 19 из них велась слежка, но лишь в одном случае были получены «оперативно важные сведения». Второй главный отдел был самокритичен в своих оценках.

«Проведенные Восьмым главным отделом мероприятия по ведению наблюдения в связи с включенными в розыскные списки западными берлинцами не могут оцениваться как эффективные. Из-за нехватки собственных сил в связи с другими, срочными мероприятиями слежку за объектами либо не удалось установить, либо она была прервана через короткое время, так как не было гарантии, что восьмой отдел соответствующего окружного управления сможет продолжить наблюдение за объектом. Прежние меры по наблюдению и розыску против 200–300 лиц этой категории оказались безрезультатными и только связали большую часть выделенных для операции «Прыжок» сил и средств. Сужение круга подлежащих контролю лиц только улучшило бы эффективность работы Восьмого главного отдела».

Тем не менее, во время весенней операции «Прыжок» 1984 года снова были привлечены большие силы МГБ. Наблюдатели отметили в этот раз 2000 человек и машин, из которых, после анализа всех попавших в руки МГБ данных, «восемь случаев привлекли к себе более пристальное внимание, но ни в одном случае так и не было обнаружено достаточных улик для обвинения в военном шпионаже».

Хотя превентивное наблюдение за западноберлинскими гражданами еще за полгода до этого было признано неэффективным, в контрразведке МГБ то ли не полностью поняли преподанные уроки, то ли контрразведчикам пришлось поддаться давлению руководства министерства. Потому что снова Второй главный отдел составил розыскной список на 251 западного берлинца, из которых 100 въехали в ГДР. За 15 лицами велась слежка Восьмым главным управлением или восьмью отделами в окружных управлениях. На этот раз в двух случаях были замечены важные улики для продолжения дела, но арестов так и не последовало. Потраченные без толку усилия особенно видны на

следующем примере. 17-й отдел Второго главного отдела, отвечавший за конспиративное наблюдение, получение вещественных доказательств, документирование и идентификацию шпионских действий разведок противника, с 10 апреля по 2 мая 1984 года систематически следил за пассажирами, ездившими из Биркенвердера (на северо-западной окраине Берлина) в Нойруппин и обратно. В каждом направлении отдел НА II/17 дважды в день использовал трех, позднее двух наблюдателей на каждый автобус. Зданием их было обнаружить, не пытался ли кто-то из пассажиров по дороге понаблюдать за советскими военными объектами Фельтен-Бергсдорф (вертолетный аэродром) и Штольпе (по данным МГБ, ракетная позиция). То, что такая слежка за пассажирами автобусов вряд ли принесет большие успехи, можно было предположить с самого начала. Сотрудники «Штази» заметили, что расстояние от дороги до военных объектов составляет почти два километра, автобус идет со скоростью 80 км/ч, а весенняя листва на деревьях хорошо скрывает объекты от наблюдения. В самом автобусе сотрудникам тоже мало что удавалось заметить.

«Можно сделать вывод, что в автобусах-«гармошках» и туристических автобусах практически никто из пассажиров во время движения не стоит, поскольку в автобусах много свободных мест для сидения. А сидящие пассажиры спокойно со своих мест могут видеть военные объекты, никак при этом не привлекая к себе внимания оперативных наблюдателей».

Кроме того, для госбезопасности с каждым разом все труднее становилось вообще отличать западных граждан — а именно такие путешественники интересовали контрразведку в первую очередь — от прочих пассажиров.

«Определение граждан ФРГ и Западного Берлина на основании их внешнего вида, особенно одежды, стало практически невозможным. Можно прийти к выводу, что прежние различия в моде уже исчезли. Граждан ФРГ и Западного Берлина можно иногда отличить разве что по каким-то второстепенным признакам, например, ярким пакетам, тропическим фруктам и т. д.».

Поэтому с этим своим мероприятием «Штази» попала пальцем в небо.

«Можно сказать, что с нашей точки зрения использование оперативных наблюдателей для решения указанных задач потребовало больших расходов времени и сил, но не принесло желаемого успеха. Только расходы на автобусные билеты составили около 700 марок ГДР».

Но и после такого вывода Второй главный отдел по-прежнему проводил такие «комплексные операции», несмотря на большие расходы сил, времени и денег, «поскольку лишь сравнение всех полученных оперативным путем данных из разных округов могло бы привести к содержательной и поддающейся анализу информации».

Успешные операции «Атака» (1977–1978) против транзитных шпионов, «Перспектива» (1980–1986) против шпионов из числа восточногерманских водителей-дальнобойщиков и «Universum» («Вселенная», с 1984 года) против попыток вербовки военнослужащих и сотрудников вооруженных органов ГДР не могут скрыть того факта, что самым частым оперативным результатом в 1980-х годах было «неподтверждение» изначальных подозрений. Зная это, следует задаться вопросом, соответствует ли действительности самооценка Второго главного отдела, согласно которой 1982–1986 годы были самым успешным временем в ее истории. Известные цифры арестов по обвинению в шпионаже только Вторым главным отделом не только неполны, но и не делают различия между разведкой боевого порядка и боевого расписания („order-of-battle intelligence“) и шпионажем в других целях. Даже если само количество арестов правильно, все равно в будущем на основании других открытых для ученых досье из архивов БНД нужно будет проверить, действительно ли блестящие успехи 1950-х годов и, прежде всего, разгром старой широкой сети местных наблюдателей БНД во второй половине шестидесятых в качественном (но и в количественном) плане привели к столь долговременным и опустошительным для БНД последствиям. Ведь уже сейчас хорошо известно, что разгром этой сети побудил Федеральную разведывательную службу к массовой вербовке западногерманских граждан для ведения разъездного и транзитного шпионажа. По его собственным данным МГБ лишь в мае 1985 года впервые успешно завершило оперативное дело, «открытое в связи с внешней контрразведывательной защитой военных объектов», арестом шпиона, пойманного с поличным во время рекогносцировки военных сооружений. Речь шла об одном западном берлинце, машинисте тепловоза на принадлежавшей ГДР государственной железной дороге «Дойче

Райхсбан», который почти ежедневно использовал свои поездки по ГДР, чтобы наблюдать не только за восточногерманским железнодорожным транспортом, но и за военными объектами и перевозками. К тому же он несколько раз в год приезжал в гости к своим родственникам, пользуясь и этими поездками для ведения военного шпионажа.

д) Чиновничий бюрократизм: пример «линейного эгоизма»

В ходе широкомасштабной контрразведывательной операции «Перспектива» Второму главному отделу МГБ в первой половине восьмидесятых годов удалось раскрыть сеть шпионов БНД среди водителей-дальнобойщиков. Если верить отставному подполковнику контрразведки Гельмуту Вагнеру это была вообще первая контрразведывательная операция, управляемая из центра «по ту сторону «линейного эгоизма» в штаб-квартире», в которой участвовали также шесть окружных управлений МГБ. Лишь в 1987 году министр госбезопасности Эрих Мильке издал служебное распоряжение, согласно которому было точно определено, что руководящая роль и приоритет во всех контрразведывательных вопросах по отношению ко всем другим «линиям» МГБ, за исключением Главного управления разведки, принадлежит Второму главному отделу.

На потери эффективности и информации особенно при борьбе с военным шпионажем, по причине «линейного эгоизма», т. е. недостаточно четко определенных сфер ответственности между разными отделами, что вызывало внутриведомственные противоречия, четко указывал анализ рабочей группы в составе Второго главного отдела в 1985–1986 годах. Генерал-майор Гюнтер Кратч при поддержке Центральной аналитико-информационной группы министерства (ZAIG) вынужден был отстаивать свою позицию в споре с Первым главным отделом (военная контрразведка), Седьмым главным отделом (контрразведывательное обеспечение МВД и народной полиции), Девятым главным отделом (следственный орган), Восемнадцатым главным отделом (защита народного хозяйства), Девятнадцатым главным отделом (защита транспорта, почты и связи) и Двадцатым главным отделом (контрразведывательное обеспечение и контроль за государственным аппаратом, культурой, искусством, церковью, подпольем и т. д.). В то же время четвертый отдел (НА II/4) напомнил о необходимости поддержать самое слабое звено в цепи — контрразведку районных отделений МГБ. Что касается Второго главного отдела в

министерстве и вторых отделов в окружных управлениях, то там самым слабым звеном был реферат национальной обороны. Именно борьба с военным шпионажем, как требовала штаб-квартира, находилась в сфере приоритетной ответственности этого реферата, но он сам не мог справиться с такой задачей в одиночку.

В области военной контрразведки лучше всего было налажено сотрудничество с Первым главным отделом, который и должен был в первую очередь заниматься этой задачей. Генерал-лейтенант Кратч связывал улучшившуюся «координацию процессов внутренней и внешней контрразведки» с его Вторым главным отделом с усилиями генерал-майора Манфреда Дителя, с 1987 года первого заместителя начальника Первого главного отдела, «который как прежний долголетний сотрудник Второго главного отдела обладал большим пониманием важности военной контрразведки и внес это понимание в наше сотрудничество». Но даже между этими двумя подразделениями, и — больше того — внутри самого Первого главного отдела координация действий военной контрразведки отнюдь не всегда происходила гладко. Лишь в конце февраля 1983 года начальник Первого главного отдела генерал-майор Манфред Дитце (генерал-лейтенант с 1989 года) издал четкий приказ, регулирующий общее управление военной контрразведкой в ННА и в пограничных войсках и передал руководство ею своему заместителю, тогда еще полковнику, Манфреду Дителю. Старое распоряжение от октября 1978 года, подписанное еще предшественником Дитце генерал-лейтенантом Карлом Кляйнюнгом не решало проблему окончательно. Только в мае 1984 года после длительных переговоров было принято соглашение о координации «для борьбы с враждебными действиями против вооруженных сил ГДР». Основным принципом соглашения было следующее.

«Во всех случаях, касающихся внешнего контрразведывательного обеспечения военных объектов следует обеспечить общее сотрудничество с Вторым главным отделом, во всех случаях, касающихся внутреннего контрразведывательного обеспечения военных объектов, следует обеспечить общее сотрудничество с Первым главным отделом».

Боровшийся с военным шпионажем отдел НА II/4 согласно принципам этого соглашения о сотрудничестве, должен был развивать и поддерживать «тесные деловые контакты и обмен информацией» с отделом внешней контрразведки Первого главного отдела, а в вопросах, связанных с

контрразведывательным обеспечением военного строительства и транспорта и военной торговли с Первым главным отделом Министерства национальной обороны. Слово «развивать» означает, в частности, что этих самых тесных деловых контактов в такой форме до сего времени еще не было.

Внутриведомственные трения и организационные проблемы, о которых как о препятствии оперативной работе в один голос говорили многие сотрудники западногерманской БНД, были, таким образом, свойственны и контрразведки МГБ. В одном отчете Второго главного управления за 1983 год сказано так.

«Проведение операции «Прыжок» во вторых отделах окружных управлений стало постоянной частью оперативной работы. Но следует критически оценить то положение, что некоторые вторые отделы частично отстраняются от поддержания информационных связей в рамках операции «Прыжок 2/83». Это касается в первую очередь округов Карл-Маркс-Штадт, Гера, Зуль, Потсдам и Магдебург. В случае с некоторыми вторыми отделами окружных управлений даже складывается впечатление, что там преднамеренно придерживают у себя собранные сведения для важных с оперативной точки зрения решений оперативных спецгрупп. Такое положение вещей сложилось во вторых отделах окружных управлений Эрфурта, Потсдама и Котбуса. Тут по-прежнему необходимо преодолевать «ведомственное» мышление».

Помимо такой бюрократической конкуренции работе мешали регулярные требования выполнения плана в охоте на шпионов, даже там, где никаких шпионов не было. Эта сторона жизни контрразведки — расхождение между предполагаемыми действиями западных служб, их доказуемостью, что касалось вины конкретных лиц, и возраставших исходя из этого усилий, тратившихся на контроль и наблюдение, видна только в общих чертах.

Но представлять проблемы МГБ как успехи БНД было бы, пожалуй, неверно с точки зрения методики. Недостатки контрразведки можно лишь тогда приписывать разведслужбе противника, если бы та умышленно способствовала их возникновению. Многие трудности госбезопасности ГДР были вызваны, как стало видно, вероятно, лишь постфактум, ее заносчивостью и объективно «хромавшей» логикой безопасности. Все эти

недостатки были внутреннего происхождения. Но то, что успехи в контрразведке достигаются лишь после длительных расследований, которые в повседневной жизни часто основываются на выматывающей рутине и требуют внимательности для определения всего одной важной детали из множества мелочей, лежит в самой природе контрразведывательной работы всех секретных служб. Однако различные многочисленные препятствия в работе «Штази», которые мы тут показали на примере лишь маленького участка работы контрразведки, заставляют по-иному взглянуть на ту блестящую картину удивительной эффективности и постоянного превосходства над противником, которую изображают в своих воспоминаниях бывшие офицеры МГБ.

МГБ легко удавалось парализовать разведывательные операции западногерманских спецслужб, утверждает в своих мемуарах генерал Вернер Гроссманн, с 1986 года официальный преемник Маркуса Вольфа на посту начальника Главного управления разведки:

«Таким образом, чем лучше мы вели постоянное слежение за Федеральной разведывательной службой, Федеральным ведомством по охране конституции и некоторыми его земельными ведомствами а также за Службой военной контрразведки МАД, тем в лучшем положении мы оказывались для нанесения еще более эффективных ответных ударов. Мы расширили информационный спектр с использованием существующих источников и открыли новые возможности для углубления и расширения наших знаний. Мы точно знали об оценках политической ситуации, которые делали в Федеральной разведывательной службе, располагали конкретными сведениями о том, как организуют свою агентурную работу спецслужбы ФРГ».

В досье контрразведки МГБ можно найти немало подтверждений тому, что такая самоуверенность до 1989 года не оказывала влияние на ежедневную служебную деятельность сотрудников, и такая несокрушимо оптимистическая самооценка была высказана только после того, как и МГБ, и сама ГДР отошли в прошлое.

V. «Для других стран слишком безвредна»? Первое подведение итогов военного шпионажа БНД

В Холодной войне надежность собранных военной разведкой сведений о боевой мощи, боевом порядке, структуре и вооружении войск противника по другую сторону Железного занавеса имела огромное значение. Это касается функции военной разведки и как средства раннего предупреждения о возможном внезапном нападении, и как средства для принципиальной оценки военного потенциала и вытекавших из него оперативно-стратегических возможностей противника. Современные исследователи исходят из того, что и Восток, и Запад в Холодной войне располагали достаточными знаниями, чтобы сделать вывод о взаимном военном паритете.

Но какую роль в западном военном шпионаже сыграла западногерманская Федеральная разведывательная служба? Действительно ли она была «для других стран слишком безвредна», как показалось это Рихарду Майеру, начальнику ее отдела агентурной разведки в начале 70-х годов, «полная неприязнательности и обывательской мелочности», с которыми, по его словам и работали «мюнхенские разведчики в организации численностью равной батальону»? Верно ли, что «МГБ почти полностью контролировало агентов вражеских спецслужб в ГДР», как утверждают не только ветераны «Штази», но и один из ведущих исследователей истории немецкой разведки? Ответ, что касается избранной в этой книге сферы деятельности БНД, а именно ее разведки боевого порядка и боевого расписания против советских войск в ГДР, будет звучать совсем не так, как принято, в общем и целом, отвечать на него с обеих сторон былого противостояния. Прежде всего, другими глазами следует взглянуть на аргументы, которые с удовольствием приводят бывшие сотрудники МГБ, утверждая, что структура, методы, операции и агенты БНД были едва ли не стопроцентно раскрыты контрразведкой «Штази», потому борьба с ними была всегда успешной. Уже упоминавшиеся примеры супружеских пар Б. и Й., а также другие приведенные тут случаи долголетней шпионской деятельности заставляют задуматься о степени успеха или неудачи БНД. Действительно, что имело больше значение: конечное разоблачение западных агентов восточногерманской

контрразведкой или их предшествующая многолетняя нераскрытая работа на разведку Пуллаха? С другой стороны, тот аргумент, что хоть БНД, возможно, и проиграла много битв, но, в конечном счете, Холодную войну выиграл все-таки Запад, сам по себе ничего не объясняет с точки зрения анализа, переводя проблему в область общеисторического процесса.

Более точная картина получается, если рассмотреть разведку БНД против ГСОВГ и ГСВГ в историческом масштабе. В пятидесятых и начале шестидесятых годов военная разведка БНД против советских войск в Восточной Германии была очень успешной. Перед постройкой Берлинской стены западногерманская разведка располагала полными и детальными знаниями о советских вооруженных силах в ГДР. Огромное количество агентов до 1961 года передавало донесения о почти каждой советской воинской части, а также об инфраструктуре и военных перевозках по восточногерманской территории. Собранные таким образом сведения помогли создать актуальную и точную картину ситуации, которую разведка передавала политическим правящим кругам. Примером может служить 17 июня 1953 года. Хотя Служба не смогла предсказать точную дату и развитие спонтанного народного восстания, она своевременно привлекла внимание боннских политиков к тем происходившим в ГДР процессам, которые привели к событиям 17 июня. В ходе восстания и после него почти 1300 агентурных донесений поступили в штаб-квартиру в Пуллахе, которой удалось сложить мозаику из элементов отдельных агентурных сообщений и тем самым реконструировать основные фазы народного восстания и, прежде всего, его подавления советскими войсками.

Без сомнения военная разведка БНД благодаря ее многочисленным восточногерманским информаторам, по меньшей мере, до постройки Берлинской стены была важнейшим в ФРГ источником информации о военной ситуации в ГДР. Разоблачение агента КГБ Хайнца Фельфе в 1961 году, возможно, действительно привело к деморализующим последствиям в Пуллахе, которые, по словам Рихарда Майера, ощущались там еще и десятилетие спустя. Но разоблачение и арест Фельфе не имели непосредственных существенных последствий для сети восточногерманских наблюдателей за советскими гарнизонами, живших поблизости советских военных объектов и следивших за ними, а также внутренних источников, например, из числа немецкого технического персонала на объектах ГСВГ. Куда более серьезными и длительными последствиями для поддержания очень плотной агентурной сети БНД в ГДР обернулось произошедшее в том же году закрытие границы.

После краткого перерыва в контактах между оперативниками БНД и их источниками в ГДР вследствие строительства Берлинской стены 13 августа 1961 года, эти связи часто были восстановлены уже через несколько месяцев. Хотя наблюдение за гарнизонами уже не могло осуществляться с прежней плотностью, и количество поступавших с Востока сообщений уменьшилось, по-настоящему глубокое проникновение восточногерманской контрразведки в агентурную сеть БНД началось лишь в 1964–1965 годах. Но Федеральная разведывательная служба заранее достаточно хорошо подготовилась к физическому разделению Берлина — важнейшей базы для контактов с ее агентами в Восточной Германии. Что касается исторической даты 13 августа 1961 года, то возможность закрытия границ для прекращения потока беженцев из ГДР Служба отметила еще в июле и в первой половине августа 1961 года как самую вероятную возможность решения проблемы. Другие возможные действия Москвы и Восточного Берлина против западной части города, например, повторение Берлинской блокады 1948–1949 годов, чего так опасался Франц Йозеф Штраус, не противоречили этой оценке аналитиков БНД, но дополняли ее в выводах Службы. Судя по всему, события в Берлине происходили бы точно так же, как это было в реальности, даже и в том случае, если бы, предположим, западные державы незадолго до закрытия границы узнали бы об этом решении Хрущева и Ульбрихта. Потому с исторической точки зрения при анализе деятельности Федеральной разведывательной службы летом 1961 года не следует сводить оценки лишь к тому факту, что Службе, мол, не удалось определить точный день этого события, а именно 13 августа. Разумеется, для репутации разведки важно уметь заблаговременно сообщать о событиях такого большого значения, а ошибочные сообщения или отсутствие сообщений (разведывательные ошибки — „intelligence failures“) обходятся порой слишком дорого, что, к примеру, было наглядно продемонстрировано в случае с терактами 11 сентября 2001 года. Но качество работы разведки, среди прочего, следует измерять и непрерывностью и уровнем получаемых ею сведений, а также талантами ее аналитиков. Конечно, точность или ошибочность подобных прогнозов очень важна для разведки, и не только как доказательство ее разведывательного и аналитического потенциала и тем самым — ее эффективности. Ключевая информация вне зависимости от целесообразности и возможности ее использования в тот или иной политический момент несомненно необходима, поскольку она оправдывает затраты государства разведывательную службу и свидетельствует об ее полезности в демократическом государстве и с точки зрения общества.

После 13 августа 1961 года последовала постепенная потеря восточногерманских наблюдателей на местах, которая во второй половине шестидесятых годов привела к резкому падению в количественном плане уровня разведывательной работы против ГСВГ. Федеральной разведывательной службе после 1961 года было все сложнее поддерживать контакты со своими агентами с помощью почтовой или радиосвязи. Закрытие границ предоставило восточногерманской госбезопасности возможность тщательно организовать контроль и проверку сохранившихся каналов связи — упоминавшихся почтовой и радиосвязи, а также во все большем масштабе — транзитных маршрутов на земле и на воде. БНД очевидно недооценила тщательность и скрупулезность работы контрразведчиков «Штази». Нет сомнения, что западные службы «не всегда действовали с должным профессионализмом и конспиративной добросовестностью». Во всяком случае, закрытие границы с Западным Берлином — базой вражеского шпионажа облегчило работу МГБ, которому в последующие годы удалось достичь значительных успехов контрразведывательной работе, которые, однако, не подавались общественности с такой помпой, как аресты настоящих или предполагаемых шпионов в ходе «концентрированных ударов» десятилетием раньше. В этом смысле шестидесятые годы по праву можно назвать «золотой эрой» контрразведки МГБ. Закрытые границы, прежде всего в Берлине, позволили спецслужбам Восточного блока раз за разом разоблачать и нейтрализовать многочисленных западных шпионов.

Но даже в этот период времени Пуллаху удалось добиться некоторых успехов, изменив свою стратегию, т. е. сосредоточившись на вербовке «маршрутников» и транзитных шпионов из ФРГ и Западного Берлина. Примерами использования таких агентов в целях стратегической разведки могут служить супружеские пары Б. и Й. Тогда еще не началась та «агрессия в мягких тапочках», как ее назвал Вальтер Ульбрихт, с которой столкнулась госбезопасность в начале семидесятых годов, когда в связи с улучшением и расширением гуманитарных связей Востока и Запада после сближения обоих германских государств поток хлынувших в ГДР западных гостей поставил перед «Штази» почти непосильные задачи.

В эпоху, наступившую после подписания договора об основах взаимоотношений между ГДР и ФРГ, вступления ГДР в ООН и подписания Заключительного акта Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, Федеральная разведывательная служба использовала новые оперативные приемы, например, вербовку агентов среди восточно- и западногерманских водителей-дальнобойщиков или «выездных кадров»

ГДР. Эти новые идеи приписывались, как правило, Рихарду Майеру. В годы президентства в БНД Клауса Кинкеля (с 1 января 1979 года) и его преемника Эберхарда Блума эти оперативные методы были очевидно модифицированы и расширены. Больше внимание стало уделяться вербовочным подходам через третьих лиц, целенаправленному выведыванию информации под видом внешне безобидных бесед, а также попыткам прямых вербовок сотрудников вооруженных органов ГДР. БНД также старался заполучить и внутренние источники. Хотя если Пуллаху удалось завербовать «крота» в штаб-квартире советского КГБ — Леонида Кутергина, который под агентурным псевдонимом «Виктор» с 1970 по 1983 год шпионил для западногерманской спецслужбы, находясь на одной из центральных позиций в советской разведке — в конце своей шпионской карьеры Кутергин (он сбежал на Запад в 1984 году) был заместителем начальника управления экономической разведки, то, насколько нам известно, с момента постройки Берлинской стены и до падения ГДР у немецкой разведки не было ни одного источника на высокой должности из числа офицеров ГСВГ. Хотя отдельным внутренним агентам из числа восточных немцев, работавших на советских объектах, например, уже упоминавшемуся электрику Герхарду Д., лишь изредка удавалось добиться успехов, тем не менее, контрразведке «Штази» в ее противостоянии с разведкой БНД в последнем десятилетии существования ГДР приходилось очень нелегко, несмотря на ряд удачных контрразведывательных операций. Это касается и собственно западногерманских разведывательных операций против ГСВГ — а в восьмидесятых годах также в значительной степени и против ННА — с использованием массовой агентуры (HUMINT) «в чистом виде», то есть, без учета сведений, полученных от технической разведки, от союзных спецслужб и от опросов беженцев и перебежчиков.

Достигнутые агентурной разведкой БНД успехи порой доставались дорогой ценой, ибо Пуллах потерял многих своих агентов, сделав, впрочем, необходимые выводы из этих трудных уроков. В 1984 году Второй главный отдел МГБ подчеркивал, что «противник пользуется утонченными, хорошо маскируемыми приемами при получении военной информации». Несколькими годами раньше руководитель Второго главного отдела генерал Крагч констатировал, что арестованные контрразведкой транзитные и разъездные шпионы благодаря подготовке в БНД и накопленному западногерманской разведкой опыту могли «проводить квалифицированные разведывательные наблюдения». Размещенные в ГДР войска в связи с этим столкнулись с «широкой, то есть многочисленной сетью военных шпионов».

С момента основания ГДР и до ее краха военный шпионаж, несмотря на неудачное десятилетие после 13 августа 1961 года, принадлежал к числу наиважнейших разведывательных приоритетов БНД в Восточной Германии. Даже в эпоху спутниковой и радиоэлектронной разведки кропотливый подсчет количества и определение типов военной техники — то есть „order-of-battle intelligence“ старой школы, как в первые годы существования Организации Гелена, неизменно оставался тем краеугольным камнем информационного фундамента, на котором Бундесвер и НАТО могли строить свои оценки возможностей и намерений Варшавского договора вплоть до его роспуска.

Давление Пуллаха на советские войска в Германии и тем самым на контрразведку госбезопасности ГДР никогда не уменьшалось, и МГБ всегда высоко оценивало значение разведывательных операций против ГСОВГ и ГСВГ, как и против Казарменной народной полиции и ННА. За почти сорок лет своей деятельности «Штази» смогла разоблачить и арестовать свыше 5000 сотрудников западных разведок. 80 % из них действовали в интересах западногерманских спецслужб, и 80 % общего объема западного шпионажа в Восточной Германии, по оценкам МГБ, припадало на разведывательные операции против дислоцированных там войск.

Даже после краха ГДР размещенные на ее территории и переименованные в Западную группу войск советские войска оставались под пристальным наблюдением западных спецслужб. Препятствия на пути западных шпионов стали несоизмеримо меньше: министерства госбезопасности больше не существовало. Падение Берлинской стены фундаментально изменило и положение советских войск в ГДР, приведя в результате к полному их выводу (уже как российской армии) в 1994 году. Развал прежнего сотрудничества с МГБ и совершенно свободное отныне перемещение людей из одной части объединяющейся Германии в другую «военные чекисты» встретили в состоянии почти полной беспомощности. Потому никого не должно удивлять, что во время вывода Западной группы войск, растянувшегося до августа 1994 года, успехи Федеральной разведывательной службы намного превзошли прежние, достигнутые ею во время существования ГДР. Бывший сотрудник БНД Норберт Юрецко в своих мемуарах «Условно пригоден к службе» описывает одну из операций Службы в сотрудничестве с DIA — Разведывательным управлением министерства обороны США, и с ЦРУ. С помощью специальных зондов, установленных вдоль полотна железной дороги разведчики контролировали эшелоны, вывозившие из Германии российские ядерные боеприпасы. Впрочем, такие системы наземных зондов и наземных

сенсоров уже использовались американскими спецслужбами в СССР (впервые их использование там было разоблачено в 1977 году), в Болгарии (раскрыты впервые в начале 80-х годов) и в ГДР (раскрыты впервые в 1983 году).

МГБ хорошо знало об этой комбинации агентурной и технической разведки. В одном из аналитических отчетов Второго главного отдела за 1988 год сказано, что «с использованием соответствующих измерительных приборов перевозки ядерных материалов легко могут быть обнаружены противником на расстоянии до 100 м от железнодорожного полотна».

«При дистанции в 5-10 метров и продолжительности измерений не менее 1 минуты могут быть получены сведения о характеристиках перевозимых ядерных боеприпасов. Тем самым, противник, в том числе сотрудники военных миссий связи США, Великобритании и Франции, объективно получит возможность сделать выводы о типе перевозимых боеприпасов, контролировать перевозки ядерного оружия по железной дороге и разведывать места его складирования в ГДР».

Несмотря на высокую результативность, использование технических средств разведки было тоже связано с большим риском. Агентам необходимо было доставить, спрятать и обслуживать такие приборы, а опасность их обнаружения была весьма вероятной. Кроме того, техника могла только определять и фиксировать определенные процессы, но оценить и анализировать результаты могли лишь эксперты. Но если удавалось завербовать внутреннего агента, как например, произошло с подполковником Петром Поповым из разведуправления ГСВГ, то такой «крот» мог сообщать даже информацию из окружения тогдашнего советского министра оборон Жукова. Хотя вербовка таких шпионов считается примером виртуозного мастерства разведки — если, конечно, завербованный информатор не является двойным агентом вражеской контрразведки, но подавляющее большинство агентурных сообщений как до, так и после постройки Берлинской стены исходило вовсе не от подобных суперагентов. Уже в самом начале своей разведывательной работы против Восточного блока в сороковых годах западные спецслужбы помимо местных наблюдателей, внутренних источников, транзитных и разъездных шпионов, вербовок в третьих странах и получения информации в ходе внешне безобидных бесед использовали разнообразные другие методы агентурного шпионажа.

В первое десятилетие после 1945 года особое значение приобрели опросы бывших немецких военнопленных, возвращавшихся из Советского Союза. Многие из них работали на предприятиях советской промышленности. Они были знакомы потому на собственной шкуре с большими заводами, шахтами, аэродромами, сортировочными станциями и транспортными узлами, равно как и с проблемами повседневной жизни за Железным занавесом. С 1949 по 1954 годы только разведка американских ВВС опросила свыше трехсот тысяч вернувшихся домой военнопленных и написала на основании полученных сведений свыше миллиона отчетов, во многом позволивших закрыть американский «разведывательный пробел» о Советском Союзе. На основе этих данных, в частности, Стратегическое авиационное командование ВВС США выбирало цели при планировании атомных бомбардировок СССР. Англичане начали опрашивать возвращавшихся из СССР военнопленных предположительно осенью 1947 года, самое позднее в начале 1948 года. Опросы проходили в Бад Дрибурге, поблизости лагеря для перемещенных лиц Фридланд. Всего было опрошено около четверти миллиона человек. Летом 1947 года началась аналогичная операция и Организации Гелена. Объем полученной информации превышал тот, который могли бы собрать отдельные агенты, заброшенные вглубь Советского Союза. С началом ведения разведки против Советской оккупационной зоны (СОЗ) начались точно такие же систематические опросы переселенцев, переехавших на Запад. Если западные разведки осторожно выводывали информацию у возвратившихся из СССР бывших солдат Вермахта, чтобы получить данные о Советском Союзе, то опросы переселенцев, беженцев и эмигрантов помогали собирать массу сведений о Восточной Германии. Если сотрудники из Пуллаха не представлялись таким людям открыто, то на жаргоне БНД таких лиц называли «рецептивными источниками». Это означало, что они не собирали информацию целенаправленно, не проходили специальную подготовку для ведения военного шпионажа, а информацию из них «высасывали» под каким-либо благовидным прикрытием. В картотеке БНД с данными о наблюдении за местами дислокации такая информация проходила с пометкой «Поперечный разрез».

С 1945 по 1951 год более пятисот советских военных и гражданских лиц сбежали на Запад. Только британские разведчики с лета 1947 по лето 1948 года допросили 65 дезертиров из советских войск в СОЗ. Ценность их для британской и американской разведок состояла в классическом сборе сведений о дислокации, структуре, боевом порядке, вооружении советских войск. Уже в 1946 году берлинская резидентура американской Центральной

разведывательной группы (ЦРГ) могла, по ее оценкам, «точно определять любую цель в СОЗ и почти без опоздания организовывать наблюдение за ней с помощью своих агентов».

С 1 января 1959 по 1 мая 1989 года МГБ зарегистрировало 10791 случай дезертирства из рядов Главного учебного управления, Казарменной народной полиции, Национальной народной армии, пограничных войск и пограничной полиции, среди них 547 офицеров и 1457 унтер-офицеров. До 13 августа 1961 года было 8278 дезертиров, после 14 августа 1961 по 1 мая 1989 года — оставшиеся 2513. Неизвестно, правда, насколько успешно закончились все эти побеги из воинских частей, т. е., скольким дезертирам действительно удалось добраться на Запад. Конечно, Организация Гелена и БНД могла допрашивать только тех восточногерманских солдат, которым это удалось, и с их помощью узнавать важную информацию о дислоцированных в ГДР войсках. По подсчетам историка из Потсдама Рюдигера Венцке, на основании досье из архивов ННА можно утверждать, что намного больше семи тысяч военнослужащих восточногерманских вооруженных сил смогли сбежать на Запад. Из них только между 1 декабря 1989 и 27 августа 1990 года еще 1348 военнослужащих ННА и погранвойск, в том числе 57 офицеров — почти все офицеры тоже ушли на Запад. До 1961 года перебежчики из МГБ были важным источником информации о внутренней жизни и взаимоотношениях в восточногерманской секретной службе. В тени хоть и знаменитого, но единичного случая Вернера Штиллера часто забывается, что до постройки Берлинской стены 100 действующих и 356 бывших сотрудников «Штази» сбежали из ГДР. А между 1961 и 1970 годами еще 17 действующим сотрудникам МГБ удался побег на Запад.

Еще в самом начале своего существования Организация Гелена вела так называемую почтовую разведку, например, в Польше. Почтовую связь устанавливали с источниками, говорившими и на немецком, и на польском языках и через них собирали преимущественно сведения военного характера. Через шпионаж в СОЗ таким образом открывалось «окно», через которое можно было заглянуть далеко на Восток. Использование почтового контроля в разведывательных целях применялось и БНД против ГДР. В 1978 году из 248,4 миллионов писем в и из стран Варшавского договора (из них 188,4 миллиона только в и из ГДР) около 1,6 миллиона были изъяты БНД у Немецкой федеральной почты, проверены, и вновь отправлены адресатам. В результате были получены не столько конкретные сведения о военных вопросах, сколько добыты данные о военно-психологическом состоянии восточногерманского населения, например об его отношении к

урокам военного дела и о взаимоотношениях с солдатами из ГСВГ.

Радиоразведка БНД постоянно и плотно прослушивала определенные регионы, например, городок Штраусберг под Берлином, месторасположение Министерства национальной обороны ГДР, чтобы отметить, кто из его жителей регулярно поддерживает телефонные контакты с Западной Германией. Из подслушанного содержания разговоров и опираясь на зарегистрированные в алфавитном порядке имен абонентов, целенаправленно выявлялись потенциальные источники в ГДР и их контактные лица в ФРГ.

Для получения информации о происходившем в Восточной Европе Пуллах использовал беженцев из Восточной Европы и оставшиеся у тех связи в их странах, поскольку эти эмигранты были враждебно настроены к правящим в их странах коммунистическим режимам и потому готовы сотрудничать с БНД. К этому кругу лиц, которым пользовались и другие западные спецслужбы, относились, в частности, диссиденты, сбежавшие в 1956 году из Венгрии и в 1968 году из Чехословакии.

Помимо использования наземных зондов, прежде всего для контроля за перевозками ядерного оружия, западные спецслужбы активно обыскивали мусорные свалки в ГДР в поисках любых материалов, связанных с ГСВГ. Эту практику в годы Холодной войны активно использовали и военные миссии связи западных держав. БНД пользовалась таким методом до 1994 года. В немалой степени таким путем удавалось «выловить» сведения, имевшие большое значение для разведки боевого порядка и боевого расписания.

Бывший президент БНД Ганс-Георг Вик констатировал, что потеря сети собственных источников в ГДР после 1961 года была тактическим поражением Федеральной разведывательной службы. Но в восьмидесятых годах Пуллах добился стратегического успеха, опрашивая высокопоставленных беженцев вроде бывших директоров народных предприятий и профессоров экономики, что позволило создать точную картину экономического положения ГДР и других восточноевропейских стран. «Само собой, — писал Вик, — военная разведка всегда играла приоритетную роль». Между военной и экономической разведкой существовала тесная взаимозависимость, если дело касалось знаний о военной промышленности и о новых технологиях. Так было даже еще в 50-х и 60-х годах. Во время президентства Вика (1985–1990) БНД и другие западные службы как раз через экономический шпионаж получали сведения стратегического значения, позволявшие сделать куда более глубокие выводы, нежели информация обычного военного шпионажа. В

НАТО, где при анализе экономической ситуации Восточного блока опирались на добытые разведывательным путем сведения, был сделан вывод, что Советский Союз и его союзники экономически и технологически уже лежали на дне, что во многом объяснялась перегрузкой их экономики огромными военными расходами. Сопоставив анализ экономики ГДР с процессом политических реформ, инициированным в Москве Михаилом Горбачевым, БНД, согласно Вику, подошла в своих прогнозах о будущем ГДР куда ближе к реальности, чем отдел ГДР в Ведомстве Федерального канцлера и Постоянное представительство ФРГ в Восточном Берлине. Но правительство Федерального канцлера Гельмута Коля недостаточно отреагировало на соответствующие доклады БНД. На сегодняшний день неизвестно, то ли правительство больше полагалось на сомнительные источники, некритически оценивая, например, Статистические ежегодники ГДР и других восточноевропейских стран. Возможно и другое: правительство верило сообщениям БНД, но умышленно не использовало их в своей политике открыто, вероятно, опасаясь, чтобы в заинтересованных кругах боннской политики не возникло желания из чувства немецкой солидарности помочь режиму СЕПГ, что совершенно не пошло бы на пользу западногерманской экономике.

Вик постоянно использовал один метод получения и анализа информация, который уже второй президент БНД Герхард Вессель описал как важное оружие в разведывательном арсенале:

«К постоянному наблюдению за потенциалом иностранных держав относится также и наблюдение за их внутривнутриполитической ситуацией. Прочность государственных и общественных структур, самоидентификация народа, прежде всего его ведущих слоев, с определенной идеологией или доктриной, действенность внутреннего или внешнего влияния на эти основополагающие положения и его нынешние или будущие последствия всегда будут играть роль для тех, кто определяет внешнюю политику. Быть квалифицированно осведомленным об этом часто намного важнее для руководства внешней политикой, нежели возможность взглянуть на какой-то документ, который хоть и может правдиво сообщить о тайных намерениях иностранной державы, но в определенных обстоятельствах очень быстро теряет свою актуальность».

В принципе, любой продукт разведки, который после получения и оценки информации включается в политический процесс, сталкивается с проблемой, будет ли он воспринят политиками, принимающими решения, и в какой степени они будут его учитывать в своей деятельности. Об этих трудно учитываемых действенных факторах постоянно помнят именно в кругах сотрудников разведки. «История разведывательной деятельности каждый раз свидетельствует, что важен не секрет, который добыла разведка, сам по себе, а то, поверят и поймут ли политики значение этого секрета». После окончания Холодной войны, падения ГДР и ее Министерства госбезопасности это в полной мере касается и историографии немецких секретных служб. Понимание и осознание значения, теперь уже в историографическом смысле, определяют восприятие и имидж БНД, Ведомств по охране конституции и МАД в средствах массовой информации, общественности и политике. Это важно не только для изучения прошлого, но и для стратегий обоснования существования столкнувшихся после 1989–1990 годов с новыми задачами и опасностями органов безопасности ФРГ. Знания об их деятельности в Холодной войне — при всех недостатках демократического контроля и промахах в выборе средств для защиты свободно-демократического общественного устройства Федеративной Республики — помогают понять смысл и необходимость существования в государстве органов, занимающихся секретной деятельностью. Возражения генерала Гелена против «прозрачности» и «погони за имиджем» в работе секретных служб сегодня пора признать устаревшими. Признание ошибок и неудач хотя и выдает кое-что из внутренней жизни служб, чего те не хотели бы сообщать публике, но возможно еще больше оно свидетельствует об уязвимости и потребности в защите так называемого «открытого общества» на Западе.

Гелен попал в точку, говоря о дилемме существования не только его Службы: «Во все времена судьбу секретных разведывательных служб отягощали огульные обвинения в неудачах, даже тогда, когда на самом деле они могли бы похвастаться успехами». Службам приходится жить с таким почти устоявшимся их образом и смиряться с такой судьбой, что касается их современности и продолжающихся операций. Но высказанное Геленом в его эпоху замечание об изоляции секретных служб от общества: «В этом ничего не изменится и в будущем», уже не может сейчас быть признано абсолютно бесспорным, по меньшей мере в том, что касается прошлого. Ставшие открытыми для общественности архивы секретных служб США, а также документы «Штази» в Федеративной Республике доказывают, что научно-исторические исследования той части истории, которая касается

секретных служб, не только возможны, но и необходимы. Даже английские спецслужбы, работавшие ранее в полной изоляции от общественности, начали рассекречивать для общественности некоторые документы об истории своей деятельности в Холодной войне. Фундаментом широкой научной и общественной дискуссии о смысле и пользе секретных служб могло бы стать и опирающееся на источники исследование истории западногерманских спецслужб.

Подобную открытость, кстати, не следует воспринимать как щедрое одолжение историкам, политикам и журналистам. Предоставление свободного доступа к архивам означает право общественности быть проинформированной о деятельности спецслужб по защите либерального общества от тоталитарных угроз в прошлом и антидемократических вызовов в настоящем. Одновременно широкий доступ к архивным досье Пуллаха, а также Федерального и земельных ведомств по охране конституции и Службы военной контрразведки является необходимым для современного подхода к оценкам прошлого немецкого «разведывательного сообщества», которое с уверенностью и гордостью смогло бы продемонстрировать свои успехи и мужественно признать свои ошибки. Через полвека после основания Федеральной разведывательной службы это стало бы важным вкладом в ее собственное самовосприятие и определение ее места в истории и в современности.